СОДЕРЖАНИЕ:

БОЛЬШЕВИК

№ 17—18 № 17—18

30 СЕНТЯБРЯ

1925

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 30 СЕНТЯБРЯ 17—18

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК РКП

1 9 2 5
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 46197. Москва. Тираж 40.000.
Тип. Изд ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрян. наб., д. № 23а.

Итоги пленума ЦК партии.

Только что закончившийся пленум ЦК происходил на пороге нового хозяйственного года. В связи с этим работа пленума приобретает особое значение.

Правда, перспективы этого года еще не развернулись с достаточной определенностью. Но основной факт—хороший урожай зерновых и технических культур, сулящий значительное продвижение вперед всему нашему хозяйству,—не подлежит теперь никакому сомнению. Несмотря на происходящие заминки в ходе хлебозаготовок, несмотря на несвойственное обычно этому периоду движение цен на хлебопродукты, что в значительной степени обусловлено состоянием погоды, острым недостатком промтоваров и отсутствием в этом году налогового нажима,—несмотря на все эти явления, у нас нет оснований отказываться от тех расчетов на предстоящий год, которые нашли свое выражение в контрольных цифрах Госплана. Остаются в силе и экономические мероприятия, намеченные Госпланом в связи с контрольными цифрами.

Однако, мы не можем еще утверждать, что контрольные цифры Госплана оправдаются на все сто процентов. Будет ли это так, придется ли вносить коррективы в сторону увеличения или уменьшения этих цифр, сказать определенно еще нельзя. Окончательно предпосылки наших расчетов на предстоящий год выяснятся, вероятно, к декабрю, к моменту партс'езда. Именно поэтому пленум ЦК не решился связывать партию какой-либо окончательной оценкой хозяйственной обстановки, решив предоставить это партс'езду и оставив на ближайший период в силе ту ориентировку, которая нашла свое выражение в контрольных цифрах.

Что касается ближайших задач, то общим мнением выступавших на пленуме товарищей было признание необходимости *большего регулирования хлебозаготовительной кампании*, борьбы с конкуренцией между хлебозаготовителями, приведения политики хлебозаготовок в соответствие с выясняющейся на ближайшие месяц—два обстановкой. В выступлениях на пленуме подчеркнута, как одна из важнейших задач на предстоящий период, *необходимость развертывания промышленности*. Только путем увеличения промышленной продукции мы сможем изжить остроту товарного

голода и стимулировать предложение хлеба со стороны крестьянства. Точно также подчеркнута особо ответственная роль, выпадающая на кооперацию. Кооперация в условиях теперешнего бестоварья, на основе генеральных договоров с промышленностью, должна явиться основным каналом для проведения промтоваров в деревню и притом по ценам, доступным для крестьянина и свободным от спекулятивных накидок, практикуемых частным капиталом при наблюдающемся соотношении спроса и предложения.

По мере нашего хозяйственного под'ема с каждым годом все большее значение приобретат внешняя торговля. От развития внешней торговли зависит в возрастающей степени как дальнейший под'ем сельского хозяйства, часть излишков которого может быть размещена лишь на заграничных рынках, так и развертывание промышленности, которая нуждается в импорте оборудования, сырья и вспомогательных материалов. В предстоящем году обороты по внешней торговле дадут, в результате хорошего урожая, особенно большой скачек вверх. Заслушав доклад ЦКК об организации внешней торговли, пленум признал, что монополия внешней торговли полностью оправдала себя и в дальнейшем должна оставаться одним из основных устоев советского государства. Вместе с тем пленум нашел необходимым, в связи с ростом и усложнением задач в области внешней торговли, придать больше гибкости и специализации аппарату, осуществляющему внешнюю торговлю, и установить более тесную связь между ним и внутренними хозяйственными организациями.

С ростом нашей промышленности и увеличением количества рабочих все более усиливается значение профсоюзов. Пленум ЦК отметил бесспорное укрепление профсоюзов, выражающееся как в росте числа членов, так и в развертывании ряда отраслей массовой работы (клубы, кассы взаимопомощи, физкультура и проч.), а также в улучшении профсоюзного аппарата. Однако, он констатировал, что теперь, с повышением культурного и экономического уровня масс, острее чем когда-либо, дают себя чувствовать не везде и не до конца изжитые в профсоюзах бюрократизм, «административный» и «хозяйственный» уклоны в их работе и, как следствие этого, недостаточно глубокая и всесторонняя связь профсоюзов с массами. Между тем, именно теперь, когда активность масс растет не только в городе, но и в деревне, когда мы ставим своей задачей развертывание советской демократии, профсоюзы должны вплотную подойти к осуществлению основного своего лозунга: «ближе к массам», стать действительными органами рабочей демократии. Методам командования, администрирования, непосредственного вмешательства парторганизаций в текущую работу профсоюзов (вопросы об условиях труда, зарплате, коллективных договорах) необходимо об'явить решительную борьбу. Партийное руководство профсоюзной работой надо сделать более гибким. Профсоюзы должны больше внимания уделять выполнению своей главной задачи: защите экономических интересов рабочей массы и работе над поднятием ее культурного уровня. Профсоюзы должны приложить больше усилий для развития активности и самодеятельности масс. Они должны сделать все для того, чтобы каждый беспартийный работник видел в профсоюзе свою организацию, ему подотчетную и им контролируемую. Только при этих условиях профсоюзы смогут выполнить свою роль «школы коммунизма». Таковы те задачи, которые ЦК партии ставит теперь в области профсоюзной работы.

Одним из важнейших вопросов для нашей партии является вопрос о повышении жизненного уровня рабочего класса. Естественно, что пленум ЦК, собравшийся в момент, когда мы можем предвидеть в ближайший период новое значительное продвижение вперед нашего хозяйства, остановился и на этом вопросе. Пленум признал, что увеличение продукции промышленности и сельского хозяйства дает возможность сделать дальнейший шаг в повышении заработной платы, разумеется, в меру наших хозяйственных возможностей и в соответствии с ростом производительности труда. Партия должна уделить особое внимание улучшению положения рабочих на транспорте, в тяжелой индустрии и в других отраслях, где зарплата находится на особенно низком уровне.

У нас почти не бывает партийных совещаний, пленумов и с'ездов, где бы не стоял, в той или другой форме, вопрос об отношении к крестьянству. Этим вопросом был занят и только что закончившийся пленум ЦК. Происходившая несколько месяцев назад XIV партконференция всесторонне рассмотрела вопрос о нашей политике в деревне в новых условиях, созданных нашим хозяйственным под'емом и укреплением социалистического ядра нашего хозяйства. XIV партконференция приняла ряд решений, обеспечивающих рост крестьянского хозяйства, укрепление союза пролетариата с середняком и намечающих меры по поддержке и организации деревенской бедноты. Улучшение отношений между пролетариатом и крестьянством, рост доверия крестьян к советской власти и нашей партии, сплочение вокруг партии лучших элементов бедноты и середняков—все это свидетельствует о правильности линии, взятой XIV партконференцией, все это подтверждает, что партия стоит на верном пути и что она должна проводить эту линию и впредь.

Хороший урожай этого года, увеличение рессурсов в руках пролетарского государства, а на ряду с этим—рост дифференциации в деревне, отчасти в связи с хорошим урожаем, побудили ЦК сделать теперь ряд дальнейших практических шагов для проведения намеченной партией линии по отношению к бедноте. Именно в этом смысл принятой ЦК резолюции по докладу тов. Молотова. Ни в коей мере не упуская из виду основной своей задачи—укрепления союза пролетариата со средним крестьянством—партия намечает сейчас ряд практических мер для проведения решений XIII с'езда относительно обеспечения для бедноты фактической возможности участия в кооперации и решений XIV партконференции о поддержке хозяйства бедноты путем предоставления ей доступного и дешевого кредита. С другой стороны, повышение активности всех слоев крестьянства, развертывание в деревне советской демократии побуждают партию уделить больше внимания укреплению общественной организации бедноты в кооперации, на выборах в сельсоветы, в комитетах взаимопомощи и проч. Росту активности кулаков, их попыткам создать единый фронт с середняками наши партийные организации должны противопоставить укрепление организаций бедноты и создание бедняцко-середняцкого блока против кулаков.

И вопрос о профсоюзах и вопрос об организации деревенской бедноты,—все это звенья в цепи развертывания советской демократии. Но одним из основных условий осуществления советской демократии является укрепление демократии внутрипартийной. Нельзя бороться с бюрократизмом, практикой нажима, командования и проч. в советах и профсоюзах, если бюрократические извращения не изжиты в партийной организации, которая руководит работой профсоюзов и советов. Именно поэтому пленум ЦК решил обратиться с особым обращением ко всем партийным организациям, призывая их строить всю свою работу на основе установленных партией начал внутрипартийной демократии. В духе этих принципов партийной демократии и ленинского идейного единства партии должна быть проведена и подготовка к предстоящему в декабре XIV партс'езду. Ему должна предшествовать тщательная проработка парторганизациями всех стоящих на нем вопросов и проведение выборов таким способом, который бы обеспечил на с'езде наиболее точное и полное отражение мнений и настроений всей партии в целом.

А. Троицкий.

Зазорно ли большевику заниматься философией?

I.

Всякая серьезная политическая партия имеет перед собою три задачи. Первая из них сводится к тому, чтобы склонить на свою сторону сначала класс, представляемый ею, а затем и широкие народные массы, показать и доказать им правильность своей программы и верность намечаемых путей осуществления ее. Вторая задача заключается в том, чтобы, опираясь на сочувствие широких народных масс, и в первую голову своего класса, выступить в нужный момент на завоевание политической власти и захватить эту власть в свои руки. А за этой задачей непосредственно встает, как завершение двух первых, задача фактического осуществления той политической программы, под знаменем которой партия сбирала и вела на штурм народные массы. По другому выражаясь,—это задача организации управления страной, задача создания и упрочения нового общественного уклада в стране, признавшей данную партию выразительницей своих чаяний и надежд[1]).

Разумеется, нельзя представлять себе дело таким образом, что в жизни так оно и идет по этой схеме; сегодня мы убеждаем, ни мало не заботясь о восстании и управлении, завтра поднимаем восстание и успокаиваемся насчет убеждения, а после завтра приступаем к управлению, выбросив вон из головы всяческую заботу о первых двух задачах. Конечно, жизнь уж не столь большая поклонница теоретических схем и выкладок, чтоб выполнять их, как по нотам, не отступая ни на шаг. Само собой разумеется, что в жизни все три перечисленные выше задачи партии отнюдь не являются чем-то совершенно независимым и обособленным друг от друга: в жизни-то всегда бывает так, что каждая из них, так сказать, набегает одна на другую, вклинивается одна в другую, оставаясь всего лишь особым моментом, звеном единого процесса. Но в следовании этих звеньев есть известный порядок, при чем каждое из них, выступая, выдвигает на первый план свои особенности, делает именно их злобой дня, затемняя все остальное. Нарушить этот порядок следования, не посчитаться с особенностями каждого звена этой цепи не может никакая партия, не подвергаясь опасности своего собственного краха. Это столь понятная вещь, что в особых доказательствах она едва ли нуждается. Кому, скажем, не понятно, что большевики должны были сначала Россию «убедить», затем они ее должны были «отвоевать», а теперь перед ними

---

[1]) Ср. Н. Ленин, «Очередные задачи советской власти», Собр. сочин. Т. XV, стр. 195.

задача — Россией «управлять». Весьма нетрудно сделать промашку в отношении определения момента, когда необходимость «убедить» переходит в настоятельнейшую необходимость «отвоевать»—для этого определения нужен, как свидетельствует история, незаурядный ум, знание и опыт,—но очень трудно не понять, что прежде чем управлять, нужно спихнуть тех, кто это осуществлял раньше. Точно так же нетрудно освоиться с мыслью, что, раз большевики спихнули прежних управителей, то задача именно управления страной и должна быть определяющей их деятельность. Она должна давать основной тон всей работе.

Но если нетрудно сообразить, что именно задача управления является для нас коренной задачей момента, то не так просто усвоить себе особенности этой задачи, как таковой. Одно можно сказать, что задача управления—а управлять надо по-новому, по-иному, чем управляли раньше, управлять, не имея перед глазами образцов такого управления,—задача строительства, созидания по-преимуществу. В этом величайшее значение и исторический смысл теперешнего этапа развития русского большевизма. Теперь большевик, этот вчерашний гений бунта и разрушения, покорный велениям всесильной диалектики жизни, становится гением общественного строительства.

Вот почему и трудно в наши дни указать, какую бы то ни было область общественного строительства, куда бы большевик не приложил своих рук. На каком только поприще не подвизается он теперь, какой только работы не ведет он? Теперь для него нет общественно-ценного дела, которое могло бы остаться вне поля его внимания, теперь он все старается прибрать к своим рукам, стремясь повсюду закрепиться на «командных высотах». И это положение сохраняет полную силу как в отношении к тому, что именуют практикой, так и в отношении к тому, за чем закреплено название «теории». И эта область человеческой деятельности, область теории, отнюдь не является для большевика местом исторической свалки, предоставленной в распоряжение отживающих старьевщиков; наоборот, сюда все больше и больше направляется его внимание и здесь все реже и реже попадаются теперь такие участки, где не маячила бы фигура большевика.

Но среди этих участков теории есть один, переступить межу которого не скоро решается большевик, мучась сознанием, да нужно ли переступать-то ее? А не зазорно ли большевику быть на этом участке? Не является ли пропащим делом для строительства та работа, что ведется здесь? Или, по меньшей мере, не есть ли это пустая трата времени и сил, столь нужных по соседству? И не сказать, чтоб этот участок представлял собою мало изведанный уголок теоретической мысли,—наоборот, едва ли не всякий, кто не слишком поражен недугом Обломова, считает себя вполне надежным проводником по его захолустьям. И нельзя сказать, чтоб это был участок утонченной экзотики, где диковинными вещами занимаются не менее диковинные люди. Наоборот, всякий, даже самый заправский, обыватель скажет, что здесь занимаются самыми обыкновенными вещами, занимаются тем, великим знатоком чего всякий считает себя от рождения,—скажет, как только прочитает на межевом столбе: «философия». Почему же эта самая, можно сказать, популярная представительница царства человеческой мысли приводит в замешательство людей далеко не из робкого десятка? Почему кругом на всякие лады —от визгливого фальцета до солидного баса—раздается: «Большевик, бойся философии!» Почему сыплются эти предупреждения?

Прежде чем переходить к изучению причин этого явления, необходимо будет ознакомиться с некоторыми из таких предупреждений относительно философии, чтобы выяснить, к чему сводится их суть. С этой целью я, не залезая далеко в историю, остановлюсь на двух попытках сделать такие предостережения большевикам, имевших место совсем недавно, на нашей памяти. Одна из них—первая по времени—принадлежит тов. Минину, вторая, следовавшая за ней, должна быть записана за тов. Степановым.

Собственно, я не совсем прав, называя выступление тов. Минина против философии простым «предупреждением». Разумеется, это нечто больше, чем только предупреждение. Ему уж очень не нравилась «наша (читай: «большевиков». *А. Тр.*) возня с какой-то философией марксизма». Его философия—тоже «никакой философии»,—«философия не наше (большевистское. *А. Тр.*) дело»,—потому у нее «буржуазная стихия», и вообще это—«опора буржуазии». Очень недовольный таким положением вещей, он, будучи окончательно выведен из равновесия тем обстоятельством, что Плеханов и Ленин «трубят об этой самой философии», решил, чтоб зло пресечь, покончить с философией раз и навсегда, спустив ее в пучину морскую. В анналах истории после этого стало значиться, что в лето 1922 апреля 26 дня, в 2 ч. 25 мин. пополуночи тов. Мининым «без остатка вышвырнута за борт философия»[1]). Очевидно, падение было столь значительно, что воды океана выступили из берегов и заняли часть прилегающей к нашему герою суши и—будем надеяться на время—окружили его мокрой, если так позволительно выразиться, стихией. Тем и закончился ратный подвиг нового Минина, спасавшего «мозговые форты» большевиков от «газовой атаки философией».

Что это выступление носило некую, так сказать, милитаристскую форму, это нужно отнести за счет духа времени: ведь мы тогда в лучшем случае только что кончали с периодом военного коммунизма, мудрено ли после этого, что и поход против философии велся по-военному. Но суть этого выступления ничем не отличалась от выступлений, имевших место раньше, точно так же, как и выступления, последовавшие за мининским, ни капельки не изменили этой сути. Философия—гиблое дело, дело не наше, чужое, а в лучшем случае дело свихнувшихся, не вполне нормальных большевиков. Для философии нет места в работе большевика, ему зазорно делать ее своим делом; нельзя быть большевиком и в то же время специалистом философии: философия—погибель для большевика,—вот в чем смысл мининского состязания с философией.

Такой же смысл получило и выступление тов. Степанова, имеющее больше оснований считаться именно предупреждением относительно философии, особенно в его первоначальной форме.

---

[1]) Любопытствующему подробностями сего подвига надлежит заглянуть в „Под Знаменем Марксизма“ за 1922 г.

Здесь нет особой бутафории, ни «мозговых фортов» ни философских газовых атак, но и здесь для философии не находится места, и здесь философия лишается права на существование. Философия—это пустопорожнее место и, разумеется, при такой оказии не мудрено «удивиться», когда видишь как на этом пустопорожнем месте толкутся люди, делая лишенное всякого смысла и оправдания дело.

Философии нет, это только разговоры вся эта философия самая; на самом деле то, что называется философией материализма «философским материализмом»—это не более, как современное естествознание, или метод этого естествознания, или, наконец, выводы того же самого естествознания. Тов. Степанов так и пишет: «Философский материализм... по существу совпадает с современным естествознанием, с его последними выводами» [1]). Или еще: «Философский материализм, или, употребляя более ясное и прямое выражение,... современное естествознание»..., «материалистическая философия для него (марксиста, большевика. *А. Тр.*)—последние и наиболее общие выводы современной науки» [2]).

В другом месте говорится несколько иначе: «Выяснение общих соотношений между философским материализмом и историческим материализмом, или, что то же самое, между методами современных наук о природе (современного естествознания) и методами современных наук об обществе (современного обществознания, каковым его сделали работы Маркса—Энгельса)—вот основная задача нашей работы» [3]).

Словом, так или иначе—будет ли философия современным естествознанием или она станет «окончательными» выводами из него, или, наконец, она будет методом естествознания,—все равно самой философии, как таковой, нет места. Ее нет, она фикция или, по меньшей мере, синяя птица, увлекаться которой извинительно малым ребятам, но никак не взрослым людям, членам серьезной политической партии.

Но все же почему это так? Почему нужны эти предупреждения и собственно в чем их сила? Ведь известно, дыму без огня не бывает, так где же тот очаг, что напустил не мало дыму вокруг вопроса о философии в системе материалистического мировоззрения? На чем же основаны все эти страхи и неприязнь к философии?

II.

Говорят, что все в нашем мире обусловлено, все имеет свою, хоть малюсенькую, причину. Само собой разумеется, что и интересующее нас в данный момент явление не составляет исключения, и причина, порождающая его, может быть при желании найдена. Да, собственно, здесь и поисков долгих производить нет надобности: причина страхов перед философией и неприязни к ней давно отгадана. На нее указывал Плеханов, например.

---

[1]) Предисловие к книге Гортера, изд. 1924 г., стр. 5.

[2]) Там же, „Послесловие", стр 151—152. То же—см „Исторический материализм и современное естествознание", стр. 56—57. Ср. также стр. 23.

[3]) „Исторический материализм и современное естествознание". М. 1924 стр. 60.

В одном из номеров своего «Дневника Социал-Демократа» (за 1910 г., если мне не изменяет память) он жаловался на то, что у нас среди марксистов очень трудно встретить людей, которые изучали бы философию так, как следует, т.-е. путем работы над философами-материалистами. У нас, писал он, с жаром набрасываются на какую-нибудь финтифлюшистую новинку любого буржуазного философа и со спокойной совестью заставляют лежать на пыльных книжных складах Энгельса. И это, как нельзя более, верно. У нас над философской литературой систематически не работают, и буде, ежели такая работа и поведется, то этому начнут удивляться даже солидные люди, начнут весьма недвусмысленно толковать о малость рехнувшихся людях, начнут делать открытия новых сортов мандарин, выращиваемых в Москве. Но вместе с тем у нас почтут за вполне нормальное, когда люди будут глотать одну за другой без всякого разбора модные новинки философского базара. Разумеется, в результате этого, наши модницы и прекрасного и иного пола, наглотавшись этих случайно попадающихся им новинок, начинают испытывать некое «метафизическое смятение», на манер Анатоля Франса, впадавшего, по его словам, в этакое состояние после не совсем скромных ужинов. Для остроумного эпикурейца наших дней мир казался в такие минуты «жалкой иллюзией». Конечно, ничем иным не может представиться он и нашим гурманам, падким до философских новшеств. Как выкарабкивался из столь неприятного положения остроумный Франс, мне не известно, но для выхода из пренеприятной истории нашим сородичам ничего не остается иного, как самое философию об'явить «жалкой иллюзией» да взывать вслед за Ньютоном к физике: «Физика, спаси нас от метафизики!»

Конечно, нет ничего плохого в том, что люди отказываются от неправильных философских теорий, раскланиваются с ними не совсем почтительно, точно так же, как нет ничего зазорного и в том, что выражается уважение к естествознанию. Но то не гоже, что при этом не удерживаются от новых ошибок, бросаясь из огня в полымя. Разумеется, весьма похвально отказаться от идеалистических бредней и назвать их собственным именем, но нельзя модные формы идеализма отождествлять с современным материализмом и, ополчаясь против первого, переходить на истребительную войну против второго. Понятно, нужно ценить естествознание и считаться с ним, но нельзя верить на слово естественнику и возводить его в сан апостола, владеющего ключами от рая истины. Вот почему нашим товарищам, оказывающимся в столь неудопереносимом состоянии, как философское несварение, можно посочувствовать по человечеству—как известно, некоторая мрачность духа неизбежна при расстройстве одного из наших органов—но поддаваться их несколько ненавистническому настроению ни в какой мере не позволительно.

Но позвольте, возражает мне получивший предупреждение, а позволительно ли забывать тот факт, что ведь не кто иной, как Энгельс, не страдавший указанным выше недугом, сделал то же самое: ведь это он стащил философию в покойницкую... Да, такой факт, как случай с Энгельсом, забывать не следует,—отвечаю я, а поэтому и перейдем к его рассмотрению.

III.

Известно, что в силу установившегося разделения труда между Марксом и Энгельсом, первый сосредоточил все свое внимание на разработке вопросов политической экономии, правда, не забывая естествознания и философии до самых последних своих дней, второй, хотя и шел нога в ногу в области экономических вопросов с своим гениальным другом, все же больше работал в области философии и естествознания. Поэтому при разборе вопроса о месте, роли и значении философии в коммунистическом мировоззрении, конечно, невозможно обойтись без разбора взглядов Энгельса по данному вопросу. А с другой стороны, для известных условий, как, скажем, для данной статьи, в силу тех же обстоятельств, разбором именно взглядов Энгельса и можно ограничиться. Тем более, что с выходом в свет II книги рязановского «Архива», мы располагаем исчерпывающим материалом для решения круга вопросов, связанных с философией.

Итак, засядем за Энгельса. С именем последнего обычно связываются все разговоры о «похоронах» философии, об ее конце, об изгнании ее из Эдема коммунистического мировоззрения. И это делается отнюдь не без видимого основания: не кто иной, как Энгельс, говорил о «покойной ныне (70-е годы. *А. Тр.*) философии», именно он заявлял, что «вместе с Гегелем оканчивается и философия», и он же указывал, что учение, одним из авторов и борцов коего он являлся, наносит «смертельный удар философии» в последней области, где она дольше всего задержалась. Словом, как будто налицо все данные, чтобы записать Энгельса в чин могильщика философии. Но не станем торопиться в своих выводах: торопливость вовсе не принадлежит к тем качествам, которые уж очень желательны для работы. Запасемся терпением и выслушаем еще Энгельса: всякий может рассчитывать, что, кроме выигрыша, ничего другого он от этого не получит, ибо лишний час общения с таким могучим умом, как Энгельс, не может не сказаться самым благоприятным образом. Вот что еще находим у него.

Он наблюдает, как по Германии разливается волна так называемого вульгарного материализма: он знает цену представителям этого последнего, он не ждет от них ничего особо путного: теория—герой, но не из их романа, и он не прочь бы пройти мимо них, оставить их в покое. Тем более, что они «все же занимались не плохим, хотя и скромным делом, делом распространения среди немцев ф и л о с о ф и и (подчеркнуто мною. *А. Тр.*) атеизма и т. д.»[1]). И все-таки он не может пройти молча мимо них, ему приходится обратить на них свое внимание, и сделать это его вынуждает, между прочим, их, Бюхнера, Молешотта и К°, «б р а н ь п о а д р е с у ф и л о с о ф и и» (подчеркнуто мною. *А. Тр.*), которая (философия, а не брань) в глазах Энгельса, несмотря ни на что, является гордостью Германии[2]).

Итак, дело распространения философии при всей своей скромности отнюдь не является плохим делом. А брань по адресу философии не может быть не встречена отпором,—так

[1]) «А р х и в К. М а р к с а и Ф. Э н г е л ь с а», по ред. Д. Рязанова, ГИЗ. Кн. II, стр 5.

[2]) Там же, стр. 5.

думает Энгельс. При оценке этого, немаловажного для нас в данный момент, факта не нужно упускать из виду, что высказывания Энгельса о философии, приведенные мною несколько раньше, и высказывания, приведенные только что, относятся по времени к одному и тому же периоду. Это не мешает отметить, дабы исключить возможность кривотолков, что-де Энгельс одного периода говорил одно, а в другой период другое.

Однако, вернемся снова к нашему автору и выслушаем его еще. Он занят естествоиспытателями. Он высокого мнения о них, как представителях их специальных досциплин, но он знает их беспомощность в области теоретического мышления. А это большой недостаток, с его точки зрения: подняться до подлинной науки невозможно без теоретического мышления, здесь «ползучий эмпиризм» будет недостаточен[1]). Благодаря ему, этому недостатку естественников по части теоретического мышления, последние скатываются к мистицизму, поповщине и прочей чертовщине. Благодаря ему же естественники замедляют темп развития своей науки, добровольно подставляют свою спину под толчки, идущие оттуда, где на теорию смотрят иначе[2]). И Энгельс с отеческой наставительностью рекомендует естествоиспытателям быть менее беззаботными по части теории, воспитывая в себе способность к теоретическому мышлению. Предусмотрительно он рекомендует им и средство для этого: естественники, по его мнению, должны засесть за изучение и с т о р и и ф и л о с о ф и и, особливо налегая на греков да на Гегеля.

Как видит читатель, Энгельс не только не изумляется факту изучения истории философии, как это делают иные ныне, но считает это делом ценным и необходимым. И это отнюдь не обмолвка у Энгельса: для него теоретическое мышление всегда было связано с философией, степень развития первого всегда определялась им высотой достижений второй. Так, упадок классической немецкой философии в среде интеллигенции знаменовал для него и иссякание в ее среде «великого теоретического интереса», «духа ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования». А с другой стороны, с его точки зрения рабочий класс Германии, куда переселился этот «дух ни перед чем не останавливающегося теоретического исследования», в силу этого же и благодаря этому, стал законным «наследником классической немецкой философии»[3]). Отсюда с неизбежностью следует, что вся та высокая оценка, которую Энгельс давал теории, должна быть отнесена и на счет философии. Да и как может быть иначе, когда для него та область, которую он называет теорией, есть та самая область, что раньше именовалась философией![4]).

[1]) Ср: „нация, желающая стоять на высоте науки, не может обойтись без теоретического мышления"... „Архив", II, 127 стр.

[2]) Ср. очень выразительные замечания Энгельса насчет взаимоотношения философов и естественников на стр. 7, 21, 37, 191, и др. „Архива" К ним я еще вернусь в свое время.

[3]) Ср. Э н г е л ь с, «Людвиг Фейербах», стр. 355—356, VIII т. Собр. сочин. Плеханова.

[4]) Ср... „в области теории, в области того, что называлось до сих пор ф и л о с о ф и е й" (разрядка моя. *А. Тр.*). „Архив", II, стр. 125.

И опять здесь всеоб'ясняющее и трудно об'яснимое время не при чем: все это Энгельс говорил одновременно с тем, как произносил свои суровые приговоры философии.

Но тогда встает вопрос, как же понять Энгельса в данном случае? Когда же он прав, тогда ли, когда отпевает философию и отказывает ей в праве на место в живой жизни, или тогда, когда он воспевает ее жизненность и отводит далеко не последнее место, если не на пиру, то во всяком случае в бою жизни? Ответ на этот вопрос может быть лишь один: прав он и в том и в другом случае, ибо для него есть философия и философия. Он знает философию, одряхлевшую старушонку, для которой остается последний единственно разумный шаг —шаг на кладбище истории, и знает другую философию, полную сил и огня молодицу, уверенно отвешивающую свои далеко не из легких удары недругам. Конечно, для первой нет места в жизни, и игра с ней не стоит свеч. Заниматься ею можно только в том смысле, в каком занимался Энгельс, когда со всем присущим ему знанием дела и тактом проводил отцветшую красавицу в место успокоения. Дважды такие дела не делаются: известно, что с кладбища его обитатели не возвращаются, да к тому же трудно было бы и Энгельса повторить. А вот что касается до другой философии, то тут и вопрос совсем другой. Но можно ли говорить об этой другой философии? Прав ли я, так толкуя энгельсово отношение к философии?

Памятуя, что для большевика верить на слово—качество запретное, да и не чувствуя вовсе надобности в таком для себя одолжении, я возвращусь сызнова к самому Энгельсу и попытаюсь у него извлечь «документики» в свое оправдание.

IV.

Вопрос, до которого я по мере своих сил старался довести читателя, вопрос об отношении Энгельса к философии, есть прежде всего вопрос о так называемом «снятии» («отмене» то ж) философии в марксизме. Самое обычное дело услышать, особенно в тех кругах, где чтут, а также и там, где честят философию, что марксизм «снял» (или «отменил») философию. В тех кругах, где философию честят изрядно, это немецкое «снятие» переводится по-русски несколько, так сказать, вольным переводом: смысл приобретается в роде того, что «сняли голову», «угробили». Не чувствуя за собою нужных сил для филологической критики этого перевода, я позволю себе оспаривать его со стороны смысла энгельсова предприятия, в целях чего и начну дело с изложения истории этого самого предприятия.

Известно, что Энгельс дважды разбирал этот вопрос: один раз в конце 70-х г.г. в своем «Анти-Дюринге», второй раз в конце 80-х г.г. в своем «Людвиге Фейербахе» [1]). Первый раз это было в связи с философией Евгения Дюринга, второй раз в связи с философией Гегеля. Хотя я взял на себя обязательство изложить историю дела, но должен сейчас же отступить от традиций исторических и начать не с начала, как это бывает

[1]) Меня не нужно понимать так, что за исключением этих двух раз Энгельс никогда раньше не подходил и никогда позже не возвращался к этой теме. Смысл моего утверждения сводится лишь к тому, что эти два выступления наиболее ярки и характерны.

в историях, а с конца, т.-е. я начну не от Дюринга, а от Гегеля.

Сделать так целесообразнее в том отношении, что возражения Энгельса против системы Гегеля приложимы к любой системе, тогда как оценка дюринговой системы определяется некоторыми, исключительно ей присущими, особенностями и не может быть распространена на другие системы.

Философия Гегеля, о которой ведет речь Энгельс в своем «Людвиге Фейербахе», принадлежит к так называемой старой философии. Отличительной чертой этой старой философии—«философии в старом смысле слова», как выражается Энгельс,—является ее уверенность, будто она владеет знанием буквально всего, что есть в мире, что она может всему дать об'яснение, будто она в состоянии замирить все противоречия жизни и в состоянии связать всю пеструю смесь явлений мира в единую цепь, где все расположится в строго определенном порядке—так, как располагаются мысли в системе целостного рассуждения. Будучи уверена, что она располагает путями познания, неведомыми для науки, эта философия брала себе на откуп истину, даруя ее человечеству в виде своих систем. Эти системы, по ее мнению, должны были быть чем-то вроде кодекса жизни, без справки с которым жизнь не могла ступить и шагу. Законодательница жизни, она, естественно, претендовала на царственную порфиру и скипетр повелителя, она пыталась быть царицей в вольной республике человеческой мысли, она хотела быть наукой наук. Она не знала границ своей власти, она все подчиняла себе и была бессильна навести порядок в царстве своих собственных систем: здесь шли перманентные перевороты.

Но трагедия этого противоречия была для того времени трагедией человеческой мысли. Разбуженная жаждой истины, жаждой знания, мысль еще не знала, что последнее приходит только через действие, дается только практикой, и забираясь в высь своих чарующих красотою форм, абстракций, она забывала захватывать с собой орудие этой практики—руки, благодаря чему кладка теории не цементировалась опытом, и возводимое здание истины рушилось при первой передряге, правда, оставляя в груде развалин нужные кирпичи для будущего строительства. Не терпящая противоречий мысль искала спасения от них в философской системе, созданной исключительно из материалов ее производства, но тем самым лишь воспроизводила противоречие, расширив его сферу: если раньше она имела дело с противоречиями отдельных явлений, то в системе она получала противоречие, раздирающее само целое. Бессильная покончить с ним своими собственными силами, мысль, исчерпав все возможности, должна была сдаться на волю победителя, признав противоречие основным фактом самой жизни. Но сделав этот шаг, она не могла остановиться только на нем; она должна была признать и ненужность самой философской системы. Если до этого последняя была выражением титанических усилий мысли решить задачу, невозможность которой еще не была ясна, то теперь, после того, как невозможность этой задачи была доказана, философская система была бы не чем иным, как выражением провинциальной заскорузлости самой мысли. Если до сих пор в этих системах была необхо-

димость, а постольку и разумность, то теперь разум от них улетел далеко-далеко.

С этой философией-системой, всеоб'емлющей, всепроникающей, все противоречия примиряющей, и покончил Энгельс, а правильнее сказать—диалектический материализм. Эту, стоящую над прочими науками философию и отменял он. Последней вспышкой ее блеска и величия была система Гегеля, вот почему Гегель и является для Энгельса рубежом, где останавливается история этой философии, «философии в старом смысле слова». В этом смысле он и говорит: «С Гегелем вообще заканчивается философия, с одной стороны—потому, что его система (разрядка моя. *А. Тр.*) представляет собою величественный итог всего предыдущего развития, а с другой—потому, что он сам, хотя и бессознательно, указывает нам путь, ведущий из лабиринта систем (разрядка моя. *А. Тр.*) к действительному и положительному познанию мира» [1]). Продолжать после Гегеля путь старой философии невозможно: нить Ариадны, найденная, но не использованная великим идеалистом, ведет совсем в другую сторону.

И, на самом деле, то, что начиналось за этим рубежом, было уже иным: действительным, разумным продолжением того пути, последним этапом которого является Гегель, была уже философия в новом смысле слова, философия-наука; а то, что сделали неразумные продолжатели этой старой философии, было близко ей лишь в том смысле и в той степени, как близок базарный лубок к созданию подлинного искусства.

Получив эту нить, выводящую из «лабиринта систем», признав, что противоречие основной факт жизни, мы, естественно, не будем адресоваться к философии с требованием устранить это противоречие. Но раз мы поняли, что «требовать от философии разрешения всех противоречий значит требовать, чтобы один философ сделал такое дело, какое в состоянии выполнить только все человечество в его поступательном развитии, раз мы поняли это, философии в старом смысле слова (разрядка моя. *А. Тр.*) приходит конец» [2]). Итак, опять речь идет о старой философии, философии систем.

Но надобность систем отпадает и с другого конца; как ни скромны успехи науки, но постепенно накапливаемое ею знание начинает обеспечивать возможность обходиться без помощи философии при установлении связи явлений, при выработке общей картины мира. И если раньше при выработке подобного «изображения природы как целого» еще была нужда в так называемой «философии природы», которая «заменяла еще неизвестную тогда действительную связь явлений идеальной, фантастической связью и замещала недостающие факты вымыслами»... то теперь, когда все это изучено, когда место фантастики заступили реальные факты, само собой разумеется, философия природы «погребена навеки». Для оправдания ее существования оснований никаких нет, возвращение к ней не только излишне, но и было бы движением вспять [3]).

---

1) Энгельс, «Людвиг Фейербах». Цитирую по VIII т. с. соч. Плеханова, стр. 320.
2) Там же, стр. 320.
3) Там же, стр. 344.

Но ведь роль «философии природы» в области явлений общественных выполняли другие представительницы старой философии—философия права, философия истории и т. д. Их обязанность тоже сводилась к тому, чтобы пополнять провалы действительного знания измышлениями философов. Стало быть, здесь в отношении старой философии стояла та же задача, что и в области природы: здесь также нужно было «устранить вымышленную искусственную связь явлений посредством указания их истинной связи» [1]). И когда на сцене появились исторические взгляды Маркса—Энгельса, тогда пробил смертный час старой философии и в области истории, где она отсиживалась до этого момента.

Освободив, таким образом, философию от хлопот с историей, Маркс и Энгельс тем самым сделали то, чего не суждено было сделать Фейербаху: они «перешагнули за пределы философии, выдававшей себя за некую науку, парящую надо всеми отраслями знания и связывающую их воедино» [2]) (разрядка моя. *А. Тр.*). Сделав этот шаг, они очутились в области философии-науки, существование которой возможно постольку, поскольку на ее долю остается область исследования, не имеющая других претендентов, иначе говоря, поскольку за ней остается самостоятельный об'ект исследования. Этот смысл и заключен в словах Энгельса: «За философией, изгнанной из природы и истории, остается, поскольку остается (если исключить природу и историю. *А. Тр.*) лишь область чистой мысли: учение о законах процесса мышления, логики и диалектики» [3]).

Таков итог «снятия» философии, как он дан в «Людвиге Фейербахе»: «философия в старом смысле слова», философия всеоб'емлющих и всеоб'ясняющих систем сделана достоянием истории, ее место в жизни заняла философия, как одна из специальных наук.

Теперь перейду к разбору того же вопроса, в той постановке, какую он получил в Анти-Дюринге.

И здесь речь идет о той же философии систем, с той только разницей, что здесь часто имеются в виду не системы исполинов мысли, системы, представляющие собою «величественный итог» всего предшествующего развития, а системки пигмеев, корчащих из себя великанов, системки—представительницы упадка и разложения старой философии. Этим и определяется различие тона критики, но суть ее остается той же самой. Критика заострена именно в пункте критики системы, и по вполне понятным причинам: оправдания существования философии систем больше уже нет, она заслуживает лишь насмешки.

История здесь, как и везде, проделывает ехидное повторение: если в философии классиков мы имеем трагедию человеческой мысли, то с философией Дюрингов мы вступаем в область комического. Чтобы убедиться в этом, достаточно прислушаться к характеристике этой философии, даваемой самим ее творцом. Эта философия, по словам ее автора—Дюринга, «не признает

---

1) Ср. Энгельс. «Л. Ф.», по Плеханову т. VIII, стр. 344—345.
2) Там же, стр. 340.
3) Там же, стр. 355.

никакого видимого лишь горизонта, но развертывает в своем могучем революционизирующем движении все земли и все небеса внешней и внутренней природы». Она—«нечто абсолютно фундаментальное», «система конечных истин в последней инстанции», «ясная и до последних корней проникающая теория»[1]). И этот «системотворящий» Дюринг со своей до последних корней проникающей философией вовсе не представлял единичного явления тогдашней Германии. Наоборот, утверждает Энгельс: «с некоторых пор системы космогонии и вообще философии природы, политики, экономики и т. д. растут в Германии, как грибы после дождя. Самый ничтожный фактор философии, даже студент вырабатывает целую «систему»[2]). И понимая опасность, а вместе и легкость, сбиться на это философское бездорожье, забрести в тупик философского развития, Энгельс своей критикой направляет мысль, так сказать, по большаку философии, указывая, в каком направлении пошел этот большак дальше от того рубежа, где кончается «философия в старом смысле слова».

И здесь, в «Анти-Дюринге», Энгельсом приводятся те же возражения, что он впоследствии приводил в связи с критикой философии Гегеля, с которыми я уже успел ознакомить читателя. И вывод, к которому он приходит здесь, он повторит в своем «Людвиге Фейербахе». Этот вывод здесь—в «Анти-Дюринге»—как и там—в «Людвиге Фейербахе»—гласит, что человеческая мысль, обретая в философии Гегеля Ариаднину нить диалектики, вместе с этим теряет всякую нужду в философии типа гегелевской. Она «не нуждается больше ни в какой, стоящей над прочими науками (подчеркнул *я. А. Тр.*) философии: от всей прежней философии остается тогда, в качестве самостоятельной науки, (разрядка моя. *А. Тр.*) только учение о мышлении и его законах—формальная логика и диалектика. Все прочее входит в состав положительной науки о природе и истории[3]).

Таким образом, ответ на вопрос о «снятии» философии в коммунистическом мировоззрении—в мировоззрении современного материализма то-ж—будет звучать, если его давать по Энгельсу, несколько иначе, чем он звучит в русском переводе некоторых большевиков. У философии снята, оказывается, не голова, а не идущая к стилю нашего времени корона; философии не отказано в праве находиться среди составных частей коммунистического мировоззрения, а отказано в праве замещать собою это мировоззрение; философия совсем не лишена значения в жизни, но урезана в своей притязательности на исключительное значение в ней. Одним словом, философия переделана, преобразована в соответствии с духом нового этапа человеческой истории,—а это и выражается гегелевским понятием «снятия» («отмены»), если последнее брать применительно к явлениям истории. Философия—царица наук, философия—наука наук умерла,—и нет силы, которая смогла бы вернуть ей жизненность. «Не цвести цветам поздней осенью», а солнце жизни теперь светит не ей. Незнающее жалости время вынесло ей свой при-

---

[1]) Привожу по Энгельсу, русск. изд. «Моск. Рабочего». 1923 г. стр. 38—39.
[2]) См. Энгельс, «Анти-Дюринг», изд. «Моск. Раб.», 1923 г., стр. 14.
[3]) Там же, стр. 34.

говор, и только там, где уже не слышат хода этого времени, где оно уже давно остановилось: на задворках истории, среди отживающих классов нашего общества возможно появление безжизненных, жалких последышей этой философии. Философия нашего времени, наша философия—одна из наук, и вопрос о ее возможности, значении и т. д. решается вопросом о наличии самостоятельного об'екта этой науки, об'екта, не совпадающего с об'ектом какой-либо другой области познания. Есть такой об'ект—существует и наука, занятая им; нет его—не будет и науки: науки о пустушках не бывает. Велико в жизни значение об'екта данной науки—почтенна и роль последней; ничтожно оно—не завидна и ее судьба.

Стало быть, ответ на частный вопрос нашей темы, отчасти отвечает и на вопрос всей заметки. Ежели философия—наука, и—далеко не беспредметная, то уж во всяком случае на особое невнимание большевика она рассчитывать не может. Она, во всяком случае, одна из многих соискательниц внимания сего разборчивого мужа. Зазорного в том, что большевик ее именно сделает своей избранницей, ровно столько, сколько зазорно ему будет и в том случае, когда он окажет предпочтение какой-нибудь из ее соседок. Почему, в самом деле, правомерно чувствовать склонность к целому ряду исторических наук, и обходить философию, когда она одна из этих исторических наук, как выражается Энгельс? Почему достоин внимания большевика об'ект любой науки, но не заслуживает его предмет философии? Не является ли такое предубеждение к философии выражением своеобразного дальтонизма?

Таким образом, возникает необходимость остановиться на самом предмете философии, как науки, чтобы выяснить степень его ценности для того строительства, которым сейчас по уши занят большевик. Ведь то обстоятельство, что философия может встать в ряд всех прочих наук, еще не говорит за то, что она не стоит на самом последнем месте, куда может не спешить большевик или вовсе не заглядывать, чтобы не растрачивать силы на пустяки.

Я был бы не прочь перейти немедленно к рассмотрению этого вопроса, но я держусь более лестного мнения о достоинствах предмета философии, чем о силе своей убедительности. Вот почему я, будучи не очень склонен мерить читательское терпение на поповский аршин, все же позволю себе привлечь союзника по этому вопросу. Это тем более необходимо, что свое мнение приходится противопоставлять мнению очень распространенному, поддерживаемому авторитетами, требующими, разумеется, и критики авторитетной.

Исходя из этих соображений, я не считаю для себя возможным двигаться дальше, не изложив мнения Ленина по этому вопросу.

(Продолжение следует).

К. Розенталь.

Об одной умной теории и неумной критике[1]).

(По поводу статьи тов. Борилина „Ленин и проблема империализма“ [2]).

Проблема империализма в настоящих условиях имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение. И поэтому совершенно понятно, что разработке этой проблемы марксистская политическая экономия уделяла и уделяет особенное внимание.

Однако, исследование империализма представляет, по сравнению с исследованием «чистого» капитализма, особые специфические трудности, в силу своеобразия самой исследуемой эпохи. Законы «чистого» капитализма подвергаются здесь существенным изменениям «некоторые, основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность... обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу». «Свободный рынок все более отходит в область прошлого...». Производится «приблизительный учет всем источникам сырых материалов», которые и «захватываются в одни руки гигантскими монополистическими союзами. Производится приблизительный учет размеров рынка, которые и «делят» между собой по договорному соглашению эти союзы». Монополизируются обученные рабочие силы; захватываются пути и средства сообщения»... «Производство становится общественным», хотя «присвоение остается частным»; «распределение этих (готовых. *К. Р.*) продуктов совершается по одному плану...»; происходит «смена капиталистической свободной конкуренции капиталистическими монополиями»[3]). Национально ограниченные монополистические союзы капиталистов переходят к образованию международных картелей. Короче говоря, здесь «прекращается не только частное производство, но и отсутствие планомерности»[4]) (Энгельс).

С другой стороны, рост монополий не только не устранил конкуренции, но «существует над ней и рядом с ней, порождая этим

---

1) От редакции: Тов. Борилин в своей статье утверждает, будто теория «государственно-капиталистических трестов» т. Бухарина есть нечто в высшей степени антиленинское. Здесь весьма нелишне—и для выяснения истины и для курьёза одновременно отметить вот что. Тов Борилин. повидимому, не знает что впервые этот термин «государственно капиталистический трест» и соответствующая теория были введены в литературный оборот в статье т. Бухарина, появившейся в нелегальном журнале большевиков «Коммунист». Статья эта („Мировое хозяйство и империализм“) прошла редакцию Ленина, целиком эту статью одобрившего. Более того, в рукописи статьи тов. Бухарина был термин «общественно-капиталистические тресты», который по предложению Ленина, был заменен термином «государственно-капиталистические тресты»

Таким образом, Ленин, по тов. Борилину, имеет самый явный антиленинский уклон. Удивляемся только, как редакция «Под Знаменем Марксизма» обнаруживает такое отсутствие марксистского чутья, что сделала себя ответственной за явно несообразные утверждения «критика».

2) «Под Знаменем Марксизма», № 5—6, 1925 г.

3) Н. Ленин, «Империализм, как новейший этап капитализма».

4) Цит. по статье тов. Борилина, стр. 111.

ряд особенно острых и крупных противоречий». Быстрый рост техники промышленности и не поспевающий за ней рост техники в сельском хозяйстве, «противоречия... между гигантскими «операциями» (и гигантскими прибылями) финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке, между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью, с другой»[1]), наконец, обостреннейшая борьба между отдельными национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьба за распределение прибыли внутри однородных международных монополистических союзов и за распределение прибыли между разнородными монополистическими союзами, приводит к крупнейшим и обостреннейшим конфликтам не только экономическим, но и военным, и «те противоречия, которые были заложены в самом существе капитализма и в начале его развития находились лишь в эмбриональном состоянии..., в империалистическую эпоху достигают кричащих размеров»[2]).

Правильная и теоретически осмысленная постановка проблемы империализма возможна только в том случае, если оба эти момента (превращение капитализма в свою собственную противоположность—переход от конкуренции к монополии, от анархии к известной «планомерности» как тенденции, с одной стороны, обострение экономических противоречий—с другой) будут приняты в одинаковой мере при анализе этого «новейшего этапа капитализма». Взятые каждый из этих моментов порознь, не сумеют дать действительной характеристики империализма, и если первый неизбежно приведет к вульгарной апологетике, то второй, взятый изолированно от специфических условий, свойственных империализму, не может дать ничего, кроме общих мест и плоских, бессодержательных, ничего не об'ясняющих истин.

В опубликованном в № 5—6 «Большевика» отрывке «К вопросу о диалектике» Ленин писал: «Познание человека не есть прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая, если за деревьями не видеть леса, ведет тогда в болото, в поповщину», т.-е. лишает познание какой бы то ни было действительной познавательной ценности.

В отношении исследования империализма пример такого «одностороннего превращения» познания из кривой линии в прямую дает тов. Борилин. И совершенно естественно, конечно, что превращение «кусочка» (хотя и существеннейшего и важнейшего) в прямую линию привело его к глубоко-ошибочным взглядам и определениям империализма, в корне отличным от ленинских.

Начав с упрека, что хотя некоторые из экономистов-коммунистов и знают, «что по Ленину империализм есть монополистический капитализм», тем не менее, «не знают теоретического понимания монополии, даваемого Лениным и служащего источником всех остальных теоретических положений об империализме»[3]), тов. Борилин своей статьей, как бы публично и демонстрирует это непонимание.

---

1) Н. Ленин, «Империализм..» и т. д.

2) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм». «Прибой», 1923 г., стр. 110.

3) Борилин, стр. 113.

Исходя из слов Ленина, направленных против Каутского, что «теоретическая критика империализма у Каутского потому и не имеет ничего общего с марксизмом, потому и годится только как подход к проповеди мира и единства с оппортунистами и социал-шовинистами, что эта критика обходит и затушевывает как раз самые глубокие и коренные противоречия империализма; противоречие между монополиями и существующей рядом с ними свободной конкуренцией, между гигантскими операциями финансового капитала и «честной» торговлей на вольном рынке; между картелями и трестами, с одной стороны, и некартелированной промышленностью—с другой и т. д.» [1]),—тов. Борилин берет этот «отрывок» кривой познания империализма и сводит его к прямой своего, борилинского познания и определения существа империализма. Тов. Борилин так прямо и пишет: «По Ленину империализм есть глубокая внутренняя, безысходная борьба, порождающая неисчислимое количество других противоречий между монополией и свободной конкуренцией». Утверждение, что это определение империализма принадлежит Ленину, мы оставляем на совести тов. Борилина, но здесь нас интересуют те теоретические «пути и дороженьки», которые привели тов. Борилина к такому, мягко выражаясь, одностороннему пониманию империализма.

Тов. Борилин борется против «государственно-капиталистических трестов», а так как «государственно капиталистические тресты» есть не что иное, как тенденция дальнейшего развития монополий, то тов. Борилин, взявшийся за авторитетное раз'яснение «теоретического понимания монополий, даваемого Лениным», решил эти самые монополии вообще игнорировать и из своего анализа проблемы империализма исключить. «Увлеченный» одной стороной империализма—противоречиями между монополиями и свободной конкуренцией, между картелированной и некартелированной промышленностью—тов. Борилин проглядел такой «пустячок», как гигантский рост монополистических союзов, как борьбу между одной картелированной промышленностью и другой за распределение прибыли, борьбу между национальными монополистическими союзами за рынки сбыта и сырья, борьбу, которая ведется то экономическими, то военными средствами одного «государственно-капиталистического треста» с другим, когда «борется не свободная торговля с протекционизмом, с колониальной зависимостью, а борется один империализм против другого, одна монополия против другой, один финансовый капитал против другого» [2]).

У Ленина этот момент, момент противоречий между монополистическими союзами капиталистов за раздел и передел мира, ожесточенной между ними борьбы за рынки сырья и сбыта составляет основное и важнейшее место в его характеристике империализма, а т. Борилин умудрился этой стороне империализма уделить из двадцати девяти страниц текста убористого шрифта... пять строк! И эти несколько строк приведены в качестве обвинительного материала» против... «теории государственно-капиталистического треста», как будто эта теория утверждает отсут-

[1]) Н. Ленин. «Империализм, как новейший этап капитализма», стр. 114.
[2]) Там же, стр. 111.

ствие конкуренции и борьбу внутри и между отдельными «государственно-капиталистическими трестами»! «Ошибочное (в теории «государственно-капиталистических трестов». *К. Р.*) определяется тем,—пишет т. Борилин,—что в жизни рядом с монополиями продолжает существовать свободная конкуренция, что монополистические группы продолжают вести, ведут между собой ожесточенную борьбу на рынке, что наряду с «общностью» интересов монополистических групп внутри государства, между ними есть глубокие противоречия интересов...» (стр. 122).

В капиталистическом обществе идет борьба не только одного монополистического союза с другим, не только одного империализма с другим, но и борьба монополии с свободной конкуренцией. Но эта борьба неизменно ведет к торжеству монополий, к вытеснению свободной конкуренции и вместе с тем к еще более ожесточенной борьбе монополистических союзов между собой.

И если мы подобно тов. Борилину, проглядим эту вторую сторону империализма—борьбу между собой монополистических союзов, то мы не сумеем понять и новых форм «конкуренции», когда политика «дешевых цен» сменяется высокими ценами на внутреннем рынке для облегчения конкурентной борьбы на мировом рынке, когда случаи «понижения цен» служат не условием существования картеля, а стремлением окончательного удушения «диких», т.-е. тех, кто не хочет подчиняться монополии, воле трестовых дельцов. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу» [1]).

Таким образом, вытеснение конкуренции монополией идет все ускоряющимся темпом.

Победа монополий на внутреннем рынке, его (рынка) полное подчинение воле монополий настолько очевидны, что едва ли требуют новых доказательств.

Одним из проявлений этой победы монополий и является паразитизм и загнивание капитализма. Победа монополистического начала и есть начало конца капитализма, потому что как раз здесь, между прочим, и проявляется тот конфликт между ростом производительных сил и производственных отношений, который в конечном счете должен взорвать всю капиталистическую систему.

Тов. Борилин, конечно, отнюдь не хочет возражать против роста монополий, против роста их значения в системе капиталистического хозяйства, он возражает только против «государственно-капиталистических трестов». Монополия-де одно, а «государственно-капиталистический трест»—это уже совсем, совсем другое, не имеющее ничего общего ни с марксизмом, ни с ленинизмом.

Но «государственно-капиталистический трест»—это в пределе органически сросшаяся военно-политическая и хозяйственная организация буржуазии. Чем дальше, тем все более непосредственно зависима становится военно-политическая организация—государство—от союзов капиталистов. И смены правительств, их деятельность, решается в кабинетах финансовых магнатов, дик-

[1]) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 17.

тующих свою волю правительствам, всему капиталистическому миру.

Чрезвычайно интересно отметить, как в тяжелые для капитализма «минуты» капитализм вплотную подходит к осуществлению идеи «государственно-капиталистического треста». Организованный 5 августа 1914 года исключительно по инициативе германской частной промышленности, «военный комитет германской промышленности ставил себе в области хозяйственной мобилизации следующие задачи:

Планомерное сотрудничество всех существующих промышленных организаций для полного привлечения и целесообразного использования всех национальных хозяйственных сил не только для целей военной обороны страны, но и для обеспечения на время войны внутренних потребностей.

Обеспечить систематическое распределение и предоставление рабочих и служащих как промышленности, так и сельскому хозяйству.

Поддержка и предоставление заказов пострадавшим от войны отраслям промышленности теми отраслями, которые заняты выше обычного; содействие передаче заказов на отдельные части производства и т. п.

Организовать возможно быстрое размещение государственных заказов (ведомств военного, почтового, железнодорожного и т. п.).

Постоянное информирование промышленности о выпущенных во время войны законах, распоряжениях и об'явлениях властей и участие в обсуждении вопросов управления и правил, вытекающих из условий военного времени»[1]).

Организованные по предложению Ратенау при военном министерстве, в виду необходимости наиболее рационального использования имеющегося в наличии сырья—военно-сырьевые комитеты, первоначально только предполагавшиеся как самоуправляющиеся организации, были в скором же времени лишены этого права.

«Были введены комиссары военного министерства, которые имели право «вето» по всем решениям находящихся под их наблюдением обществ. Военно-сырьевые комитеты из чисто самоуправляющихся организаций все более превращались в облеченные в частно-правовую форму органы государственного управления сырьем».

К участию в военном комитете был привлечен и сельскохозяйственный совет, «имевший задачу осуществлять посредничество между потребностями сельского хозяйства и военно-промышленным комитетом или об'единениями отдельных отраслей промышленности и сообщать заинтересованным сторонам все необходимые сведения».

Наконец, «военный комитет образовал при себе ряд организаций, в частности по вопросам права, транспорта и внешней торговли».

Самое любопытное здесь, пожалуй, что имелась попытка существующее положение распространить не только на военное время, но и на мирное время.

[1]) Arthur Dix, «Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg».

Дикс пишет:

«Совместная деятельность руководящих организаций немецкой промышленности в военном комитете пошла на пользу в деле постоянного об'единения промышленности. Уже в конце декабря 1914 года в статье об учреждении и задачах военного комитета я писал относительно этого об'единения немецкой промышленности: «естественно возникает мысль, что это положение должно быть сохранено и после войны, что в дальнейшем, в мирное время, наряду с сельскохозяйственным советом, с'ездами торговли и ремесленных палат, должен существовать в качестве органа, представляющего всю немецкую промышленность, немецкий промышленный совет».

И «действительно в дальнейшем, 25 октября 1916 года, в совместном заседании центрального об'единения немецких промышленников и союза промышленников состоялось образование такого промышленного совета».

В области внешней торговли осуществлялось положение, в основном напоминающее нашу монополию внешней торговли. Включенное в ведомство войны, этого высшего органа «для об'единения всех военно-хозяйственных организаций», отделение по ввозу и вывозу имело задачей:

«обеспечить военно-хозяйственные интересы Германии, т.-е. не только воспрепятствовать вывозу мало-мальски важных военных материалов, но и использовать последние возможности получить их из-за границы. Несмотря на общий недостаток сил и на то, что весь уголь был нужен для собственной военной промышленности, приходилось в интересах этой последней вывозить некоторое количество каменного угля в соседние нейтральные страны, чтобы получить благодаря этому необходимейшее сырье, а также, чтобы помешать тому, чтобы экономическое давление на них наших противников не повело к более тяжким результатам».

Здесь, на примере военного хозяйства Германии тов. Борилин может воочию убедиться, как вопрос о «государственно-капиталистическом тресте» властно становится в порядок дня, пытаясь сдержать и задержать начинающийся крах всей капиталистической системы в целом.

Так как, по заявлению самого т. Борилина, теория «государственно-капиталистического треста» «наиболее полно выражена у тов. Бухарина», то мы и позволим себе сослаться на работы т. Бухарина, чтобы показать насколько «добросовестен» тов. Борилин в своем утверждении, что т. Бухарин за деревьями не видит леса, за «государственно-капиталистическим трестом»— борьбы и роста экономических противоречий.

Но прежде всего остановимся на самом понятии «государственно-капиталистического треста». Возражая Розе Люксембург, тов. Бухарин характеризует «государственно-капиталистический трест» следующим образом: «Представим себе... коллективно-капиталистический строй (государственный капитализм), где капиталистический класс об'единен в единый трест и где, следовательно, перед нами организованное, но в то же время антагонистическое с точки зрения классов хозяйство...», где «дан как спрос со стороны каждой отрасли производства по отношению к другой, так и потребительский спрос и со стороны капиталистов и рабо-

чих», где нет «анархии производства», а есть рациональный с точки зрения капитала план» [1]), где важнейшим противоречием является противоречие между общественным производством и частным присвоением.

Что же такого рода «государственно-капиталистический трест» есть реальность, эмпирически данное общество? Конечно, нет. И тов. Бухарин, вероятно, в предвидении того, что найдутся такие критики, которые поймут «государственно-капиталистический трест», как эмпирически данное общество, специально оговаривает, что: «грамотный читатель все время помнит, что у нас абстрактные «идеальные» типы общественных структур, а не эмпирически данные общества». Но тов. Борилин даже с этой оговоркой не хочет «принять» «государственно-капиталистический трест». «Для чего нужен в экономической науке такой «идеальный» тип «организованного, но антагонистического общества?»—негодующе восклицает наш «критик от струвизма». «Какую познавательную ценность он имеет для нас? Подобная «абстракция» имела бы смысл только в том случае, если бы она соответствовала основной тенденции в современном капиталистическом обществе». И тов. Борилин возмущенно спрашивает, как будто не замечая приведенной выше оговорки т. Бухарина: «Где в мире существует «государственный капитализм», подобный «государственному капитализму тов. Бухарина?» «В каком «государственно-капиталистическом» обществе заранее дан спрос производственный и спрос потребительский?» «Подобного «государственно-капиталистического» строя нигде, ни в одной стране не существовало». Вот здесь то и сказалось то неприятное обстоятельство, что тов. Борилин, как чорт ладана, боится монополий с их тенденцией превратить капитализм в свою собственную противоположность, когда прекращается и «частное производство» и «отсутствие планомерности».

Есть такая тенденция в капиталистическом обществе или нет? Учет и захват рынков сырья, распределение готовых продуктов по плану, как об этом говорит Ленин, есть проявление этой тенденции или нет? Можем мы игнорировать, обходить в своем исследовании империализма эту тенденцию? Конечно, нет, потому что тогда мы не поймем своеобразия этой эпохи, потому что тогда определение империализма сведется к ряду ничего не говорящих и ничего не об'ясняющих фраз, вроде того, что «мировая анархия капитализма (империализма. *К. Р.*) есть не что иное, как сгущенная, концентрированная анархия глубоких основ капитализма» [2]).

То-есть капитализму свойственна анархия «вообще», так себе «слабенькая», «разведенная», а империализму «сгущенная», «концентрированная». Об'ясняет это что-нибудь в своеобразии «новейшего этапа капитализма»? Ровным счетом ничего. Отрицать наличие в капитализме тенденции к превращению в «собственную противоположенность», к установлению известной «планомерности»—значит воевать не только против «государственно-капиталистических трестов», но и против и Ленина и Энгельса, против здравого смысла, потому что именно это соединение противоре-

[1]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 83.
[2]) Борилин, стр. 125.

чащих друг другу «начал»—конкуренции и монополии—и существенно для империализма». У Ленина оба эти «начала» нашли свое отражение в его теории империализма, а у тов. Борилина одно из них выпало совсем.

И гвоздь вопроса о «государственно-капиталистическом тресте» заключается не в наличии совершенно очевидной тенденции (превращения анархического общества в плановое), потому что «рассуждая абстрактно и теоретически, такой трест вполне мыслим, так как, вообще говоря, не существует экономического предела для процесса картелирования» [1]), а в том, может ли найти и найдет ли эта тенденция свое завершение в рамках капиталистического общества или нет.

У тов. Борилина возникает вопрос: нужна ли вообще такого рода абстракция или нет; имеет ли какую-либо познавательную ценность абстракция, не отображающая конкретной, реальной действительности? Но едва ли кто-либо из марксистов согласится с такой постановкой вопроса. Ведь если стать на точку зрения т. Борилина, то можно было бы сказать: какую познавательную ценность имеет теория, утверждающая возможность существования капитализма без внешних рынков? Где в мире существует такое капиталистическое государство, которое бы не ввозило и не вывозило товара? В каком капиталистическом обществе существуют только капиталисты и рабочие? Подобного капитализма ни в одной стране никогда не существовало. И тов. Борилин преспокойно выбросил бы в мусорную корзину «Капитал», как не имеющий, с его точки зрения, никакой познавательной ценности. В самом деле, какое значение имеет тенденция капиталистического общества превратиться, так сказать, в пределе в «чистый» капитализм, если все капиталистическое общество взлетит на воздух значительно раньше, чем хотя бы в одной стране реальный капитализм приблизится к «чистому».

Признать познавательную ценность только за теми абстракциями, которые отображают реальную действительность—это значит совершенно не понимать ни смысла, ни значения абстракции, лишить нашу деятельность, нашу мыслительную способность активности свести ее к чистому созерцанию, пассивному отображению реально протекающих процессов, без всякой надежды изменить их.

Любопытно сопоставить в этом вопросе мнение тов. Борилина, говорящего от имени Ленина, с тем, что говорит сам Ленин. В письме к Потресову («Большевик» № 16 за 1925 г.) Ленин пишет: «Я не могу согласиться с вами, что «центр тяжести вопроса заключается в конкретной невозможности абстрактно мыслимого положения» и главное мое возражение П. Б. Струве состоит именно в том, что он смешивает абстрактно-теоретические и конкретно-исторические вопросы. «Конкретно невозможна» не только представленная Марксом реализация, но и представленная им средняя прибыль и равенство заработной платы, стоимости рабочей силы и многое другое. Но невозможность осуществления в чистом виде вовсе не есть возражение» (курсив наш. *К. Р.*).

Если здесь и напрашиваются кое-какие аналогии, то отнюдь не лестные для тов. Борилина!

[1]) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 85.

Нам было бы чрезвычайно интересно знать, к какого рода абстракциям свел бы тов. Борилин указания Владимира Ильича об «идеально возможных соотношениях и взаимозависимости» буржуазной и крестьянской революции. Мы не можем отказать в удовольствии тов. Борилину, чтобы не привести примера удивительнейшей и своеобразнейшей абстракции, допускаемой т. Лениным в этом отрывке.

«Всякая крестьянская революция,—пишет Ленин,—направленная против средневековья при капиталистическом характере всего общественного хозяйства, есть буржуазная революция. Но не всякая буржуазная революция есть крестьянская революция. Если бы в стране с земледелием, организованным вполне капиталистически, капиталисты-земледельцы при помощи наемных рабочих совершили аграрную революцию, уничтожив, к примеру, скажем, частную собственность на землю, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Если бы в стране, аграрный строй которой настолько сросся уже с капиталистическим хозяйством вообще, что уничтожить этот строй было бы невозможно без уничтожения капитализма, произошла революция, ставящая, скажем, у власти промышленную буржуазию на место самодержавной бюрократии, то это была бы буржуазная революция, но вовсе не крестьянская революция. Другими словами: возможна буржуазная страна без крестьянства, и возможна буржуазная революция в стране с значительным крестьянским населением, и, однако, такая революция, которая отнюдь не является крестьянской революцией, т.-е. такая, которая не революционизирует специально касающихся крестьянства поземельных отношений и не выдвигает крестьянства в числе сколько-нибудь активных общественных сил, творящих революцию.

Следовательно, общее марксистское понятие «буржуазная революция» содержит известные положения, обязательно применимые ко всякой крестьянской революции в стране развивающегося капитализма, но это общее понятие ровно ничего еще не говорит о том, должна ли (в смысле об'ективной необходимости) буржуазная революция данной страны стать крестьянской революцией, чтобы одержать полную победу, или не должна»[1]).

Революция, произведенная земледельцами при помощи наемных рабочих за уничтожение частной собственности! Куда отнесете, тов. Борилин, подобного рода абстракции? К тем, которые не имеют познавательной ценности?

И если бы тов. Борилину не изменило мужество, то он должен был бы сказать прямо и откровенно: «Несогласен с Лениным», а не прикрываться трусливо Лениным, выступая против Ленина.

Тов. Борилин, очевидно, не понимает, что теория есть такой «ключ» к познанию действительности, которым нужно уметь оперировать», что «абстрактные положения теории помогают подойти к самым конкретным проблемам, если только люди, применяющие эти абстрактные теоремы, понимают, что от их непосредственной эмпирической действительности ведет ряд логических ступеней, перескочить через которые ни в коем случае нельзя» [2]).

---

[1]) Н. Ленин, Собрание сочинений, т. IX, стр. 538.
[2]) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 100—101.

«Основная тенденция капитализма,—пишет тов. Борилин,—это все большее обострение экономических противоречий».

В такой общей формулировке это, конечно, в такой же мере верно, как и бессодержательно, потому что игнорируется, что сам процесс обострения экономических противоречий целиком связан с процессом картелирования, ростом монополистических союзов капиталистов.

Вот что пишет тов. Бухарин: «Конкретный процесс экономического развития пойдет через обостренную борьбу государственно-капиталистических трестов и отсталых экономических образований», борьбу «государственно-капиталистических трестов» между собой. И «абстрактная экономическая возможность отнюдь не означает ее реальной вероятности»[1]). «Но, может быть, эпоха «ультра-империализма» есть все же реальная возможность, которая совершается путем централизованного процесса? Шаг за шагом будут поедать государственно-капиталистические тресты друг друга, пока победно не воцарится держава, победившая всех. Эта возможность была бы для нас мыслима, если бы мы механизировали весь общественный процесс и сносили бы со счета силы, враждебные политике империализма»[2]). И то обстоятельство, что «мировой капитализм будет итти по направлению к всеобщему государственно-капиталистическому тресту», еще не говорит за то, что это превращение капитализма в свою собственную противоположность совершится в его же собственных рамках.

Гарантирует ли картель, международный монополистический союз отсутствие борьбы и противоречий не только между ними и другими монополистическими союзами, но и внутри самих себя? «Всякий, знакомый с историей борьбы картелей даже в рамках одной страны, знает, как часто при изменившейся ситуации, скажем, изменившейся экономической кон'юнктуре, ряд соглашений лопался, как мыльный пузырь»[3]). Еще более сложно обстоит дело с международными монополистическими союзами. «Условием для образования более или менее прочного соглашения является приблизительное равенство позиций на мировом рынке», равенство не только чисто экономическое, но и экономически-политическое. И «при учете условий борьбы на мировом рынке государственно-капиталистические тресты считаются не только с чисто экономическими, но и с экономически-политическими условиями этой борьбы. Поэтому, даже если имеются приблизительно одинаковые хозяйственные структуры, но значительное различие военных сил государственно-капиталистических трестов, то более сильному из них выгодно продолжать борьбу, чем итти на соглашение или фузию»[4]). Если же эти соображения о равенстве рассматривать «не только статически, но, главным образом, динамически», то будет совершенно понятно, что наличие монополий отнюдь не избавляет от величайших потрясений в случае изменения сил договаривающихся капиталистических групп. Не говоря уже о том, что этому процессу интернационализации государственно-капиталистического треста «противостоит другая еще

---

[1]) Н. Бухарин. „Мировое хозяйство и империализм", стр. 86.
[2]) Там же, стр. 91.
[3]) Там же, стр. 90.
[4]) Там же, стр. 86—87.

более сильная тенденция к национализации капитала и замыканию в государственные границы»[1]).

Таким образом, раздел мира между монополистическими союзами отнюдь не гарантирует от борьбы за передел при изменении сил борющихся и договаривающихся сторон. Это же говорит и Ленин: «Раздел мира между двумя сильными трестами, конечно, не исключает передела, если отношение силы вследствие неравномерности развития, войн, крахов и т. п. изменяется»[2]). Невозможно допустить, «при условии сохранения капитализма, чтобы такие союзы были не кратковременны»[3]). «Наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а, следовательно, и обостренной борьбы за раздел и передел мира»[4]) (курсив наш. *К. Р.*). «Его (Каутского. *К. Р.*) концепция предполагает затушевывание гигантских противоречий, которые раздирают современное общество, и постольку является концепцией реформистской... Для последовательного марксиста все капиталистическое развитие есть не что иное, как процесс постоянного расширенного воспроизводства противоречий капитализма». «Свое действительное разрешение эти противоречия находят уже в иной производственной структуре общественного организма: в общественной, планомерной, социалистической организации хозяйства»[5]). Границей же служит «определенная степень напряженности капиталистических противоречий»[6]).

Рост организованности в национально-капиталистических рамках приводит к расширению этих противоречий в международном масштабе. И здесь борьба принимает новые формы, отличные от форм борьбы внутри национально-капиталистических государств, от форм борьбы «молодого» капитализма. И конкурентная борьба в эпоху империализма отличается от форм борьбы раннего капитализма. «Перед нами,—пишет Ленин,—уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически новых предприятий. Перед нами удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу»[7]). «Отношения господства и связанного с ним насилия—вот что типично для «новейшей фазы в развитии капитализма».

Таким образом, к отсутствию планомерности, к кризисам приводит как раз сама тенденция к планомерности. И если, с одной стороны привилегированное положение, в котором оказывается наиболее картелированная так наз. тяжелая индустрия, особенно уголь и железо, приводит в остальных отраслях промышленности «к еще более острому отсутствию планомерности», то, с другой стороны, в связи с тем, что «чем выше развитие капитализма, тем сильнее чувствуется недостаток сырья... тем отчаяннее борьба за приобретение колоний», раздел мира между монополистическими союзами приводит к переходу «от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической

1) Там же, стр. 88.
2) Н. Ленин, «Империализм...» и т. д., стр. 64.
3) Там же, стр. 115.
4) Там же, стр. 120.
5) Н. Бухарин, «Мировое хозяйство и империализм», стр. 91.
6) Н. Бухарин, «Империализм и накопление капитала», стр. 129.
7) Н. Ленин, стр. 17.

державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца»[1]) (курсив наш. *К. Р.*).

И если мы отбросим, обойдем эту последнюю сторону империализма (борьбу одного монополистического союза с другим), то мы придем как раз к тем поверхностным, односторонним и потому глубоко ошибочным определениям империализма, которые дает т. Борилин. «Империализм,—пишет он в одном месте,—это монополистическое господство групп капиталистов над огромными колониальными и полуколониальными областями», а в другом—«господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств над миллионами колониальных рабов». Таким образом получилось курьезнейшее зрелище: выступая против теории «государственно-капиталистических трестов», тов. Борилин в определении империализма скатился к его каутскиански-розитским определениям. И здесь к тов. Борилину целиком и полностью приложимы слова т. Бухарина, направленные против Розы Люксембург: «Из этого определения следует, что борьба за уже ставшие капиталистическими области не есть империализм, что «вопиет к небу», и с этой точки зрения занятие Рура французами не есть империализм, поскольку «господство кучки «передовых» финансово-капиталистических государств» осуществлялось не «над миллионами колониальных рабов», а над высокоразвитым капиталистическим образованием, — господство одного империализма над другим.

И совершенно понятно, что безысходно запутавшись в характеристике империализма, тов. Борилин оказывается вынужденным противоречить самому себе и отказываться на одной странице от того, что признал несколькими страницами ранее. Так, например, на стр. 113 он пишет: «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп. Монополия капиталистических союзов распространяется через границы государств и морские (!) океаны» (это, вероятно, в отличие от океанов речных и т. п.), а на стр. 123 он, позабыв, что писал десятью страницами раньше, ломается над тов. Бухариным: если бы де «перспектива, которую имеет в виду и сам т. Бухарин, «была бы» вероятна, то «капиталистический строй имел бы много шансов выпрямиться» и «капиталистический способ производства получил бы возможность некоторого дальнейшего (после мировой войны. *К. Р.*) развития, и притом в высшей, более централизованной форме, чем до сих пор». Что же тов. Борилин иронизирует, потому что не согласен с этим? Но ведь он сам выражал свое согласие, правда, не на 123, а на 113 странице, с тем, что «процесс развития монополий не только не прекратился в военный и послевоенный период, но приобрел еще более мощный темп!»

Тов. Борилин безусловно прав, когда решительно возражает против представления, что «социализм приходит внезапно, неизвестно откуда, словно «Венера из головы Юпитера». Хотя до сих пор, как известно, считалось, что из головы Юпитера родилась не Венера, а Минерва. Но зато рождение теории империализма т. Борилина можно уподобить именно рождению «Венеры из головы Юпитера».

1) Н. Ленин, стр. 84.

Г. Ломов.

Меньшевистские иллюзии и действительность.

(*Растет ли национальный доход Европы?*).

Основным моментом теоретического обоснования меньшевизма является тезис о том, что Россия еще не дозрела до социалистической революции, что она является одной из самых отсталых аграрных стран, почему опыт социалистического строительства в ней неизбежно обречен на неудачу и на деле окажется жалким блефом.

Один из крупнейших экономистов меньшевизма Д. Далин в своей работе «После войн и революций» не щадит красок для доказательств неудач в России в области экономического строительства. «Экономическая политика коммунистической власти,— пишет он,—представляет собой ряд сплошных неудач, изредка прерываемых случайными, крохотными успехами» (стр. 68). «Чрез кризисы и под'емы проходит красной нитью основная тенденция: регресс является законом коммунистического хозяйства в России. Это первая основная черта этого «способа производства».

По мысли меньшевиков и Далина провал экономической политики большевиков обоснован отсталым характером промышленности и аграрно-крестьянским характером нашей страны. Социализм с неизбежностью неумолимого экономического закона склоняет голову пред мелко-буржуазными устремлениями многомиллионного крестьянского прибоя, который все больше и больше захватывает небольшие островки или, вернее, обломки, оставшиеся от утопического, но зато героического периода русской революции—военного коммунизма.

Русские меньшевики не одиноки в отстаивании этого тезиса. Один из столпов II Интернационала Карл Каутский в «Социалистическом Вестнике» (№№ 15, 16 от 18 авг. 1925 г.) так определяет позицию, которую должны отстаивать меньшевики. «Весь марксизм означает для русского социализма и пролетариев пока большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления».

«Экономический регресс» г-на Далина, «самоограничение» и отказ от немедленного преодоления капитализма г. Каутского—все это явления одного и того же порядка. Меньшевики полагают, что «покуда капитализм способен провоцировать тысячи изобретений, применять их на практике, усовершенствовать про-

изводство, расширять общественные производительные силы—час его еще не пробил» (Далин, стр. 189—190). «Главным препятствием является не капитализм, а мелко-крестьянские хозяйства»,—пишет Д. Далин (стр. 190). Не преодоление капитализма является задачей дня, по мысли меньшевиков, а осторожная крестьянская политика—вот альфа и омега их премудрости. Да и пробил ли час капитализма и в других, более передовых капиталистических странах?—задают себе вопрос Каутские, Далины, Макдональды и другие деятели современного социализма. По этому поводу поучительны рассуждения г. Далина о Германии. Как известно, надежды Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта в своей практической политике в первую очередь останавливались на идущей семимильными шагами по пути к промышленному прогрессу Германии с ее все растущей армией социал-демократических организованных рабочих масс. Верны ли их надежды? Не ошибались ли они? Созрела ли Германия хотя бы теперь для социалистического переворота, имеются ли там налицо экономические предпосылки для этого? Далин безжалостен к основоположникам марксизма и социализма. Он пишет: «В течение 70-ти лет лучшие представители социализма ошибались со дня на день, ожидая пришествия социализма, не ошибаются ли и современные представители в своих перспективах. Ведь ошибки сделались правилом; так не действует ли это правило и сейчас?» (стр. 185). И дальше он добавляет: «Слишком уж много раз хоронили капитализм, а как в известной поговорке—«кого заживо похоронили, тому долго жить суждено» (стр. 189). Далин анализирует данные переписи 1907 г. в Германии для того, чтобы определить числовое отношение групп промышленности, которые, по его мнению, созрели для социализации и тех, которые до этого еще не дозрели. Выводы, к которым пришел Далин не утешительны ни для большевиков, ни для дела социализма. Оказывается «только 10% населения в 1907 г. приходилось на сферу социализма», т.-е. тех отраслей, которые уже дозрели до социализма, в количественном отношении эти отрасли промышленности насчитывают 3 милл. населения. Далин прекрасно понимает, что Германия—страна передовой европейской индустрии и что вывод о Германии есть вместе с тем и вывод для всей остальной Европы. Так он и пишет: «Европа созревает для социализма, но далеко еще не созрела».

Этому об'ективному экономическому положению, соответствуют, как думает Далин, и суб'ективные предпосылки. «Огромное большинство,—пишет он,—несмотря на те или иные убеждения и взгляды, боязливо отступает пред вопросом социализации» (стр. 206). «Оно не только отказывается вступить в последний решительный бой, но не проявляет энергии даже там, где речь идет о частичных успехах обобществления хозяйства (стр. 207). Между тем это сознание должно быть аксиомой накануне успешной социальной революции». Когда же, спрашивается, по мысли меньшевиков будут налицо условия для социалистического переворота? Далин берет Великую Французскую Революцию и так определяет момент, когда она наступила. Налицо были не только все элементы капитализма, «но капиталистический способ производства был уже вполне развит накануне буржуазной революции» (стр. 211)...

И далее... «революция произошла не потому, что надо было приступить к развитию капитализма... (это поистине великолепно!!), а потому, что капитализм был уже развит внутри старого общества». Таким образом, капитализм развивался уже в пределах феодального строя, и когда феодальные одежды стали ему слишком тесны, он их разрывает, но «он не рождается в эпоху революции, а лишь достигает в ней совершеннолетия». Меньшевик совершенно также мыслит и наступление социалистического переворота. «Ближайшая эпоха,—пишет Далин,—одно-два поколения, а может и больше (курсив мой. *Л.*), будет периодом медленного, но несомненного роста и расширения коллективного хозяйства. Мы стоим лишь в самом начале этого развития» (стр. 215) и т. д., и т. д. Вот отсюда-то и вытекает, как образно определяет Каутский, тактика меньшевиков в русской революции: «для русского социализма (читай—меньшевиков) марксизм означает большую сдержанность, самоограничение на задачах классовой борьбы внутри капитализма и отказ от немедленного его преодоления». Основной смысл теоретического обоснования крепости капитализма господ меньшевиков сводится к тому, что капитализм при данной экономической и политической ситуации обеспечивает в наиболее полной степени развитие производительных сил мира, дает возможность безостановочного технического прогресса и роста народного дохода в то время, как социализм неизбежно означает «экономический регресс», падение производительных сил. Недаром Карл Маркс в своем классическом предисловии к политической экономии писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем развились все производительные силы, которым она дает простор, и более высокие производственные отношения никогда не заменяют старых отношений раньше, чем в недрах старого общества не разовьются материальные предпосылки для их осуществления».

Но верно ли, что капитализм за последние десятилетия, увеличивая производительные силы общества, увеличивал размер национального дохода и не сковывал технический прогресс и т. д. Казалось бы достаточно вспомнить те колоссальные кровопускания, свидетелем которых было наше поколение, мировую войну с ее 10 миллионами убитых, расходами на войну по Эерсу в 361.000.000.000 золотых рублей, по Богардту в 347 миллиардов, 100 миллионов золотых рублей, при увеличении государственных долгов с 84 миллиардов руб. в 1913 году до 743 миллиардов в 1921 году, — вспомнить бесконечные колониальные войны, которые с этого времени ведутся повсюду, те восстания и те движения, которые мы имеем в Китае, Индии, во всех восточных колониях и т. д., чтобы быть осторожнее в выводах о безостановочном прогрессе. Тем не менее, все эти факты не производят достаточного впечатления на меньшевиков и западно-европейских социалистов из II Интернационала, которые до сих пор а-приори считают верной известную формулировку Джона Стюарта Милля относительно роста народного хозяйства. В первой главе IV книги своих «Принципов политической экономии» он говорит: «Каковы бы ни были те изменения, которым должна подвергнуться экономическая жизнь общества, один момент этой жизни находится в состоянии прогресса, о котором не может быть спора. В руководящих странах мира и во всех других, поскольку они входят в сферу влияния этих передовых стран, существует по крайней мере одно прогрессивное движение, нарастающее с незначительными перерывами из года в год и из поколения в поколение; именно, прогресс в богатстве, поступательное движение так назыв. материального благосостояния. Все нации, которые мы привыкли называть цивилизованными, увеличивают постепенно свое производство и население: и нет никаких оснований сомневаться в том, что не только эти нации будут в течение известного времени продолжать так развиваться, но что и большинство других наций мира, включая и некоторые еще не возникшие, примут одна за другою участие в этом движении... Из черт, характеризующих прогрессивное экономическое развитие цивилизованных наций, прежде всего останавливает на себе внимание, благодаря своей тесной связи с явлениями производства, непрерывный и, насколько можно предвидеть, неограниченный рост власти человека над природой. Наше знание свойств и законов физических явлений не обнаруживает никаких признаков приближения к своему пределу: оно развивается быстрее и одновременно в большем числе направлений, чем в какое-либо прошлое время... Прогресс в физических науках и искусствах, соединенный с большей обеспеченностью собственности и большей свободой в пользовании ею, которые являются бросающимися в глаза особенностями в жизни цивилизованных наций, вместе с более широким и более успешным применением акционерного начала, делают возможным бесконечный рост капитала и производства и всегда сопровождающий его рост населения» [1]).

II Интернационал уверен в том, что экономический прогресс неизменен и для данного времени, что продолжается расширенное воспроизводство капитала в полном об'еме, что растет величина национального дохода. Одно время казалось, что война нарушила это идиллическое представление о ходе экономического прогресса и поставила на очередь вопрос о более пристальном изучении вопроса как о росте производительных сил мира, так и о росте народного благосостояния. В настоящее время меньшевики, однако, скоро стали это забывать. Тем знаменательнее вышедшая работа г. С. Н. Прокоповича о росте народного богатства, напечатанная в «Русском Экономическом Сборнике» (№ 1, февраль 1925 г. Прага). Прокопович является одним из «белых», высланных из пределов советской страны. Трудно заподозрить его в симпатиях к нам—к советскому строительству и к социализму, и поэтому его выводы приобретают особый интерес и значение. Он подвергает анализу работы крупнейших экономистов Германии, Англии, Франции и Америки о росте национального и душевого дохода. В основу анализа положены работы: Мелгола, Гиффена, Кипена, Гельфериха, Боули, Стампе, Зедберга, Кинга и целого ряда других авторов. Сведя воедино данные этих работ, после приведения их к наибольшему единообразию и после критической проверки и исправлений ряда данных и цифр, Прокопович дает следующую таблицу величины народного дохода на душу населения в золотых рублях по основным странам мира [2]):

[1]) J. S. Mill, «Principles of Political Economy», изд. 1920 г., стр. 696 и 699.
[2]) Прокопович, стр. 43.

Года.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соед. Шт. Сев. Амер.	Европ. Россия.
1878—80	189,1	161,0	104,1	224,8	—
1890	—	—	—	341,6	—
1894—96	298,9	267,6	206,1	—	—
1900	—	—	—	420,5	67,2
1903	307,4	236,7	—	—	—
1910—11	—	225,4	—	475,3	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7

Рост народного дохода находится в некотором соотношении с ростом населения, поэтому ниже приводятся данные о движении населения в интересующих нас странах перед войною. Прирост населения составлял в процентах:

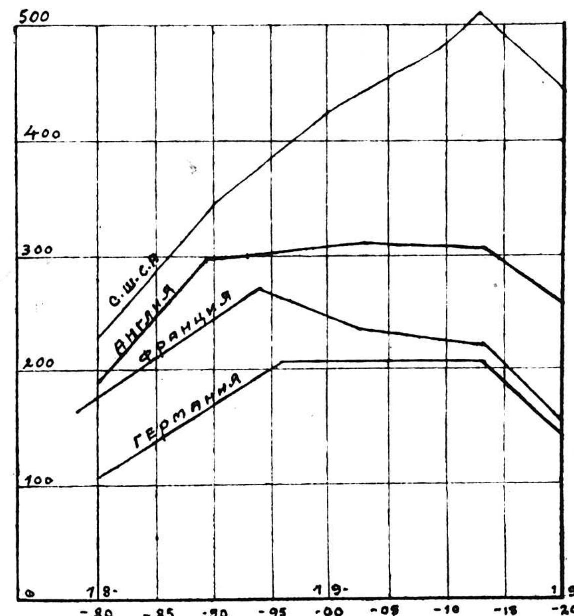
	1891—1900 г.г.	1901—1910 г.г.
В Соединен. Королевстве	9,9	9,1
„ Франции	1,4	1,6
„ Германии	13,8	15,2
„ Соединен. Штатах Сев. Амер.	20,7	21,0
„ Европ. России	—	14,4

Из этих таблиц сам собою напрашивается вывод, что уже до войны доход на душу населения, а следовательно и национальный доход в европейских странах перестал расти. Во Франции, в которой прирост населения до войны составлял ничтожный процент, народный доход на душу населения начал падать безостановочно, начиная с 900 годов. Этот процесс обнаруживает полную закономерность. В Англии и Германии при значительном росте населения, рост производительных сил до последних лет был достаточен для того, чтобы поддерживать жизненный уровень на прежней высоте. Однако, начиная с 1903 г. в Великобритании и с 900 годов в Германии обнаруживается тенденция к падению народного дохода на душу населения. Наконец, в Соединенных Штатах Сев. Америки и в России при громадном росте населения обнаруживается неуклонный рост народного дохода на душу населения. Особенно резко идет увеличение национального дохода в передовой капиталистической Американской Республике. Таково было положение к моменту начала войны. Совершенно естественно, что война могла только обострить процесс падения величины народного дохода во Франции, Германии и Англии. Уже тот факт, что война выбила 10 милл. молодых жизней, из которых на Европу падает около 9 милл. человек, увеличила страшно мировую задолженность, произвела колоссальные разрушения на территориях воюющих держав и проч., и проч., неизбежно должен был повести к колоссальному падению национального дохода. Подробно исследуя все факторы, приводящие к обострению этой тенденции и произведя соответствующие поправки, Прокопович приходит к

следующим выводам о величине народного дохода в золотых рублях в 1920 году (стр. 51).

Года.	Великобритания.	Франция.	Германия.	Соедин. Шт. Сев. Ам.	Россия.
1911	—	225,4	—	—	—
1913	303,7	—	204,3	511,1	78,7
1920	252,6	148,4	131,2	441,1	30,0

Таким образом, сокращение народного дохода на душу населения Западной Европы вследствие мировой войны выражается в Англии, примерно, на 17%, во Франции на 34% и в Германии на 36%. Происходит колоссальное падение производительных сил, которое с особенной наглядностью отмечается в следующей диаграмме.



То положение, которое когда-то было установлено классиками политической экономии о непрерывном экономическом прогрессе и росте национального дохода, оказалось неверным для настоящего времени. Далин, который неудачно открыл закон экономического регресса для СССР, закон, опровергнутый нашим экономическим строительством, просмотрел процесс падения национального дохода, который неуклонно наблюдается за последнее время в Западной Европе.

Если присмотреться к этим данным, то окажется, что процесс падения народного дохода сопровождался перегруппировкой величины дохода внутри каждой страны между различными классами населения. Особенно пострадали три слоя: класс индустриальных и деревенских рабочих, мелкое крестьянство и мелкие собственники и рантьеры, и «промежуточные» слои. Этот процесс обнищания пролетарских и средних слоев населения не означает того, что величина дохода правящих классов, капиталистов и аграриев, пала. Наоборот, война и послевоенный период сопровождался колоссальным перемещением ценностей, именно, в руки этих правящих групп. В это время создавались новые крупнейшие концерны, синдикаты и тресты. Однако, обнищание широких масс населения рабочих и крестьян становится очевидным фактом, и величина народного благосостояния в целом падает, еще более подчеркивая непропорциональное увеличение богатства в руках правящих классов. При таких условиях вряд ли здравомыслящий человек может согласиться с выводами Далина о том, что в этом подлунном мире все обстоит неизменно хорошо. Очевидно мы имеем дело с определенным загниванием капитализма, с экономическим регрессом, а не с хваленым бесконечно быстрым ростом производительных сил. Хорош рост производительных сил, когда основные отрасли европейской торговли далеко еще не достигли цифр 1913 года, когда весь овропейский товарооборот по вычислениям экономистов составляет 82% от довоенного, когда Англия, год от года сокращая свой экспорт, испытывает хроническую безработицу, когда каждый 10-й из англичан является безработным, когда Германия от краха эпохи инфляции идет к крахам Стиннеса и др. периода дефляции!

Плохо обстоит дело у меньшевиков и с суб'ективными предпосылками. Как ни старается II Интернационал запихать сознание своих партий в рамки каутскианства и меньшевизма, мы имеем несомненный и колоссальный прорыв не только в росте симпатий к Коммунистическому Интернационалу, но и в факте бесконечной важности—в полевении английского рабочего движения и усвоении последним тактики внепарламентского действия, тактики насилия и тактики единого пролетарского фронта. Теоретическая мысль меньшевизма со старческой жадностью цепляется за уходящее прошлое капитализма. Мы слышим жалкое бормотание Каутского о «воздержании», видим размахивание картонным мечом—тоже «реальной политики»! —Далина, который начал с того, что скинул с исторических счетов «утопистов»—Маркса, Энгельса, Бебеля, Либкнехта—и вытащил на сцену обветшалые доспехи Бернштейна с его «врастанием социализма в капитализм.

Былые «вожди» в испуге и растерянности тянут пролетариат назад в стоячее болото капитализма и своей схоластики. Но пролетарии жаждут ветра революции, а не затхлого воздуха разлагающейся капиталистической Европы.

Работа Прокоповича против его воли бьет по голове меньшевизм и служит делу революции.

Э. Гольденберг.

Социал-демократические размышления о мировом хозяйстве и мировой политике.

Небезызвестный российский меньшевик, Вл. Войтинский, отдыхающий сейчас в Германии от ратных и иных трудов, посвятил свои эмигрантские досуги статистическим и экономическим изысканиям на миро-хозяйственные темы. Как плод этих изысканий, в сентябрьской книжке, издаваемой Гильфердингом «Die Gesellschaft» появилась его большая статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика». Полная удивительных откровений, статья эта «взыскана» самым лестным вниманием социал-демократической прессы и, видимо, призвана служить экономическим обоснованием политики и тактики II Интернационала.

Приложив свое ухо к земле, и прислушавшись к тому, что там делается, г. Войтинский приходит к грустному выводу, что «сердце мирового хозяйства не бьется более в Европе». Но для того, чтобы уразуметь истинное значение этого факта, по мнению Войтинского,

> «надо исключить все побочные моменты, которые его усложняют и затемняют. Таковы проблемы междусоюзнических долгов, превращения Европы из кредитора Америки в ее должника и т. д. Закономерно и органически развивающиеся законы скрещиваются с результатами более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры».

В разряд затемняющих и усложняющих «побочных моментов» попадают, таким образом, наиболее глубокие и длительные экономические последствия империалистической войны. Только в социал-демократические очки может показаться, что превращение Европы из кредитора Америки в ее должника есть лишь результат «более или менее случайных комбинаций дипломатической и финансовой игры». Отсюда один шаг до того, чтобы и самую войну об'явить лишь «случайной комбинацией».

Г. Войтинский в сущности делает этот шаг. В его исследовании причин перемещения «сердца мирового хозяйства» империалистическая война отсутствует. Огромное расточение производительных сил, которое она означала, всеобщее обнищание и хозяйственный упадок, который она за собой повлекла, оказываются не при чем. Дело не в этих «побочных моментах». Главное в изображении социал-демократического апологета—это технический прогресс капитализма.

> «Связь этих сдвигов с изменением энергетических основ мирового хозяйства очевидна. Европейское хозяйство опиралось на разрушенный теперь фундамент каменного угля, в

то время как хозяйство Америки органически связано с моторными силами нефти и белого угля... В Америке находится центр нефтяной промышленности мира, здесь процветают все связанные с нефтью отрасли промышленности, здесь больше всего и успешнее всего проведена электрификация водной энергии. Уже это одно должно было вызвать территориальное перемещение центра тяжести мирового хозяйства и помимо войны» (курсив наш. *Э. Г.*).

Нефть и белый уголь вытесняют каменный уголь, и поэтому американский капитализм оттесняет европейский. Вздорность такого рода «построений» видна, между прочим, и из того, что с таким же успехом и с такой же, если не большей видимостью убедительности, можно утверждать и обратное. Господствующее положение Америки еще легче «выводить» из угольной энергетики, нежели из энергетики нефтяной. Общая сумма запасов каменного угля на земном шаре определяется в 7.338 миллиардов тонн. По главным центрам они располагаются следующим образом:

Соединенные Штаты Сев. Америки	около 4.000	млр. тонн.
Канада	„ 1.250	„ „
Китай	„ 1.000	„ „
Западная Европа	„ 750	„ „
Россия	„ 500	„ „

Огромное превосходство Америки над Европой станет еще яснее, если учесть к тому же расположение угольных запасов и легкость их разработки. И здесь все преимущества были на стороне Америки. В год на одного углекопа добыча в тоннах равнялась [1]):

	Англия	Германия	Соединен. Штаты.
1886—1890 г.г.	310	272	400
1903—1910 „	275	249	596

Производительность резко падает в Европе и быстро растет в Америке. В то же время запасы угля в одних только Соединенных Штатах почти в пять раз превышают запасы Западной Европы. Где основания утверждать, что «господство пара и угля должно было означать господство Европы над миром»? Напротив, с точки зрения того географического материализма, в который так наивно, сам того не замечая, впадает наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как раз господство угля должно было принести с собою господство Америки. Но как на зло г. Войтинскому век пара и угля был веком европейской гегемонии.

Не лучше для него обстоит дело и с нефтью. По данным проф. Рамзина, мировые запасы нефти распределены по земному шару следующим образом:

В %% к мировому запасу:

СССР	37,4	Китай	2,4
Южн. Америка	16,0	Япония	2,1
С.-А. Соединенные Штаты	12,0	Румыния, Польша и пр. Европа	2,0
Передн. Азия	10,1	Канада	1,7
Мексика	7,8	Брит. Индия	1,7
Ост.-Индия	5,2	Африка	1,6

Всего . . . 100 (7.696 миллионов тон)

[1]) Эти цифры мы заимствуем из статьи тов. И. А. Иванова «Мировое хозяйство, как производственный организм». См. «Вестник Соц. Академии» за 1923 год, книга VI.

Соединенные Штаты на 3-м месте и владеют лишь 12% мирового запаса; их нефтяная позиция, таким образом, несравненно слабее их угольной позиции. Почему смена угля нефтью должна означать переход гегемонии к С. Штатам Северной Америки, становится окончательно непонятным. Необходимо добавить, что наиболее обследованная, с точки зрения богатства нефтью, часть земного шара—это Соединенные Штаты; и, следовательно, открытия новых ее местонахождений, ожидать которых мы имеем все основания, будут лишь уменьшать долю Соединенных Штатов в мировом запасе.

Переход мирового хозяйства на новую энергетическую основу, огромный рост количества и значения динамомашин и моторов внутреннего сгорания, сам по себе, следовательно, вовсе не означает неизбежности забивания Европы Америкой. Если бы европейский капитализм был так же силен, как и до войны, если бы он, как до войны, оставался хозяином на мировом рынке капиталов, то прикарманив колоссальные нефтяные ресурсы колониального и полуколониального мира, он оказался бы богаче Соединенных Штатов. Если бы в России не произошла социалистическая революция, то овладев одной только русской нефтью, европейский капитал мог бы господствовать на мировом нефтяном рынке. Дело не в том, что дизель и электричество вытесняют паровую машину, а в том, что загнивающий европейский капитализм, расшатанный и истощенный войной, перестал быть тем хозяином мира, каким был до войны [1]).

Таким образом, утверждение г. Войтинского, что «изменение энергетических основ мирового хозяйства» уже само по себе должно было вызвать перемещение центра его тяжести «помимо войны» — фактически неверно, неверно с любой точки зрения, представляет собою типичный апологетический вздор, попытку замазать роль войны и загнивание капитализма, свести весь процесс к натуральным факторам, находящимся вне власти людей, независимым от общественных отношений и общественного строя.

Выступая адвокатом европейской буржуазии, наш социал-демократический экономист не может, однако, ограничиться заявлением, что Европе конец, хотя бы даже и такой, в котором буржуазия совершенно неповинна. Адвокату европейской буржуазии необходимо показать, что европейский капитал еще живуч, что у него еще есть возможности дальнейшего развития. Нефтяная иеремиада г. Войтинского поэтому быстро сменяется более игривыми и идиллическими мелодиями. Конечно, американский капитализм сильнее европейского, но мир велик, и в нем хватит, в конце-концов, места для обоих.

«Мировое хозяйство,—утешает г. Войтинский,—способно еще к дальнейшему расширению, хотя, конечно, его рамки не могут расширяться при помощи до сих пор применявшихся

[1]) Мы не говорим уже о том, что вытеснение твердого топлива жидким отнюдь еще не означает вытеснения угля нефтью. Напротив. Опыты Бергиуса, как и ряд других, открывают перед углем совершенно новую перспективу стать основным источником жидкого топлива.

методов [1]). Оно может быть расширено настолько, что в его границах арена действия будет достаточно велика и для Европы и для Америки. Задача удержания положения Европы в мировом хозяйстве, поэтому не включает в себя необходимости борьбы с Америкой. Речь может итти лишь о разделе сфер влияния и о хозяйственном сотрудничестве обоих континентов».

В этой тираде нашего воспрянувшего духом Иеремии необходимо раньше всего отметить одно чрезвычайно ценное признание. Хотя в начале и говорится о том, что «до сих пор применявшиеся методы расширения мирового хозяйства (подразумевается колониальный разбой), теперь непригодны», в конце мы находим аппетитное упоминание о «разграничении сфер влияния» между европейским и американским империализмом. Иными словами, несмотря на свой пацифистский кретинизм г. Войтинский неожиданно обнаруживает и крупицу здравого смысла. Г. Войтинский пробалтывается, что без «сфер влияния», т.-е. без грабежа колоний и полуколоний, без дальнейшего колониального разбоя, европейскому капитализму все же не выжить. Наш пацифист забывает лишь о том, что растущий и поднимающийся колониальный мир, «великий резерв угнетенного человечества» не позволяет больше делить и кромсать себя. Золотые дни Аранхуэца, когда империалистические колоссы могли делить между собою «сферы влияния», считаясь, лишь, со своими аппетитами и их бронированным обоснованием, безвозвратно прошли.

Предположим, однако, что при помощи II Интернационала международной буржуазии удастся преодолеть сопротивление колониальных революций. Неужели, однако, г. Войтинский *всерьез* думает, что «разделение сфер влияния» обойдется без вооруженной борьбы, без новой империалистической бойни, что Япония, Англия и Соединенные Штаты полюбовно поделят между собою Китай и не передерутся между собой при этом, что вопросы моссульской и южно-персидской нефти будут решаться простым большинством голосов в Лиге Наций? Поистине наивность, переходящая в цинизм!

В этом вопросе г. Войтинский, впрочем, не оригинален. И когда он говорит о «мирном разделе сфер влияния» и хозяйствен-

[1]) В той же сентябрьской книжке „*Die Gesellschaft*“, в которой была помещена статья Войтинского, напечатана статья английского «социалиста» Бекстона, того самого, который был на Марсельском конгрессе II Интернационала докладчиком по вопросам международной политики. Статья посвящена колониальному вопросу. Мы приведем из нее одну выдержку.

«Какова должна быть наша непосредственная политика (в колониальном вопросе)? Должны ли мы требовать, чтобы более слабые народы были предоставлены самим себе, чтобы связанные с ними теперь государства увели свои силы из ныне оккупированных областей и предоставили рассеяному среди туземцев белому населению самому о себе заботиться? Следовательно, вернуть то, что было некогда насильственно взято и отказатся от всех договорных прав правомерно или неправомерно приобретенных. Некоторые социалисты склоняются к этому взгляду... Но мы потенциальные властители (potentielle Herrscher), мы ответственны не только за прошедшее, но и за настоящее и будущее. Если после всего, что произошло белые правительства отойдут в сторону, если они предоставят туземное население своей собственной судьбе после того, как они так глубоко изменили условия его жизни, то его положение от этого, несомненно, ухудшится. *Не может быть, следовательно, и речи о том, чтобы туземцев тропических стран с их неисчислимыми богатствами предоставить самим себе*».

Думаем, что этот замечательный документ в комментариях не нуждается.

ном сотрудничестве», то невольно вспоминается знаменитая и много раз битая теория ультра-империализма впавшего в детство идеологического вождя II Интернационала, К. Каутского. Ее существо, как известно, тоже сводилось к предреканию полюбовного соглашения империалистических держав относительно «раздела сфер влияния». Тов. Ленин дал исчерпывающую критику этого нелепого построения:

«Возьмем Индию, Индо-Китай и Китай. Известно, что эти три колониальные и полуколониальные страны с населением в 6—7 сот миллионов душ подвергаются эксплуатации финансового капитала нескольких империалистических держав: Англии, Франции, Японии, Соединенных Штатов и т. д. Допустим, что эти империалистские страны составят союзы одних против других с целью отстоять или расширить свои владения, интересы и «сферы влияния» в названных азиатских государствах. Это будут «интер-империалистические». Допустим, что *все* империалистские державы составят союз для «мирного» раздела названных азиатских стран — это будет «интернационально-об'единенный финансовый капитал». Фактические примеры такого союза имеются в истории XX века, например, в отношениях держав к Китаю. Спрашивается, мыслимо ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были *не* кратковременны? Чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах?

Достаточно, ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колоний и пр., кроме как учет *силы* участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется неодинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран, при капитализме быть не может» [1]).

«Ультра-империалистическая» пошлятина Каутского еще пошлее и еще больше искажает действительность в том виде, в каком ее подносит г. Войтинский *теперь*, когда противоречия капиталистических интересов заострены так, как никогда раньше. Производственный аппарат тяжелой индустрии в важнейших странах работает с нагрузкой в лучшем случае не превышающей 70—75%%. Не лучше обстоит дело и в текстильной промышленности. Англия переработала в 1924 г. лишь 65% того количества хлопка, какое было переработано в 1913 г., а весь остальной европейский континент—67%. А 1925 год принес с собой дальнейшее ухудшение. И здесь, значит, мы имеем огромную недогрузку основного капитала. Европейская капиталистическая промышленность задыхается от отсутствия рынков; недаром ее общий кризис усугубляется и усложняется необычайно резким и затяжным, специфическим кризисом экспортных индустрий. Проблема рынков стоит в настоящий момент перед европейским — да и перед американским — капитализмом острее, чем когда бы то ни было.

[1]) Н. *Ленин*, «Империализм, как новейший этап капитализма», Собр. соч., т. XIII, стр. 328-329.

А значит меньше, чем когда бы то ни было может итти речь о мирном ее разрешении.

Не менее безнадежны перспективы «мирного сожительства» и «хозяйственной кооперации», если от товарного рынка перейти к рынку капиталов. Вытеснение Англии с этого рынка Америкой и темп этого вытеснения общеизвестны. Причина этого вытеснения не только в том, что в Америке денег больше, но и в том, что в Америке деньги дешевле. Чтобы оценить все значение этого факта, необходимо помнить, что миродержавная роль английской буржуазии опиралась на английский экспорт капиталов. Чем был для английской буржуазии экспорт капиталов видно из того, что из всех ценных бумаг, находившихся в 1912 г. в ее руках, только 44% приходилось на английские и 54% на иностранные[1]). Чистый доход от заграничных капиталов Англии составлял по данным «Economist'a» 210 милл. фунтов стерлингов. В 1924 году он снизился до 185 миллионов фунтов. Если при этом учесть рост цен и обесценение фунта, то мы получим сокращение заграничных доходов на 40, приблизительно, процентов. Этот процесс продолжается и в 1925 году. Квартальная средняя английских заграничных эмиссий в 1924 году составляла 31,2 миллиона фунтов, за первую половину 1925 года—почти в два раза меньше—около 17 миллионов фунтов[2]). В то же время пассив торгового баланса возрос в 1924 году, в довоенных ценах более, чем на 25% сравнительно с 1913 годом и продолжает неудержимо расти и в 1925 г. Ползущая вниз кривая заграничных доходов и ползущая вверх кривая пассива торгового баланса образуют своеобразные «ножницы», дальнейший раствор которых означает не что иное, как банкротство английского капитализма.

Таковы факты. Нужно быть, однако, социал-демократом и сотрудником «Die Gesellschaft», чтобы думать, что английская буржуазия будет взирать на эти факты с пацифистским благодушием и будет лепетать о мирном сотрудничестве и «хозяйственной кооперации», когда экономическое соотношение сил складывается против нее, влечет ее к банкротству. Достаточно бросить взор на карту колоний, на карту великих морских путей, над которыми господствует Англия, чтобы понять, что гниющий и разлагающийся английский капитализм все-же еще слишком силен, чтоб сдаться без борьбы, без вооруженной борьбы за свое место под солнцем. И Сидней Джессен, автор книги «О мировых интересах английской нефтяной промышленности», говоря об особой важности персидской нефти недаром подчеркивает, что «Персия относится к таким точкам земного шара, которые наиболее далеко отстоят от Соединенных Штатов, что в соответствующем случае явилось бы важным военным преимуществом».

Замазывание того факта, что дальнейшее существование капитализма необходимо означает новые войны, одурачивание масс разговорами о мирном, бескровном развитии капитализма—а к этим разговорам на добрую половину свелся, между прочим, и марсельский конгресс—составляет одно из величайших преступлений II Интернационала, предательство в своем роде не менее похабное, чем то, которое было им совершено в 1914 году.

[1]) Для Франции соответственные цифры дадут 63 и 37 (См. «Статистический справочник» Вольфа и Мебуса, стр. 278).

[2]) «Economist» 21/VIII.

Успокоив читателя тем, что в драке между европейским и американским капитализмом нет никакой необходимости, и все отлично устроится с помощью полюбовного раздела «сфер влияния», г. Войтинский снова припадает ухом к земле, снова прислушивается к тому, что там делается и снова вспоминает, что Европа оскудела, что она беднее и слабее Америки. Он вторично задается вопросом, что привело ее в такое состояние. И, успев забыть о том ответе, который он дал в начале статьи, он продолжает так, как будто никаких изменений «в энергетических основах мирового хозяйства»,—изменений, в которых наш «марксист» из «Die Gesellschaft», как мы видели, усматривал еще несколькими страницами выше исключительную причину всех и всяческих сдвигов—как будто никаких таких изменений вовсе и не произошло. На один и тот же вопрос г. Войтинский дает два ответа, ничего общего друг с другом не имеющих. Но в этой нелогичности есть своя логика, логика апологета, чернильного кули буржуазии. Когда надо доказать, что капитализм и война вовсе не повинны в хозяйственном развале, тогда на сцену выступает нефть. Теперь же г. Войтинскому надо экономически обосновать буржуазный пацифизм II Интернационала. Тут нефть уже не нужна, тут он о нефти сразу забывает, и на сцену выступает совершенно новая аргументация. Послушаем его:

«Что же привело Европу в ее нынешнее положение? Была ли то война? Отчасти и война. Но не она вызвала кризис; она его лишь ускорила и заострила. Был ли то капитализм? Частично, конечно, и капитализм. Но, ведь, капитализм существует и в цветущей, развивающейся по восходящей линии Америке».

На этой тираде стоит остановиться. Война здесь берется сама по себе, а капитализм сам по себе. Как будто война не была следствием капитализма. Что же касается капитализма, то и он об'ясняет кризис лишь «отчасти», потому что, ведь, и в Америке капитализм, между тем, она «цветет».

Аргумент «от Америки» поистине замечателен. У г. Войтинского, который был все же некогда не чужд марксизму, вдруг совершенно отшибло память о том, что существуют различные стадии капиталистического развития, которые очень друг на друга не похожи и которые располагаются не только во времени, но и в пространстве. Современный английский капитализм так же не похож на английский капитализм 60-х годов, как и на современный индийский капитализм. Европейский капитализм заканчивает в настоящее время свой последний, империалистический цикл, за которым следует социалистическая революция, между тем как Соединенные Штаты в него только вступают (хотя вступают поистине семимильными шагами)[1]).

[1]) О темпе «империализации» американского капитализма дает некоторое представление выдержка из речи товарища г. Войтинского по II Интернационалу, американца Хилквита, произнесенной им на марсельском конгрессе: «Новое выражение доктрины Монроэ гласит уже: не Америка для американцев, но Америка для Соединенных Штатов. На американском континенте имеется двадцать независимых республик, помимо Соединенных Штатов. Часть из них находится под официальным финансовым контролем Соединенных Штатов. В шести республиках капиталистические вложения опираются на военную силу.

И в той мере, в какой капитализм Соединенных Штатов уже вступил в империалистическую фазу своего развития, в нем начинают проявляться симптомы загнивания, замедления роста производительных сил. В интереснейшей работе проф. Фалькнера «Рост народного имущества и дохода Соединенных Штатов» мы читаем:

> «Рассматривая выведенные в таблице № 10 показатели роста американского производства, мы видим, что за 20-летний период (с 1899 по 1919 г.г.) последнее увеличивается почти вдвое, с 64,5 в 1899 г. до 112,5 в 1919 г. Но если разделить этот период пополам, то мы убедимся в огромном замедлении темпа этого роста: в то время как первое десятилетие с 1899 г. по 1909 год продукция возрастает с 64,5 до 95,0%, т.-е. почти на 47%, за второе десятилетие с 1909 г. по 1919 год она увеличивается с 95,0% до 112%, т.-е. лишь на 18%, или почти в три раза медленнее. В этом разительном расхождении темпа продукции Соединенных Штатов и проявляется влияние мировой войны»[1]).

Империалистическая фаза и вытекающая из нее война, таким образом, принесли с собою резкое замедление роста производства Соединенных Штатов. Еще отчетливее это видно в другом месте той же работы проф. Фалькнера, где он весьма основательно расправляется с мифом о том, что империалистическая война «обогатила» Америку. После сопоставления целого ряда статистических показателей проф. Фалькнер говорит:

> «Мы приходим к чрезвычайно существенному и многозначительному выводу, что народное богатство Соединенных Штатов в результате войны, при расчете на душу населения оказалось в лучшем случае стабилизованным... Ходячее в Европе представление об огромном обогащении Америки за время войны является, таким образом, фикцией. Война, да еще война такого напряжения, как война 1914—1918 г.г., обогатить не могла»[2]).

«Цветение» американского капитализма, таким образом, оказывается весьма относительным. Лихорадочная смена кон'юнктур, частые кризисы (1920—21, 1924 г.г.) и затяжные депрессии послевоенного периода, во всяком случае не дают никаких оснований скакать и играть по поводу его полнокровия. Хотя, разумеется, в американском капитализме только еще начинается тот процесс, заключительная судорога которого уже сводит европейский капитализм.

. . . В 1912 г. солдаты Соединенных Штатов высадились в республике Никарагуа. В 1915 г. американские солдаты ворвались в негрскую республику Гаити. В 1916 г та же участь постигла республику Сан Доминго. То же, примерно, произошло в Гондурасе". Достаточно общеизвестна мексиканская политика Соединенных Штатов. Последние годы Соединенные Штаты проявляют огромную империалистическую активность на Дальнем Востоке. И, наконец, само собой разумеется, что участие Соединенных Штатов в войне 1914 г. тоже является не чем иным, как выражением того, что и они уже вступили в империалистическую стадию своего развития.

[1]) «Плановое хозяйство» № 5, стр. 187.

[2]) «Плановое хозяйство», № 4, стр. 222.

Аргумент г. Войтинского «от Америки» является чудовищной передержкой. Но передержка здесь ему понадобилась за тем же, что и передержка с нефтью в начале статьи.

Расчистив путь и «доказав», что ни война, ни капитализм в кризисе европейского хозяйства не повинны, он, наконец, разрешается от бремени и сообщает миру о своем великом открытии:

> «Главное, основное различие между обеими частями света заключается в политическом и хозяйственном единстве Америки... Несчастье Европы в наследии ее тысячелетней истории, которая ее раз'единила и раздробила».

И открыв эту Америку, наш Колумб тотчас же извлекает политическое поучение:

> «В предстоящей борьбе за сохранение своего места в мировом хозяйстве Европа должна раньше всего устранить источник своей слабости: свою хозяйственную балканизованность».

Итак, на нефть, не война, не капитализм — причины современного кризиса Европы; все дело оказывается в ее хозяйственной балканизованности. Дозволительно, однако, осведомиться у социал-демократического Колумба: почему несмотря на балканизованность европейский капитализм рос до войны, а не сгнил с первого момента своего появления, когда его балканизованность была не меньше, чем теперь? И во-вторых, не является ли эта балканизованность, в свою очередь, результатом не только тысячелетней истории», но и капиталистической конкуренции, капиталистической борьбы?

Замечательна, в самом деле, манера г. Войтинского искать об'яснение кризису где угодно и в чем угодно, только не в капитализме, его стремление ценою любой передержки выгородить и оправдать буржуазию. Если и на этот раз «балканизацию» Европы он «выводит» не из капитализма, а из «тысячелетней» истории, то это не случайность и не обмолвка. Это ему нужно для того, чтобы показать, что преодоление этой балканизации отнюдь не предполагает преодоления капитализма, что оно возможно и в рамках капиталистического строя.

> «Без европейского таможенного союза, — вещает г. Войтинский, — экономическое восстановление Европы невозможно».

А так как в этом деле больше всего заинтересованы страны, наиболее страдающие от кризиса, то

> «инициатива создания «Соединенных Штатов Европы» должна исходить от Англии и Германии».

Болдуин и Лютер, Чемберлен и Штреземан, дружно взявшись за руки, приступают к созданию Соединенных Штатов Европы. Злейший враг социал-демократов не мог бы приписать им большую пошлость и большую нелепость.

Выше мы уже привели выдержку из «Империализма» тов. Ленина, которая вполне исчерпывает вопрос об «интер-империалистических» об'единениях. Мы можем поэтому теперь ограничиться лишь одним замечанием: быть может духовное око г. Войтинского прозревает в хороводе «Соединенных Штатов Европы» не Болдуина, Кайо и Лютера, а скажем Мак-Дональда, Блюма и Отто Брауна. Дело от этого, однако, ничуть не меняется. Правительства Мак-Дональда и Блюма, будут такими же империа-

листскими правительствами, как и правительства Болдуина и Пэнлеве. За это говорит не только опыт «рабочего» правительства в Англии и знаменитое послание «рабочего» премьера в Индию. За это говорит и признание г. Войтинского насчет необходимости «расширения мирового хозяйства» и «раздела сфер влияния». Еще красноречивее об этом говорит приведенная нами выше в примечании выдержка из статьи Бэкстона. Об'единение социал-демократических правительств будет, следовательно, таким же «интер-империалистским об'единением», как и об'единение ныне правящих консервативных зубров. И так же, как и последнее, невозможно.

Постараемся конкретизировать вопрос. Можно ли сколько-нибудь серьезно говорить о Соединенных Штатах Европы, пока существует план Дауэса? Необходимо помнить, что план Дауэса—это не локально-германское явление. Под режимом дауэсизации находятся помимо Германии и Австрия и Венгрия. К дауэсизации неудержимо катится и Польша. Вполне очевидно, что до тех пор пока в Европе существуют отношения победителей и побежденных, пока существует режим систематического выколачивания одним государством из других контрибуций и процентов, до тех пор дальше какой-нибудь каррикатуры, вроде Лиги Наций, дело об'единения Европы не может пойти.

А откажется ли правительство Мак-Дональда от плана Дауэса? Конечно, нет, раз Мак-Дональд был одним из активнейших участников его принятия и проведения, стоял, можно сказать, над его купелью. Мак-Дональд и Эррио в женевском протоколе, который теперь выставляется как евангилие внешней политики II Интернационала—не посмели, даже заикнуться о ликвидации плана Дауэса. Где уж, куда уж!

Дальше, думает ли г. Войтинский, что Мак-Дональд захочет или сможет поделиться с остальными «штатами» Европы, хотя-бы моссульской нефтью? Захочет ли он и сможет поделиться с другими «штатами» Гибралтаром, Суэцким каналом, Сингапурской военно-морской базой? Достаточно поставить эти вопросы, чтоб стала очевидной невозможность другого ответа, кроме отрицательного.

Г. Войтинский и сам чувствует, что у него это не совсем гладко выходит. Он настолько проницателен, что даже предвидит некоторые возражения. У него так и сказано:

> «Мы предвидим некоторые возражения. Нам могут сказать, что национальная раздробленность не является единственным противоречием во внутреннем строении современной Европы. Существуют дальнейшие, глубже идущие социальные противоречия. Лишь устранение этих противоречий, лишь осуществление социалистического хозяйства, может положить конец национальной ненависти. Поэтому и теперь, как и раньше, лозунгом пролетариата следовало бы остаться социализму».

Таковы возражения, которые «предвидит» г. Войтинский. Возражения, как видим, довольно веские, хотя на формулировке их лежит яркая печать социал-демократической пошлости. Что же отвечает г. Войтинский?

Он ссылается раньше всего на свою статью в августовской книжке «Die Gesellschaft» «О тенденциях количественного развития пролетариата». В этой статье он огорошивает мир необыкновенным открытием: оказывается, что фабрично-заводский пролетариат образует в настоящее время меньшинство населения земного шара, и, судя по темпу его количественного роста, большинством станет еще не скоро. Взболтав это открытие на дрожжах «теоретического» анализа, он извлекает из него следующее поучение:

> «Попытка связать тактику изолированной борьбы рабочих (фактически только индустриальных рабочих) с идеей социальной революции, неизбежно приводит к следующей дилемме: либо ждать пока индустриальный пролетариат станет большинством, либо при определенных условиях действовать не будучи большинством. В первом случае социализм будет отодвинут в туманную даль, во втором—мы попадаем на скользкую дорогу, ведущую к идеологии переворота, производимого меньшинством и поддерживаемого диктатурой крови и железа».

Положение, действительно, тяжелое. Сказать, что социализм подлежит отодвижению в туманные дали нельзя, потому что это значило бы разоблачить себя перед рабочими, но с другой стороны—перспектива таких вещей, как переворот и диктатура, для социал-демократа во всяком случае неприемлема.

> «Выход из этой дилеммы,—поучает дальше г. Войтинский,—надо искать во внимательном исследовании процесов развития современного капитализма».

Плодом этого внимательного исследования и явилась разобранная статья «Новое мировое хозяйство—новая мировая политика», напечатанная месяцем позже в сентябрьской книжке «Die Gesellschaft».

Что у нас получилось? Августовская статья кончается установлением «дилеммы», выход из которой должна была дать сентябрьская. Сентябрьская статья, в свою очередь, упирается в возражения, для ответа на которые нас отсылают к августовской.

Простим, однако, г. Войтинскому это неуклюжее отсылание от Понтия к Пилату. Посмотрим, как выглядит окончательный синтез результатов, добытых обоими статьями:

> «Социалистический пролетариат не составляет еще большинства внутри существующего общества. Но он станет большинством постольку, поскольку ему удастся присоединить к себе своих социальных соседей—промежуточные слои, т.-е. поскольку его классовый пароль станет паролем широких народных масс, паролем и таких слоев, которые по своему положению к рабочему классу не принадлежат».

Как это ни странно, г. Войтинский здесь высказывает абсолютно верную мысль. Конечно, для того, чтобы иметь большинство пролетариат должен заключить союз с примыкающими к нему полупролетарскими и промежуточными слоями. Но самый факт заключения такого союза вовсе еще не означает, что этот союз будет революционным, что он приближает к социализму. Так, союз английского пролетариата с некоторыми элементами мелко-буржуазной интеллигенции, организационным оформлением которого является Английская Рабочая Партия, является пре-

пятствием на пути к социализму. Союз наиболее отсталой, отравленной религиозным дурманом части германского пролетариата с известными слоями мелкой (а частью и крупной) буржуазии, организационным выражением которого является католическая партия центра, также является фактором, отнюдь, не революционным. Точно так же и проповедь союза пролетариата с его «социальными соседями» может быть революционной и контрреволюционной, в зависимости от того, для чего этот союз провозглашается. Если для борьбы с капитализмом, для социалистической революции—тогда этот союз, конечно, революционен. Но само собой разумеется, что союз, предлагаемый г. Войтинским, имеет совсем другие цели.

«Из всего сказанного,—говорит он,—вытекает необходимость постепенного продвижения, шаг за шагом к социалистической цели. В данных исторических условиях преодоление балканизованности Европы и основание Европейских Соединенных Штатов представляется ближайшим этапом».

Значит, не союз для преодоления балканизации и войн революцией, а напротив, союз с гегемонией мелко-буржуазного пацифизма, который является одним из главных «мирных» инструментов империалистской буржуазии; это значит отказ от революции и одурачивание рабочих масс бесконечно-пошлой и нелепой утопией «Европейских Соединенных Штатов» при капитализме. Таков конечный вывод г. Войтинского.

Об'ективно работа г. Войтинского, как и работа бесчисленного количества ему подобных чернильных кули II Интернационала, является не чем иным, как попыткой буржуазно-пацифистского «переключения» революционной энергии масс, замазывания грозной опасности новой империалистической бойни, попыткой примирить как пролетариат, так и его «социальных соседей» с дальнейшим существованием капитализма. Голыми словами, однако, классы не убеждаются и не разубеждаются: классы учатся на фактах. Первый такого рода факт уже налицо: марокканская война. Ближайшее будущее принесет с собою новые факты, в свете которых международный пролетариат со всею ясностью увидит чего стоят декламации о мире при капитализме героев II Интернационала.

Факты послужат главным орудием революционного просвещения рабочего класса, просвещения, которое выразится, между прочим, и в том, что он прогонит социал-демократическую клику, а вместе с нею и ту свору писак, к которой принадлежит и г. Войтинский.

Ф. Сулковский.

Не „терминологическая“, а просто путаница.

I.

В №№ 9—10 «Большевика» помещена статья Богушевского под широковещательным названием: «О деревенском кулаке или о роли традиции в терминологии». Эта статья приходит после беглого разбора к выводу, что «кулак, как определенный экономический тип, доживает последние дни», что кулак «это—не общественный слой, даже не группа, даже не кучка—это вымирающие уже единицы». И как вывод, т. Богушевский устанавливает: «только терминологической инерцией, с позволения сказать, можно об'яснить выпячивание в ряде статей значения в нашей деревне фигуры кулака», ибо «кулака в самом деле в деревне почти не существует уже и сейчас».

Вот так штука! Оказывается, кулак—просто недоразумение. Его нет, и мы лишь зря болтаем, когда о нем пишем резолюции и статьи. Основная линия партии за все время революции (как равно до нее) определенно учитывала наличие кулаков. Когда в настоящем году был взят курс на усиление работы в деревне в связи с лозунгом «лицом к деревне», то одним из основных вопросов, вставшим перед партийными организациями и перед Центральным Комитетом был вопрос о кулачестве. «Вопрос о кулачестве,—говорит Молотов,—имеет в настоящее время большое значение» («Об очередных задачах работы в деревне»). Об этом же говорят и решения XIV партконференции.

И вдруг вопрос о кулачестве—иллюзия, чуть ли не карточный домик, нами зря выдуманный.

Тов. Богушевский грубо ошибается. Постараемся это доказать.

II.

«Само собой разумеется,—пишет тов. Богушевский,—что в условиях военного коммунизма не могло существовать ни кулацкого, ни вообще капиталистически-предпринимательского хозяйства». Это положение будет совершенно верным, если мы возьмем его, как теоретическое положение: действительно, сплошной военный коммунизм исключает кулацкое хозяйство. Но подобное теоретическое положение является теоретизированием в худшем смысле этого слова, когда мы его применяем к нашей действительности 1917—1921 г.г. Во-первых, целые годы

ряд крупнейших районов был во власти белых (Украина, Сибирь); там в это время, конечно, военным коммунизмом и не пахло. Там были и поддерживали белых не бывшие, а настоящие кулаки. Во-вторых, крестьянские восстания, охватывавшие крупнейшие территории Украины, ряд районов Сибири, Тамбовской губ., были определенно кулацкими не только потому, что кулаки были вожди в этой борьбе против Сов. власти, но и потому, что в восставших районах, как правило, воскресал и возрождался кулацкий тип хозяйства. В-третьих, при безграничных пространствах РСФСР, несомненно, были и не в белых, и не в восставших местах районы с определенными кулаками, не бывшими, как на это напирает Богушевский, но настоящими. С точки зрения диалектики, которой придерживаются марксисты, совершенно недопустима та абсолютизация, которой т. Богушевский одаряет эпоху военного коммунизма. Жизнь есть жизнь, но не нагромождение абсолютных схем.

Поэтому Богушевский совершенно неправ, когда утверждает, что «если мы говорили об особом отношении к среднему крестьянству, противопоставляя его отношению к кулаку, то речь, таким образом, могла итти только о бывшем кулаке». Как видно из сказанного выше, речь шла о настоящем живом кулаке; звание кулака не было экономическим анахронизмом, а упиралось как раз в деревенскую экономику. То, что кулаков стало меньше и их роль сузилась весьма сильно, не означает их перехода в «небытие».

Но тов. Богушевский не останавливается только на том, что якобы кулак стал экономическим анохронизмом, но утверждает, что разгром контр-революции (к концу 1920 г.) привел к тому, что контр-революционные поползновения «совершенно перестали находить какой бы то ни было отклик в сколько-нибудь широких общественных кругах, а в особенности в деревне». «Поэтому,—дальше развивает свою мысль т. Богушевский, — одно это поставило под знак вопроса и политический смысл «звания» кулака еще до наступления новой экономической политики».

Поистине удивительные рассуждения.

Прежде всего замечательно, что контр-революционные поползновения особенно потеряли почву в деревне. Что же, рабочий класс был в то время правее крестьянства? Значит, крестьянство было в то время основной опорой Советской власти? Стоит поставить пред собою эти вопросы и вспомнить это тяжелое для Советской Республики время—и станет совершенно ясным, что контр-революционные поползновения не имели почвы под собою именно в рабочих крупных районах и в фабрично-заводских центрах (Москва, Ленинград, Иваново-Вознесенск), крестьянство же, наоборот, далеко не обнаруживало того политического спокойствия, которое так категорически утверждает тов. Богушевский. Вспомним Кронштадтский мятеж, Антоновское восстание в Тамбовской губернии, полосу восстаний в Сибири, Украинские бродячие банды—и мы увидим, что крестьянство в целом ряде случаев, руководимое кулаками, политически было против Сов. власти. Касаясь Кронштадтского мятежа—по существу крестьянского мятежа—Ленин писал: «Тут проявилась стихия мелкобуржуазная, демократическая с лозунгами свободной торговли и всегда направленная против диктатуры пролетариата». (Н. Ленин, Собрание сочинений, т. XVIII, ч. 1).

В знаменитой брошюре «О продналоге» т. Ленин замечает: «Политическая обстановка к весне 1921 г. сложилась так, что немедленные самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под'ема его производительных сил стали неотложно необходимы». Именно политическое настроение крестьянства весной 1921 г. поставило ребром вопрос о переходе к новой экономической политике. А это настроение в ряде случаев было таково, что крестьянская, мелкобуржуазная стихия, руководимая кулацкими и эсеровскими (это часто одно и то же) элементами, шла на свержение Советской власти (тот же Кронштадт); а это разве не контр-революционное поползновение?

К тому же т. Богушевский путается в трех соснах—и путается основательно. Лишним доказательством этого служит то обстоятельство, что дальше (на стр. 60) Богушевский утверждает, что «замена продразверстки продналогом, допущение свободы торговли и прочее, без сомнения, примирили с советской властью значительную часть тех крестьян, которые все еще были настроены контр-революционно». Как это вяжется с приведенным выше утверждением об отсутствии какого-либо отклика контр-революционных поползновений в деревне? Ведь одно другое исключает,—это ясно для каждого грамотного человека.

Попытки т. Богушевского доказать политическое и экономическое «небытие» кулака в 1920 г. в период после разгрома контр-революции и до новой экономической политики—являются совершенно несостоятельными. Противоречие эпохи военного коммунизма заключалось в том, что военный коммунизм оказался не в состоянии увязать фабрично-заводскую и крестьянскую экономику и установить между ними подлинную смычку, обеспечивающую удовлетворение потребностей широких масс трудового крестьянства. А отсюда, как частный случай, вытекает вывод, что военный коммунизм не был в состоянии ликвидировать экономически и политически кулака. Гони природу в дверь—она летит в окно. И как мы ни истребляли экономически и политически кулаков, они в первых рядах сражались против нас и организовывали против Сов. власти более широкие крестьянские круги. Для упрочения нашего союза с крестьянством, рабочему классу надо было перейти на новые позиции, которые бы усиливали его влияние в деревне и позволяли ему в большей степени, чем до сих пор, связаться с трудовым крестьянством, изолируя от него кулака. Этим тактическим маневром, подводящим прочную базу под союз города и деревни и явилась новая экономическая политика.

III.

Переходя к периоду новой экономической политики и к современности, т. Богушевский заявляет о необходимости перенести вопрос «на чисто экономическую почву». Против этого возражать не приходится. Но это свое для марксиста вполне понятное заявление тов. Богушевский сопровождает двумя замечаниями, заслуживающими больше удивления, чем внима-

ния: 1) «Разгром контр-революции и введение нэпа, если, может быть, и не совсем, то **во всяком случае почти совсем уничтожили тип политического кулака»** (курсив наш. *Ф. С.*).

Совершенно неясно почему без основания т. Богушевский придает ему благочестивый советский облик. Затем трудно понять т. Богушевского, почему это он так упорно отделяет, выражаясь его словами, «политического» кулака от «экономического»; самое противопоставление является странным, а в данном случае непонятным. Самое большее, о чем можно говорить, это «не об уничтожении типа политического кулака», а об изменении политических настроений кулачества. Настроение кулака сейчас, оставаясь попрежнему антисоветским, все же иное, чем до годов нэпа, особенно в области тактической: до нэпа кулак пытался нас удушить восстаниями, а сейчас использует легальные возможности: борьба за советы и т. д.

2) Сам чувствуя недостаточность своего об'яснения, т. Богушевский поясняет: «Мы не хотим сказать, что в деревне одни только советские настроения, но мы вправе утверждать, что настроения деревни стали более однородными в том смысле, что индивидуальные антисоветские настроения (**почти исключительно партийно-эсеровские** (??), во-первых, остаются чисто индивидуальными, а, во-вторых, **не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении суб'екта** (**более всего, об'ясняясь, как сказано, партийной принадлежностью**)» (курсив наш. *Ф. С.*).

Это дальнейшее пояснение чрезвычайно хромает. Верно, что настроение деревни стало более однородным, чем в годы перед нэпом, но почему антисоветские настроения — «почти исключительно партийно-эсеровские»? Это делает слишком много чести эсерам, в то же время не соответствует действительности: эсерство не покрывает собою антисоветских настроений.

Затем, как же это так «антисоветские настроения не находят себе обычно об'яснения ни в нынешнем, ни в прежнем социально-экономическом положении суб'екта, об'ясняясь более всего партийной принадлежностью»? А партийная принадлежность из воздуха приклеивается к мужику? С каких это пор состояние в партии не связано с социально-экономической физиономией членов? Ведь по Богушевскому получается, что: а) **антисоветские настроения случайны**; б) **антисоветское настроение кулака не об'ясняется его экономическим положением**; в) **партийная принадлежность приобретает самодовлеющее значение**, хотя на самом деле именно она является производным фактором, и сама нуждается в об'яснении.

Совершенно очевидно, что т. Богушевский грубо ошибается: **политическое** настроение крестьянства опирается и соответствует его **экономике**; противником советской власти, в **первую очередь и главным образом**, являются именно кулаки, независимо от их партийности. А сама партийность (эсеровская) является уже следствием (далеко не обязательным) недовольства политикой Советской власти, т.-е. результатом антисоветских настроений. Как известно, недовольство Совластью ведет не только к эсерству, но и к анархизму и монархизму.

IV.

Наконец, т. Богушевский переходит к определению того, кого можно назвать кулаком. Тов. Богушевский отказывается «отыскать в старой литературе определения этого экономического типа» и целиком свое об'яснение кулака базирует на статьях т.т. А. Смирнова и М. Калинина. Как известно, и т. Смирнов и т. Калинин заостряли вопрос в определении кулачества не на моменте эксплоатации, а на ее особенных формах: ростовщичестве и кабале. По Калинину получается, что под кулачеством следует понимать «закабаление окружающего населения такими условиями работ или такими хозяйственными сделками, **которые бы являлись для одной стороны убыточнее средних сделок в этом роде**». По Калинину, примером кулацкой сделки следует считать случай, когда «крестьянин нанимает работника и за уплату вперед заработной платы понижает ее ниже средней в данной местности» (цитата у Богушевского). Те же самые соображения развивает и т. Смирнов. К ним безоговорочно присоединяется и т. Богушевский, подчеркивающий, что кулак—это не всякий сельско-хозяйственный капиталист, а обладающий особыми чертами (кабала и ростовщичество).

Мы полагаем, что совершенно неверным является это построение.

Совершенно неправильно в качестве мерила брать среднюю плату в данной местности. С каких это пор у марксистов водоразделом экономических определений является размер заработной платы. Вы представьте себе мужика, который летом платит работникам **среднюю** для данной местности зарплату; по определению тов. Калинина, он не кулак; но, если он зимой зарплату понижает, он превращается в кулака. Представим себе еще местность, где **средняя зарплата в силу ряда условий является буквально нищенской**, но мужик вынужден наниматься в работники, ибо массовая безработица, неурожай его на это толкают. Сельско-хозяйственный предприниматель эксплоатирует его во всю, но раз он не понижает средней зарплаты (и без того мизерной) он не является кулаком. Если мы этот пример с зарплатой перенесем в промышленность, то у нас получится: капиталист, платящий **ниже** средней ставки—эксплоататор, платящий **выше** не может быть зачислен по эксплоататорскому ведомству, а между тем мы все превосходно понимаем, что независимо от того, сколько платит фабрикант рабочему—больше или меньше—он настоящий капиталист, буржуа, ибо для нас **основное не в размере зарплаты**, а **в самом факте эксплоатации**, являющемся результатом капиталистических производственных отношений.

Тов. Богушевский не любит ссылок на старую литературу. Постараемся порыться в новой уже советской литературе. В «Ответе на запрос крестьянина» (**Н. Ленин**, Собр. соч., т. XVI, стр. 29) мы читаем следующее определение т. Ленина: «Кулаки—богатые крестьяне, **которые угнетают чужой труд, либо нанимая работников, либо давая деньги в рост и тому подобное**». Коротко и ясно. Тов. Ленин не проводит разницы между мужиками в зависимости от того, какую зарплату они выплачивают своим работникам, а подчеркивает момент **угнетения, т.-е. эксплоатации чужого труда**.

Эта эксплоатация идет по двум путям: а) найма; б) ростовщичества. Таким образом, мужик, ведущий свое хозяйство наемными руками—настоящий кулак. Несомненно, что в условиях Советского Союза ведение хозяйства наемным трудом далеко от широкого распространения, но дело не в том, насколько широко распространен этот способ хозяйствования, а имеется он или нет. На этот вопрос ответ может быть только положительным. Наивным втиранием самим себе очков было бы, если бы мы утверждали, что у нас нет хозяйств, ведущихся наемным трудом. Само собой разумеется, что хозяйство, лишь на время пользующееся наемными руками, кулацким названо быть не может. Эксплоатация рабочей силы должна быть основой ведения хозяйства; лишь в этом случае мы можем назвать последнее кулацким. Как семья состоящая из мужа, жены, работающих на службе, и 3 детей не может быть причислена к эксплоататорской на том только основании, что она имеет прислугу, так и крестьянское хозяйство в основном живущее своим трудом не имеет кулацкого характера.

Возникает вопрос: можно ли сказать, как это утверждает и тов. Богушевский, «что кулак—сельско-хозяйственный капиталист, обладающий особыми чертами»? Если говорить о кулаках, как об особенной категории сельско-хозяйственного капитализма, то это было безусловно правильным в дореволюционное время, когда существовало помещичье землевладение. Но теперь помещичье землевладение весьма прочно отсутствует; и сейчас (если не считать сельско-хозяйственных концессионеров, роль которых не может быть значительной) единственными монопольными представителями сельско-хозяйственных капиталистов в СССР являются кулаки. К тому же особенные черты, как их понимает Богушевский (кабала, ростовщичество), не являются, как разобрано выше, исчерпывающими понятие кулака. Потому мы вправе установить, что для переживаемого нами этапа диктатуры пролетариата понятия: «сельско-хозяйственный капиталист» и «кулак» взаимно покрывают друг друга.

Основная ошибка т. Богушевского, а равно т.т. Калинина и Смирнова, заключается в том, что они деревенское кулачество связывают исключительно с торгово-ростовщическим капиталом. Совершенно верно, что торгово-ростовщический капитал исторически предшествует образованию промышленного капитала и логически является необходимым условием этого образования (Н. Ленин, Собр. сочинений, т. III, стр. 138, «Развитие капитализма в России»),—это же по аналогии относится и к сельскому хозяйству, где капитал «не исчерпывается кабалой и ростовщичеством, но обращается также и на производство». Но, как говорит Ленин, «нанимает ли крестьянин рабочих для расширения производства, торгует ли он землей или бакалейными товарами, торгует ли он коноплей, сеном, скотом и пр., или деньгами (ростовщик) он представляет из себя один экономический тип, операции его сводятся в основном к одному и тому же экономическому отношению» (там же, стр. 139), т.-е. к присвоению прибавочной стоимости.

Таким образом, нельзя противопоставлять, как различные в основе категории, крестьянина-ростовщика-торговца и крестьянина-производственника, живущего эксплоатацией наемного труда: оба представляют одну экономическую категорию—кулака.

V.

Сузив и извратив, таким образом, понятие кулака, т. Богушевский идет дальше семимильными шагами. По его мнению, развитие типа кулака невозможно и сейчас, при сравнительной слабости кооперации, тем более т. Богушевский считает невозможным это развитие в дальнейшем, когда внушительно окрепнет кооперация. По Богушевскому, кулаки—просто вымирающие единицы.

Даже, если мы примем исходную точку т. Богушевского о ростовщической базе кулачества, то для подобных «розовых» рассуждений и утверждений имеется весьма мало оснований. Еще меньше будет этих оснований, если мы к исследованию кулацкого типа подойдем без розовых очков. Посмотрим, что нам говорят цифры:

По данным Ц. С. У. к лету 1923 г. 6,2% крестьянских дворов относится к зажиточным и 1,8% к богатым (безусловные кулаки). К 1925 г. можно предполагать, что % кулаков доходит до 2—2,2. По подсчетам Ю. Ларина («Советская деревня», стр. 85—86), число хозяйств, нанимающих рабочих, колеблется в пределах от 400.000 до 600.000.

У Хрящевой мы находим следующие цифры, касающиеся ряда не пострадавших от голода губерний: хозяйства с посевами от 6—10 десятин составляли в 1920 г. 2,7%, а в 1924 г.—5,5%; с посевами 10—16 дес. в 1920 г.—0,7%, а в 1924 г.—0,7% («Большевик» №№ 5—6 за 1925 г.). Приведенная там же сводка дает нам для 1924 г. процент крупнопосевщиков от 6 дес.—9,5%, свыше 10—2,5%.

Эти цифры можно значительно умножить («Экономическое обозрение», «Плановое хозяйство», «На аграрном фронте», статьи Хрящевой, издания ЦК РКП и т. д.). Но и их достаточно для того, чтобы установить существующий процесс расслоения деревни и развитие и укрепление ее кулацкой верхушки. В современной деревне имеется почва для развития кулачества. В каких размерах—это вопрос другой. Поэтому существование кулака это—непререкаемый факт, который находит себе полное подтверждение в нашей политике. Последние перевыборы Советов это показали с удивительной отчетливостью. Не только в издавна кулацких местах, как Кубань, но и в таких рабочих районах, как промышленные округа Урала и губернии Центральной России, мы чувствовали политическое сопротивление (большее или меньшее в разных местах) кулацких элементов, бравших не своим количеством, но своим качеством (экономическая зависимость от них части середняков и бедняков, активность и организованность). Развитие кооперации в деревне, помимо прочих препятствий, наталкивается также на резкое противодействие кулачества.

Но не только существование кулаков несомненно, безусловным фактом является рост кулачества. Экономика современной деревни создает условия, которые способствуют развитию буржуазной верхушки.

Резолюция XIV партконференции констатирует, что «начавшееся с нэпом расслоение деревни найдет свое выражение в ближайшем будущем в дальнейшем увеличении и усилении на известное время новой крестьян-

ской буржуазии, вырастающей из зажиточных слоев крестьянства»... Наряду с этим конференция высказывается за «недопущение в правление обществ явно кулацких элементов». Наша партия не боится констатировать того, что есть, и прямо признает существование кулачества и усиление его на известное время: факты—упрямая вещь.

Позиция же т. Богушевского попросту смазывает существование кулачества. Какие там кулаки,—восклицает т. Богушевский,—были да почти вышли, а сейчас они доканчивают свое разложение и исчезновение.

Чувствуя под ногами непрочную почву, т. Богушевский ссылается, в качестве последней соломинки, на то, что «большим вопросом для крестьян является вопрос о том, «кого из граждан данного селения следует причислить к кулакам». Затруднения, конечно, в этом бывают, ибо точную, отчетливую границу между кулаком и зажиточным крестьянином провести трудно. Но значительная часть этих затруднений вытекает из того, что понятие кулака толковалось часто слишком распространительно и захватывало крупную категорию «хозяйственных» и «крепких» середняков. Конечно, этот аргумент т. Богушевского ничуть не доказывает отсутствие кулака. В конце т. Богушевский все же делает «одну оговорочку». Оказывается, есть «элементы, напоминающие кулачество», как-то: «особо невыгодные для одной стороны сделки» и «элементы ростовщичества». Оказывается, что хотя это—кулацкие элементы, но это еще не кулачество, ибо мы не можем утверждать «наличия тенденции к обособлению какого-либо слоя или группы в крестьянстве, монополизирующих проистекающие из этого (?!) особые выгоды». Утверждение далеко неясное и неверное. Тенденция к обособлению, т.-е. к выделению, именно имеется.

Наивно указание т. Богушевского, что «божеские» проценты берет каждое крестьянское хозяйство, настолько хотя бы зажиточное, что ему есть что одолжить». Значит «божеские» проценты берет только определенная, имущая категория крестьянства. Ведь бедняк не сможет ничего одолжить, ибо ему нечего одалживать. Поэтому «божеские» проценты доказывают обратное тому, на что ссылается наш автор.

Совсем нелепо звучит рассуждение, что при аренде «в накладе иной раз остается именно исправное, более или менее зажиточное крестьянство, так как сплошь и рядом в аренду сдают сейчас крестьяне-полупролетарии, осевшие в промышленности, а арендуют более или менее крепкие крестьяне. Кто кого тут эксплоатирует, разобрать нелегко». Зажиточный крестьянин, арендующий землю соседа, ушедшего на фабрику, по Богушевскому, оказывается чуть ли не эксплоатируемым существом! Мужика, ушедшего из-за невозможности свести концы с концами в город на фабрику, т. Богушевский готов зачислить в эксплоататоры!

Это—все же слишком! Всякому увлечению есть предел.

VI.

Статья т. Богушевского является, независимо от суб'ективных взглядов автора, попыткой легализовать кулака, отрицая его существование и вводя его тем самым в состав полноправных советских граждан. Она дает неверную перспективу происходящему в деревне процессу расслоения и излишне оптимистически расценивает классовые отношения в деревне.

Классовая борьба в деревне приобретает у Богушевского прямо-таки идиллический характер. Давая совершенно неверный анализ классовым отношениям в современной деревне и делая из этого «розовые» выводы об отсутствии кулака, т. Богушевский вступает в явное противоречие с позицией партии по этому вопросу.

Партия на основании об'ективного изучения деревенских отношений пришла к выводу, что классовое расслоение в деревне, выделение крепнущей и активной буржуазной верхушки, выдвигает перед нами исторической важности задачу—борьбу за середняка. Борьба за середняка происходит между городской буржуазией и деревенским кулачеством с одной стороны, и рабочим классом, руководимым партией,—с другой стороны.

Эта борьба происходит в своеобразных условиях, когда для усиления нашей промышленности, для увеличения рядов пролетариата для укрепления социалистического участка борьбы мы вынуждены развязывать новую экономическую политику в деревне, приводящую не только к укреплению наших позиций у бедняка и середняка (сельско-хозяйственный кредит, кооперация), но и к росту деревенской буржуазии, к росту кулачества, к росту на известное время капиталистических элементов.

В этом и заключается суровая диалектика переживаемого нами момента.

Соотношение сил социализма и капитализма в системе нашего народного хозяйства, как показывают нам годы нэпа, складывается из года в год в сторону советского государства, т.-е. социализма.

Но этот наш социалистический успех не должен мешать нам пристально следить за успехами капитализма в первую очередь в деревне. Опасность здесь далеко не преодолена. В деревне нам предстоит очень тяжелая, кропотливая работа, борьба. И лишь в итоге этой борьбы мы сможем сказать, что уже победил социализм. Поэтому мы проявляем такое внимание к деревне, поэтому мы ее так пристально пытаемся изучить.

По Богушевскому же, деревня является наиболее спокойным участком нашего союза, где тишь, гладь, да божья благодать. Отсутствие кулака, отсутствие предпосылок для укрепления этого нашего злейшего и опаснейшего врага влечет за собой, как вывод, ослабление нашего внимания деревне, «почивание на лаврах». А именно это особенно опасно. Поэтому статья т. Богушевского не только неверная, но и вредная статья.

И. Архинчеев.

На путях культурной революции.

(В порядке постановки вопроса).

I.

Речь идет о постановке широкой просветительной работы среди культурно-отсталых народов СССР,—среди киргизов, калмыков, башкир, бурят и др.,—которые диалектикой всемирной истории и победным ходом пролетарской революции в России поставлены ныне пред проблемой: «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»[1]).

Эта исторически данная проблема определяет собою в основном все своеобразие дальнейшего развития отсталых народов Советского Союза и определяет его как путь «культурной революции»[2]). Ибо серьезное социалистическое строительство среди этих народов, т.-е. в обстановке почти полного отсутствия развитой промышленной техники, капиталистической выучки пролетариата, чудовищной безграмотности, господства самых диких идеологических, психологических и религиозных воззрений, предрассудков и привычек,—мыслимо только на основе большого культурного сдвига, переворота. Без такого культурного переворота—выражаясь по Энгельсу—«революции сверху», 1917 г. нельзя будет дополнить «движением снизу», которое в капиталистически развитых странах обеспечивается наличием вышколенного капитализмом, классово-организованного и держащего в своих руках весь стальной костяк страны—пролетариата.

Формула—«к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»—означает процесс насаждения современной развитой общественно-производственной техники и принципов коллективистической культуры на девственной почве. Но для того, чтобы такая в огромной степени искусственная («сверху вниз») и, разумеется, планово-организованная посадка успешно могла приняться на этой почве, необходимо предварительно пройтись по ней культурным трактором,—разорвать по крайней мере ее верхний слой—перевернуть дерно. В этом именно смысле и идет речь о предварительной «культурной революции».

---

1) «...с помощью пролетариата наиболее передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития—к коммунизму, минуя капиталлистическую стадию развития». (Н. Ленин, Собр. соч. том. XIX, стр. 226).

2) «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов) и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, пред лицом которой мы все-таки теперь стоим». (Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 134—135).

II.

Обратимся теперь к конкретным фактам, характеризующим современный культурный уровень отсталых народов СССР.

В своих «Страничках из дневника» тов. Ленин приводит следующую таблицу грамотности населения России за 1897 и 1920 годы:

	Грамотных на 1000 душ населения					
	Муж. пола		Женск. пола		Всего	
	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.	1897 г.	1920 г.
1. Европейск. Россия	326	422	136	225	229	330
2. Северный Кавказ	241	357	56	215	150	281
3. Сибирь (Западная)	170	307	46	134	108	218
Всего . .	318	409	131	244	223	319

Таким образом, население России в указанных в таблице пределах грамотно на 32%, т.-е. меньше, чем на 1/3. «Это служит,—говорит тов. Ленин,—грозным предостережением и упреком по адресу тех, кто витает в эмпиреях «пролетарской культуры». Это показывает, сколько еще настоятельной черновой работы предстоит нам сделать, чтобы достигнуть уровня обыкновенного цивилизованного государства Западной Европы. Это показывает далее, какая уйма работы предстоит нам теперь для того, чтобы на почве наших пролетарских завоеваний достигнуть действительно сколько-нибудь культурного уровня»[1]).

Но даже эти 32% для многих народов СССР являются сейчас—в 1925 г.—идеальной цифрой.

Так, напр., по Бурято-Монгольской ССР процент грамотности понижается до 14,3%, а по самой крупной из автономных ССР—Киргизской до 2,5% [2]).

Таким образом, русские при всей своей, выражаясь по тов. Ленину, «полуазиатской безкультурности» в 13½ раз грамотнее киргиз—коренного населения нашей самой крупной АССР. Факт чудовищный.

Этот факт, как и вообще интересы первоначального народного образования не могли не найти своего отражения и в нашем государственном бюджете.

Ассигнования по ведомствам Наркомпроса на 1924—1925 г.г. по данным государственной росписи (в тысячах рублей) дают следующую картину:

---

1) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 105.

2) См. Статистический сборник «Народное Хозяйство СССР в цифрах» год 2-й, стр. 49.

РСФСР в целом	70.638	руб.	25	проц. всего госбюджета
Наркомпрос РСФСР	63.128	„	—	„ „ „
„ Баш. АССР	808	„	33,3	„ „ „
„ Бур.-Мон. АССР	154	„	23,2	„ „ „
„ Дагест. „	188	„	17,1	„ „ „
„ Карельск. „	—	„	—	„ „ „
„ Киргизск. „	1.959	„	42,8	„ „ „
„ Крым. „	528	„	—	„ „ „
„ Немец. „	252	„	31,1	„ „ „
„ Татарск. „	1.078	„	36,7	„ „ „
„ Турк. „	2.294	„	34,0	„ „ „
„ Якут. „	249	„	35,9	„ „ „

Таково положение вещей в абсолютных цифрах. Но для большей конкретности приведем эти цифры в относительных показаниях с одним общим знаменателем; посмотрим, что приходится на одну душу населения по более типическим республикам. В качестве последних возьмем РСФСР в 82.463.000 душ населения [1]) с 32% грамотности [2]), ТатАССР в 2.925.100 душ населения с 18,9% грамотности, Бур.-Мон. АССР в 450.700 душ населения с 14,3% грамотности и Кир. АССР в 5.970.800 душ населения с 2,5% грамотности. По этим частям РСФСР мы получаем следующие цифры ассигнования по госбюджету на одну душу населения:

РСФСР	0,71	руб.	
Татарск. АССР	0,40	„	(наибольшая грамотность)
Бур.-Мон. „	0,34	„	(средняя грамотность)
Кирг. „	0,33	„	(наименьшая грамотность)

Цифры чрезвычайно характерные. Они прежде всего констатируют тот факт, что чем безграмотнее республика, тем она в меньшей доле обеспечивается за счет государственного бюджета. Выходит, что называется, шиворот навыворот; обратная прогрессия. При чем эта обратная прогрессия возрастет в геометрической степени, если принять в расчет еще местный бюджет. В местном бюджете цифра РСФСР будет еще в гораздо большей степени благоприятна. Это вне всякого сомнения, ибо промышленные и городские центры РСФСР со своими платными городскими школами, школами фабзавуча; с многочисленными видами профессионально-технического, клубного, театрального, художественного, музыкального и проч. и проч. образования; с периодическими и непериодическими самоокупающимися партийными, советскими, профессиональными, кооперативными и другими издательствами и т. д. и т. д.—ассигновывают колоссальные суммы сверх государственного бюджета. А у татар, у бурят и у киргиз нет собственных городов и промышленных центров. Если у них и есть кое-какие городишки, то в них собственно татарского, собственно бурятского, собственно киргизского населения, что называется, кот наплакал. Мы сейчас, к сожалению, не располагаем проверенными данными местных и городских бюджетов, но насколько интенсивна культурная жизнь в городских и фабрично-заводских центрах—нетрудно себе представить хотя-бы по таким показателям, как, например, цифры распределения изданных в РСФСР книг. Вот три совершенно убедительные цифры:

[1]) Без автономных республик, но со включением всех автономных областей. Цифры населения везде взяты по состоянию их на 1 января с. г. (см. названный «Статистический сборник», стр. 10—16).

[2]) По Великороссии 33,4% грам.; по автон. областям с общим количеством населения в 4.294 600 душ—10,5% средней грамотности. Таким образом, общий и средний % грамотности РСФСР (без авт. республик)—32,—как раз та самая цифра, которая, как мы указывали выш

В 1923 г. распределено книг:

по Москве	5.040	названий
„ Ленинграду	2.293	„
„ проч. местностям	3.477	„ [1])

Одна Москва поглощает книжной литературы почти в $1\frac{1}{2}$ раза больше, чем все «прочие местности» вместе взятые, за исключением лишь Ленинграда. Один Ленинград поглощает этой литературы только в $1\frac{1}{2}$ раза меньше, чем все «прочие местности» вместе взятые (разумеется, без Москвы). После этого уже совсем нетрудно себе представить, что может пасть на долю, например, великорусской или татарской деревни, не говоря уже о бурятском или киргизском кочевнике, который даже и папиросы не научился завертывать из своих национальных газет и листовок.

Все это в конце-концов говорит о том, что тов. Ленин был тысячу раз прав, говоря, что «у нас делается еще слишком мало, безмерно мало для того, чтобы передвинуть весь наш государственный бюджет в сторону удовлетворения в первую голову потребности первоначального образования» [2]) и в особенности—прибавим к этому от себя,—этих потребностей у наиболее, чудовищно культурно отсталых народов СССР.

III.

Так обстоит дело, так сказать, с чисто количественной стороны. Но посмотрим, каково положение вещей со стороны качественной; насколько рационально, с каким полезным результатом использовываются среди отсталых народов нашего Союза те жалкие гроши, которые, как мы только что видели, ассигновываются по нашему государственному бюджету.

С этим вопросом мы обратимся к самой важнейшей арене культурно-просветительной работы в народных массах—к народной школе наших отсталых национальных окраин.

Приступая к разбору постановки широкой соцвосовской работы в особых условиях наших отсталых национальных окраин, необходимо строго придерживаться положения, что «безусловным требованием марксистской теории при разборе какого бы то ни было социального вопроса является постановка его в определенные исторические рамки, а затем, если речь идет об одной стране ... учет конкретных особенностей, отличающих эту страну от других в пределах одной и той же исторической эпохи» [3]).

[1]) См. тот же «Статистический сборник», стр. 79.

[2]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 106.

[3]) Н. Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 94.

Что означает это безусловное требование марксизма в применении к нашему вопросу?

Прежде всего оно означает, что мы должны вопрос наш рассматривать и разрешать в эпоху переходную от буржуазно-капиталистической к пролетарско-социалистической культуре и в условиях диктатуры пролетариата, т.-е. ответить на вопрос, какие общие проблемы и методы разрешения этих проблем выдвигает данная историческая эпоха. Но на этот вопрос мы уже ответили в начале настоящего реферата, говоря о ленинской формуле, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» и о «культурной революции». Поэтому нам сейчас остается лишь остановиться на «конкретных особенностях» культурно отсталых народов нашего Союза с точки зрения интересующего нас вопроса—школьного вопроса.

Важнейшее основное, что необходимо отметить с самого начала—это то, что в огромной своей массе эти народы не только не доразвились до буржуазно-капиталистической машинно-промышленной культуры, но они даже стоят за порогом мелко-буржуазной оседло-земледельческой экономики. Эти народы в основной своей массе еще пребывают в стадии примитивного кочевого и полукочевого скотоводческого быта.

По данным ЦСУ по тем национально-автономным образованиям, которые мы приводим как типические, на 100 душ населения (за 1924 г.) приходится:

Бурят.-Мон. АССР	158 голов скота	
Киргизск. „	125 „ „	
Калмыцк. Авт. Обл.	114 „ „	в то время
как всего только	51[1]) „ „	в среднем

приходится по губерниям Тульской, Рязанской, Пензенской, Орловской, Тамбовской, Курской и Воронежской—центрально-земледельческой Великороссии. Эти данные говорят о господстве экстенсивного скотоводства у данных народов. Об этом весьма убедительно свидетельствует % сенокосных и выгонных угодий к общей площади удобной земли. Вот соответствующие данные Центр. Стат. Управл.

В Западном Крае сенокосов	20,7 %	выгонов 2,2 %
„ Центр.-Земл. Крае „	6,8 „	„ 2,7 „
„ Калмыц. Авт. Обл. „	2,6 „	„ 87,9 „
„ Киргизской АССР „	к сожалению, сведений нет	
„ Бур.-Мон. „ „	тоже [2])	

Из этих данных следует, что наши скотоводческие народы сено почти не косят, а скот свой содержат почти исключительно на «подножном» корму, ибо у них сенокоса почти не оказывается, но зато у них огромные площади выгонных (пастбищных) угодий; значит, у них кочевое, или, в лучшем случае, полукочевое экстенсивное скотоводство — «табуны калмыцких коней пасутся вольны и не хранимы».

С точки зрения интересующего нас вопроса выдающейся особенностью в жизни отстало-скотоводческих народов является

[1]) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 203, 205, 207 и 209.
[2]) См. тот же «Статистический Сборник», стр. 132—137.

характер их расселения. Экстенсивное скотоводство, в основе которого лежит принцип количества, а не качества, разбрасывает, распыляет население в пространстве. Для того, чтобы содержать свои многочисленные стада на дико растущем подножном корму, скотоводу нужны обширные пастбища и усадебные выгоны. Это обстоятельство исключает всякую возможность образования у скотоводов крупных и компактных поселений. Скотоводческий улус (поселок) обычно состоит из 4—7 дворов, расположенных друг от друга (благодаря своим обширным скотным дворам и усадебным выгонам) на весьма и весьма почтительном расстоянии. А расстояния между улусами простираются на 3—7, нередко и еще больше верст. Но этого мало. Улусы эти не всегда обитаемы. Они делятся на две категории: «зимники» и «летники». Первые расположены в местах сенокошений и хлебных полей. В них скотоводы живут только в течение зимы—в период зимней кормежки скота. С наступлением весны, с появлением свежего подножного корма на летних пастбищах скотоводы вместе с своими стадами из «зимников» перекочевывают в «летники», где они остаются до осени, до окончания уборки сена и хлеба. Таким образом, скотоводы расселены не только чрезмерно разбросанно, но и текуче, при чем дело обстоит так при так называемом полукочевом скотоводстве. Что же касается вполне кочевого скотоводства, то оно почти совершенно не знает улусов с неподвижными строениями. При нем население постоянно кочует в поисках все новых и новых пастбищ для своих стад; кочует вместе со всем своим скарбом, в том числе и с жилищами—передвижными войлочными кибитками или юртами; кочует во все времена года.

IV.

Теперь посмотрим, как влияет на школьное дело эта своеобразная обстановка экстенсивно-скотоводческого быта.

Прежде всего она начальную народную школу обрекает на примитивно-кустарный тип. Обыкновенная сельская школа на 40—50 учащихся при одном учителе в условиях скотоводческого расселения совершенно невозможна. Чтобы укомплектовать такую школу до нормальной ее нагрузки, потребовался бы район с радиусом в 15—20 верст. Другими словами, для того, чтобы посещать такую школу, торчащую в улусе из 4—7 кибиток, огромному большинству учеников, пришлось бы каждый день приезжать за 15—20 верст, что, конечно, технически и физически невозможно. Поэтому средний «нормальный» контингент учащихся бурятской, киргизской, калмыцкой начальной школы 13—17 человек детей. Но и такая кустарная школа при полном комплекте должна обслуживать целую группу улусов, расположенных от 3 до 10 верст от школы, так что школьники из более отдаленных улусов могут регулярно посещать школу, лишь имея в своем исключительном пользовании верховую лошаденку. И лишь дети ближайших улусов приходят на уроки пешком с дневным запасом продовольствия,—да при том только дети достаточно хорошего питания и достаточно хорошо одетые и обутые. А дети бедняков и батраков или вовсе не в состоянии посещать школу, или если кто и посещает, то так нерегулярно, что рано или поздно все равно исключается из школы.

После окончания уроков школа запустевает до следующих уроков. Учащиеся поодиночке и подвое кто верхом, кто пешком распыляются по окрестности школы. Внеурочное время они абсолютно вне поля зрения и организующего влияния школьного учителя. И вообще, вследствие своей распыленности на огромном пространстве, дети скотоводов не поддаются организации в коллективы, почему различные формы детского и юношеского движения, столь успешно ныне развивающиеся в городах, промышленных и земледельческих районах, не прививаются в условиях скотоводческих стран.

Само собою разумеется, что для такой миниатюрной школы нет почти никакого смысла строить специальное здание. Поэтому она, как общее и ненарушаемое правило, ютится в избушке жилого типа, арендуемой у какого-нибудь богатого скотовода и построенной по самой примитивной улусной конструкции: темной, грязной, душной. Вообще трудно себе представить что-нибудь более антисанитарное, чем такая улусная школа. И неудивительно, что врачи европейской медицины единодушно констатируют факт исключительно большой заболеваемости и смертности школьных детей и большой процент туберкулезно-больных народных учителей у скотоводов. И недаром даже в народной массе утвердилось мнение, усиленно поддерживаемое служителями культа—муллами и ламами—о вредности школы вообще.

Таково общее положение школьного дела в особых об'ективных условиях экстенсивно-скотоводческого быта.

Конкретизируя это положение, не трудно притти к следующим основным выводам:

1. Экстенсивно-скотоводческая экономика, обусловливающая чрезмерную распыленность и текучесть населения, стоит в непримиримом противоречии прежде всего с современной школьной техникой; так в ее об'ективных условиях невозможна школа технически, санитарно и педагогически рациональная и соответствующих размеров. Между тем современная передовая советская школа, основывающаяся на так называемом активно-действенном трудовом методе воспитания и обучения, может правильно функционировать только на базисе сложного технического оборудования: лабораторий, мастерских, опытно-показательных полей и т. п.

2. Экстенсивно-скотоводческая экономика стоит также в резком противоречии к основной цели современной советской педагогики, задаче воспитания гражданина и деятеля социалистического общества; к выработке и развитию в детях приемов и навыков организованно-коллективных действий и творческой активности, ибо эта задача, согласно научным принципам марксистской педагогики, разрешается на началах организованно-коллективной самодеятельной трудовой активности детей. Для этого служат как различные формы организации детского и юношеского движения, так и специфические школьно-ученические самодеятельные коллективы, которые возможны лишь в более или менее крупных и компактных населенных пунктах и, наоборот, совершенно немыслимы в условиях чрезмерной разбросанности и подвижности скотоводческого населения.

3. Об'ективные условия экстенсивно-скотоводческого быта обрекают улусного школьного учителя на медленный, но тем более верный культурный регресс. Оторванный многими десятками, а иногда и сотнями верст от всего культурного мира и лишенный не только развитой современной школьной техники, но даже самого элементарного орудия своего труда, который, кстати, протекает в убийственных для человеческого организма условиях,—школьный учитель не только не в состоянии реализовать в жизни хотя бы самые необходимые принципы советской научно-социалистической педагогики, но даже он не в состоянии поднять свою собственную профессиональную квалификацию до уровня понимания этих принципов. Одинокий, нищий, погруженный в мрак народного невежества и предрассудков и, как общее правило, больной—он в конце-концов сам нивелируется под уровень окружающей его материально-моральной среды. Судьба его больше, чем печальна.

4. Присущая кочевому или полукочевому скотоводству разбросанность и распыленность населения извращает классовую линию в области школьного дела—этой единственной формы массового образования у скотоводов: народные школы отсталых скотоводческих национальностей об'ективно недоступны детям батраков и бедняков. Слабосильные от рождения, полуголодные, одетые в жалкие рубища и пешие, дети улусной бедноты физически не в состоянии преодолевать огромные расстояния от их копур до школы. Получается вопиющий парадокс: народные школы советского государства недоступны для детей бедноты и наемного батрачества—этих единственных социальных опор советской власти у наших отсталых, докапиталистической культуры народов; и эти дети стихийной силой вещей обрекаются на участь социальных отбросов.

Таким образом, экстенсивно-скотоводческая экономика, распыляя скотоводческое население наших отсталых национальных окраин по ширям огромного и дикого пространства, при существующем положении школьного дела в этих окраинах стоит в непримиримом противоречии как с общими принципами и методами советской научно-марксистской педагогики и обусловленной ею современной школьной техники, так и с самой классовой линией школьно-просветительной политики первого в мире государства пролетарской диктатуры.

Из этого, по нашему мнению, совершенно непререкаемого вывода следует, что существующая сейчас и обусловливаемая скотоводческой экономикой наших отсталых народов школа-примитив—ныне ступень уже перешагнутая самой жизнью, в частности, особым призванием новой трудовой школы, школы коммунизма. И наши культурно-отсталые народы, волею судеб идущие к коммунизму путями «культурной революции» и «минуя капиталистическую стадию развития», сейчас поставлены пред повелительной необходимостью приступить к коренной реформе своей народной школы первоначального образования.

V.

Эта реформа должна разрешить три основные и общие задачи:

Во-первых, школу первоначального народного образования сделать не только совершенно, но и преимущественно доступной для детей беднейших слоев населения. Задача огромного политического значения.

Во-вторых, сорганизовать школьную детвору в самодеятельные коллективы на почве интересов школьной и внешколь-

ной жизни детей, являющихся главным фактором активно-действенного коммунистического воспитания.

В-третьих, как говорил тов. Ленин, «поставить народного учителя на высоту, без которой и речи быть не может ни о какой культуре»; это—забота «над его (народного учителя) духовным под'емом и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию» [1].

Первая и вторая из указанных задач в условиях экстенсивно-скотоводческого быта отсталых народов СССР могут быть разрешены лишь организацией при начальных школах обширных и образцово поставленных интернатов. Только интернат может помочь детям бедных родителей, особенно детям батраков, регулярно посещать начальную школу; только собранные в образцово оборудованный интернат эти дети могут быть сорганизованы в самодеятельные коллективы; наконец, только он может позволить перейти к крупным с современной техникой школам. В этом последнем смысле интернат поможет разрешить и третью задачу—улучшить материальное и моральное положение народного учителя. Ибо только в школах крупного масштаба народный учитель будет поставлен в условия современной школьной техники и педагогики. Для надлежащей подготовки народного учителя, для того, чтобы «поставить народного учителя на высоту», соответствующую его действительно высокому званию,—для этого необходимо перейти к так называемой предметной системе преподавания в школе, т.-е. к узкой и, следовательно, углубленной специализации народных учителей по отдельным свободно избранным ими научным дисциплинам. Реализация предметной системы преподавания в школах первоначального образования, являющаяся заветной, но—увы, до сих пор и заповедной мечтой народного учителя, возможна лишь в школе крупного масштаба, в школе, в которой будут сотрудничать одновременно 5—6 преподавателей, образующих вместе школьный педагогический совет. Кстати, последний, развивая и обобщая педагогический опыт своих членов, приобретет особенно выдающееся значение в переходный от буржуазно-идеалистической к научно-марксистской педагогике период. Достаточно будет одного марксистски подготовленного члена такого школьного педагогического совета, чтобы обеспечить нужный тон во всей жизни школы.

Таким образом, вопрос об образцовом интернате по существу есть альфа и омега предстоящей реформы начальной школы культурно-отсталых народов СССР. «Без разрешения вопроса об общежитиях,—как совершенно правильно заявляет в своем официальном отчете второму всебурятскому С'езду Советов Наркомпрос Бур.-Мон. АССР,—не разрешить и вопроса школьного образования» [2].

Из изложенного уже достаточно явственно вырисовывается общий контур новой школы. Из того, что она должна функционировать при 5—6 одновременных постоянных штатных преподавателях, следует, что эта школа должна одновременно вмещать 125—150 человек учащихся. Радиус района, обслуживаемого такой школой, при описанной выше редкости скотоводческого населения

[1] Н. Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 106 и 107.

[2] См. сборник «Бур.-Мон. АССР. Очерки и отчеты за 1923—24 г.» стр. 273. Изд. Госплана Б.-М. АССР, г. Верхнеудинск, 1925 г.

будет настолько огромен, что минимум 75—80% учащихся не будут в состоянии посещать школу из дома и будут нуждаться в школьном интернате. Поэтому последний должен быть по своему об'ему достаточен, приблизительно для ста человек детей. Наконец, для того, чтобы такой обширный интернат поставить действительно на образцовую ногу, необходимо организовать при нем опытно-показательную школьную с.-х. ферму с подсобными кузнечно-слесарно-столярными мастерскими, на которой школьники-интерны будут заниматься производительными трудовыми процессами. Кстати, эта школьная ферма наряду со своим опытно-показательным значением должна сыграть большую роль и в школьной экономике. В этом смысле она должна стать главной и даже исключительной поставщицей продуктов продовольствия для пансионеров школьного интерната.

Таким образом, в своих важнейших основных чертах пореформенная советская трудовая школа первой ступени у бурят, калмыков, киргиз и других скотоводческих народов нашего союза будет представлять из себя соединение трех элементов: школы, интерната и фермы. Поэтому предстоящую школьную реформу у названных народов следует представлять как переход от примитива к высокому образцу.

VI.

Целесообразность, как и своевременность этой реформы, не подлежит никакому сомнению. Но, однако, столь же несомненно, что эта реформа может быть осуществлена только ценою огромных материальных жертв, при сильнейшем напряжении местных финансов и при мощной поддержке общесоюзного государственного бюджета. Так что практическое осуществление этой реформы в полном ее об'еме следует представлять как процесс длительный, рассчитанный на ряд лет, например, на десятилетие. Но тем повелительнее необходимость как можно скорее приступить к этой реформе на деле. В этих целях необходимо воспользоваться плодами небывалого урожая нынешнего года и развернуть первую сеть новых школ.

На первых этапах реформы новые школы должны быть ориентированы исключительно на детей беднейших слоев. Первая сеть новых образцовых школ должна быть сетью своего рода привилегированных батрацких лицеев [1].

При приступлении к этой реформе надо строго придерживаться принципа «лучше меньше, да лучше». Надо начать хотя бы с того, что построить один такой образцовый батрацкий лицей на уезд (при уездном центре), но зато построить по последнему слову школьной техники, педагогики и гигиены—построить так, чтобы эта школа стала гордостью народа и пролетарского государства. Эта школа в своем развернутом виде должна из себя представлять целый школьный городок-сад: вокруг громадного школьного здания [2] должны быть в строго-плановом порядке

[1] Несомненно, что эти школы из года в год будут расширяться дополнительными классами школы второй ступени и с течением времени превратятся в особые батрацкие политехникумы с агрикультурным уклоном.

[2] В плане самого школьного здания должен быть предусмотрен просторный рекреационный зал, который одновременно должен служить помещением для обще-ученических собраний, публичных лекций и докладов, театраль-

расположены—здание интерната, дома под квартиры служебного школьного персонала, надворные постройки, служебные и жилые постройки школьной с.-х. фермы и т. д., и т. п.

Эта школа будет иметь огромное политическое значение. Она будет своего рода фабрикой, вываривающей в своем котле сырой батрацкий материал в классово-сознательных пролетариев. Советское государство должно искусственно сфабриковать классово-сознательных пролетариев там, где об этом не успел позаботиться капитализм. Сфабриковав таких пролетариев и влив их в свой партийный и государственный организм, советская власть народы докапиталистической культуры поведет, как говорил тов. Ленин, «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». Ибо глубокий смысл этой формулы ленинизма заключается в конце-концов именно в том, что отсталые народы в силу диалектического движения всемирной истории перешедшие на советский строй, опирающиеся на могущественнейшее государство пролетарской диктатуры и не имеющие у себя дома об'ективных материальных предпосылок для строительства социализма,—должны начать это строительство с создания суб'ективных культурных предпосылок. Как политической революции предшествует революция идеологическая, а политическая революция в свою очередь предшествует революции экономической,—так к об'ективно-материальным предпосылкам к социализму необходимо предполагаются прежде всего суб'ективно-культурные предпосылки—так называемый суб'ективный фактор социалистической революции: партия коммунистического пролетариата, а за отсутствием последнего партия революционно-социалистических элементов данного общества.

Но из кого, из какого конкретно-человеческого материала мы должны выпестовать настоящую революционную и подлинно-большевистскую партию среди народов докапиталистической культуры, т.-е. там, где нет не только организованного классово-сознательного пролетариата, но где даже нет развитых товарных отношений; где преобладает до сих пор натуральная или, в лучшем случае, полунатуральная форма хозяйства, покоющаяся по существу на авторитарно-родовом социальном строе?. В самом деле, какова фактически социальная структура наших экстенсивно-скотоводческих народов?

В основных своих чертах эта структура сохранила авторитарно-родовой общественный строй.

На вершине этого строя—фамильно-родовая знать. Слой не только эксплоататорский, но и правящий; правящий на основании личного фамильного авторитета, опирающегося на традиционное «обычное право». Слой безусловно реакционный, во время гражданской войны питавший контр-революцию. К нему примыкают элементы реакционно-теократического духовенства—муллы и ламы.

В середине этого строя—свободные скотоводы, разбитые, как указывалось выше, на многочисленные мельчайшие улусы, по

ных представлений, музыкальных концертов, школьных детских вечеров, а также помещением школьного краеведческого музея. Между прочим последний, изучая школьный район (в данном случае уезд), являющийся в буквальном смысле слова terra incognita (неизвестной землей), должен выполнять и, несомненно, выполнит чрезвычайно важную и актуально-практического значения научно-культурную работу, оставаясь одновременно ценнейшим учебно-наглядным пособием при прохождении предметов: краеведения, естествознания, родной истории по школьной программе.

существу представляющие из себя разроспуюся семью и об'единяющиеся в родовые, а затем племенные союзы с родовыми и племенными заправилами во главе. Последние представляют из себя агентуру высшей фамильно-родовой знати. Слой, политически и идеологически находящийся под сильнейшим влиянием своей реакционной социальной верхушки и во время гражданской войны занимавший «благожелательный» для последней нейтралитет; слой консервативный.

В подвальном этаже этого строя—беднота и батрачество. Самый многочисленный и самый отсталый слой; слой, находящийся не только в безысходной нужде и экономической зависимости, но фактически—и в личном порабощении от верхних социальных этажей. Он в массе своей политически безличен. Его социально-классовое сознание парализовано не только его угнетенным без-личным положением, но и еще больше—авторитарно-родовой и возникающей из нее религиозной идеологией, по которой знатный и богатый—носитель народной мудрости, народного сознания, а забитая [1]) беднота—его рабы по призванию. После революции [2]) в глазах и в сознании этого слоя выросла революционная интеллигенция. В лице последней он стал видеть восходящую и превосходящую национальную фамильно-родовую знать силу, которой он постепенно начинает сознательно симпатизировать. В острые периоды гражданской войны этот слой выделил из себя отряды преданных революции бойцов, которые не раз сражались с оружием в руках с своей доморощенной национальной контр-революцией. Наиболее передовые, сознательные, «тертые», «бывалые» элементы из этих отрядов впоследствии вошли в партию, образуя ее батрацкие элементы, из которых затем выработались выдающиеся и наиболее *устойчивые* партийные и советские работники.

Поэтому на поставленный выше наш вопрос мы отвечаем: настоящая революционно-коммунистическая, подлинно-большевистская партия среди культурно-отсталых народов СССР должна *выпестоваться* именно только из этого батрацкого материала; именно только из этого человеческого материала мы должны *выработать* (именно *выработать*) суб'ективный фактор социалистической революции и к достижению этой именно цели должен быть направлен в первую голову центр тяжести всей нашей культурно-просветительной работы среди отсталых народов нашего Советского Союза. Без этого немыслимо прежде всего нормальное развитие партийных организаций, немыслимо даже искоренение тех внутрипартийных трений и склок, кои за последнее время

[1]) Забитая в буквальном смысле слова: «В детстве меня били все,—пишет в своей интересной автобиографии бывший батрак, ныне видный калмыцкий партийный работник тов. Амур-Самон, — все, кому только было не лень, так же били моего отца. И били нас так, что я никогда этого не забуду: били больно, унизительно, издевательски. Мой отец все свое зло вымещал только на моей бедной и всегда больной матери. Мое детское сердце разрывалось от злобы, обиды и несправедливости». (См. книгу Амур-Самон «Мудрешкин сын». Изд. «Прибой», 1925 г.).

[2]) До революции этот авторитарно-родовой строй знал социальные расслоения только по вертикальной плоскости — борьбу рода с родом, племени с племенем, порождаемую антагонизмом между знатно-фамильными группировками, их конкуренцией за сферу и масштаб влияния, почему отдельные моменты внутренней истории наших отсталых народов носят названия, происходящие от фамилии знатных типов. Расслоения по горизонтальной плоскости он совсем не знал. В этом, собственно, и заключается существо авторитарно-родового строя.

у наших отсталых национальностей стали явлениями почти бытового и хронического порядка, сигнализирующими, что батрацкая пехота нашей партийной армии долженствующая, как мы видели, образовать настоящий пролетарский костяк последней, превратить ее в подлинно-большевистскую партию у наших отсталых национальностей, — эта батрацкая пехота отстает и уже отстала.

И вот, исходя, из учета этого основного и несомненного факта, мы говорим о том исключительном политическом значении, которое приобретут образцовые школы-интернаты для детей батраков, как единственные формы организации и просвещения армии национального батрачества, ныне неуловимо распыленного, потому не поддающегося не только профессионально-классовой организации, но и даже простому статистическому учету.

Эти школы есть то «очередное звено», за которое необходимо ухватиться со всей силой, чтобы удержать и овладеть всей цепью, которую мы называем «культурной революцией». В ближайшее время эти школы в ходе естественного своего развития, как мы говорили выше, должны превратиться в средние батрацкие лицеи-политехникумы, которые будут пачками выбрасывать классово-сознательных и достаточно научно подготовленных организаторов во все отрасли партийной, административной, культурной и хозяйственной работы; которые будут работать со всей преданностью, со всей энергией, со всем присущим пролетарию революционным энтузиазмом и без которых не может быть и речи о той «культурной революции», при помощи которой отсталые народы нашего великого союза должны притти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

VII.

Выше мы приводили цифры грамотности народов России. Мы видели, что эти цифры в отношении многих наших скотоводческих народов являются показателями не степени грамотности, а, вернее, степени безграмотности, степени варварства. Так, если мы говорим, что 91% башкир, 96% калмыков, 97,5% киргиз, 98% кабардинцев, 99% балкарцев абсолютно безграмотно, то речь идет не о степени культурности, а о глубокой дикости этих народов. Но если наряду с этими «варварскими» цифрами устанавливаем, что наиболее культурные, наиболее богатые из этих народов по своим государственным бюджетам расходуют не свыше 40 коп. на душу населения, то здесь, несомненно, мы имеем дело с фактом вопиющей диспропорции и с таким темпом культурного прогресса этих народов, при котором всякие разговоры о культурной революции могут звучать лишь юмористически.

Эти цифры говорят о полной беспомощности, о полной несостоятельности этих народов выбиться собственными силами на широкий и светлый путь социалистической культуры. Они говорят о том, что весь жизненный сок этих народов был выжат железным прессом колониально-полицейского режима царизма, — режима союза пристава, попа и спирта; что пролетарская революция эти народы застала в состоянии, когда их жизненный уровень был низведен ниже так называемого физиологически необходимого

минимума, когда эти народы начали вырождаться и вымирать, что уже установлено статистически; и что без мощной поддержки со стороны населения бывшей метрополии (куда в свое время и были выкачаны богатства отсталых колониально- и национально-угнетаемых народов) эти народы не смогут итти в ногу с революционным пролетариатом СССР [1].

Говоря о темпе культурного под'ема наших отсталых национальностей, еще находящихся на ступенях примитивно-кочевой экономики, следует сказать, что в самых условиях их хозяйственного быта мы находим залог к тому, что темп этот при достаточных финансовых возможностях превзойдет всякие ожидания. Ибо теорией марксизма установлено, что интеллект (разум) номада (кочевника) развит [2]. У кочевника-скотовода борьба за непосредственное существование не составляет всепоглащающего момента в его жизни. Он беспечно кочует за своими стадами в поисках «подножного» корма. Его многочисленные стада для него являются почти бесплатным даром природы; эти стада живут и размножаются почти без всяких трудовых усилий со стороны их хозяев. У кочевника-скотовода всегда огромный досуг, который дает ему возможность изощряться в области отвлеченно-рассудочных упражнений. Во всяком случае интеллект скотовода-номада не ниже, а скорее выше [3]) интеллекта крепостного или закаболенного кулацко-ростовщической системой эксплоатации крестьянина-земледельца. Мы говорим «скорее выше», ибо является несомненным то, что так называемого необходимого рабочего времени у крепостного или закабаленного крестьянина неизмеримо больше, чем необходимого рабочего времени у скотовода-кочевника; ибо, чем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя, тем больше должен быть избыток его трудовой энергии, идущей на ту или другую, форму интеллектуального совершенствования по пути борьбы за лучшую жизнь; к сожалению, номад находил ее до сих пор только в небесах.

---

1) Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует с непререкаемостью точного математического вывода сопоставление следующих четырех цифр: например, Кир. АССР, тратя — как мы выше указывали — на дело нар. обр. 33 коп. на душу своего населения, оказывается, расходует 42,8% всего своего госбюджета. А весь СССР в целом (значит, включая и Кир. АССР) тратит по нар. обр. 82 коп. на душу населения. Но эта относительно очень крупная цифра составляет лишь только 24,9%. общесоюзного госбюджета. Отсюда конкретный вывод: общесоюзный госбюджет почти в $4^1/_2$ раза благоприятнее общекиргизского. Цифра, которая может порадовать любого меньшевика, полагающего, что киргизу социализма не видать, как своих ушей.

2) К. Каутский в своем «Размножение и развитие в природе и в обществе» утверждает категорически, что «наибольшего развития в борьбе за существование достигает интеллект народных масс в эпоху номадной жизни на суше и на море». (Госизд., 1919 г., стр. 93).

3) Правильность этого в конечном итоге чисто теоретического положения подтверждается с полной несомненностью фактами эмпирического порядка. Так по единодушному свидетельству просвещенных и компетентных наблюдателей, — ученых этнографов, педагогов, врачей, миссионеров, — дети кочевников недюжинно преуспевают в науках и особенно в отвлеченных науках: математика, общая теория естествознания, политическая экономия и т. п. обычно их любимые предметы. Вообще наличие общего интереса самых широких слоев скотоводческого населения к науке и знанию ныне общеизвестно. Этот интерес настолько силен, что даже, например, введение впервые воинской повинности это население встречает с огромным и неподдельным энтузиазмом, видя в этой повинности один из путей к культуре и знанию.

VIII.

В заключение и резюмируя изложенное выше, мы приходим к следующим общим выводам:

1. Победоносная пролетарская революция в России, установившая диктатуру пролетариата, целый ряд народов бывшей Российской империи, находившихся на различных ступенях докапиталистической культуры, поставила пред исторической необходимостью: притти «к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития».

2. Разрешение этой своеобразной исторической проблемы мыслимо только путями «культурной революции»,—путем поднятия на небывалую высоту культурного уровня народных масс вообще, в частности,—поднятия в первую голову сознания прогрессивных элементов этих масс—батраков—до уровня сознания революционного социалистически мыслящего пролетариата.

3. Но неоспоримые статистические данные о современном состоянии народного образования и существующая система первоначального школьного образования у культурно-отсталых народов СССР вопиют о том, что до сих пор не принято сколько-нибудь серьезных мер по пути указанной «культурной революции» и что это не может продолжаться дальше.

4. Дело—за финансами и в конечном итоге—за общесоюзным бюджетом, который, воспользовавшись небывалым урожаем нынешнего года, может и должен с ближайшего своего квартала открыть эпоху действительной «культурной революции» среди отсталых народов СССР.

«Надо»,—говорил великий учитель нашей эпохи и народов еще в 1923 г. [1]), — «чтобы при ближайшем просмотре нашего квартального бюджета мы взялись за дело практически... Не надо скаредничать с увеличением выдачи хлеба учителям в такой год, как нынешний...»

---

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., т. ХУIII, ч. 2, стр. 105—106.

Н. Манойлов.

К вопросу о здоровье партактива.

(Данные обследования одесской организации).

Ряд статей, посвященных в последнее время вопросу о заболеваемости партактива указывает, что партия к вопросу борьбы с выбыванием из ее рядов членов партии относится с глубоким вниманием и серьезностью. Вопрос этот еще более расширяется тем, что, с точки зрения населения нашей республики, в партию вошла вся наиболее передовая часть рабочего класса, все наиболее сознательное, наиболее ценное в наших рядах. И как для партии, так и для всего рабочего класса далеко не безразлично, кто и как скоро выпадет из активной работы, кто даст новое поколение, каково оно будет, какая ждет нас смена. Нужно считать твердо установленным научным фактом, что та или другая группа населения передает по наследству потомству свои способности и дарования. Разработанных статистических данных о рождаемости среди членов партии нет, приходится поэтому ссылаться для освещения вопроса на другие статистические данные. Общие выводы по этому вопросу, сделанные проф. Кольцовым, мало утешительны. По статистическим данным, приведенным для Гессена проф. Грубером видно, как резко уменьшается деторождаемость в зависимости от профессии. Для 1912 года Ленц дал следующее число детей на семью:

у высших чиновников, лиц свободной профессии	2,0
„ служащих с техническим и коммерческим образованием	2,5
„ низших служащих с профессиональной подготовкой	2,9
„ фабричных рабочих	4,1
„ сельско-хоз. рабочих и поденщиков	5,2

Коммунар имеет не одну профессию и не может быть строго отнесен ни к одной из указанных выше групп, так как он всегда, кроме основной работы на предприятиии, выполняет напряженную общественную работу. В своем лице он об'единяет и работника физического труда и умственного. Для сохранения какой-нибудь группы населения, по Груберу, необходимо иметь на семью 3,75 рождаемости или 3,1 для выживших детей к 15 годам. Мы видим, как резко падает рождаемость в зависимости от профессии. Переход крестьянина в число фабричных рабочих уже резко сказывается на рождаемости, а этот переход наиболее одаренных людей из крестьянства в города в ряды фабричных рабочих, а оттуда наиболее ценных в ряды нашей партии происходит беспрерывно и все ускоряющимся темпом. Половая анкета, проведенная среди слушателей Свердловского университета, а также личные наблюдения показывают, что с сохранением этой группы населения, наиболее ценной для ра-

бочего государства, дело обстоит далеко не благополучно. Кроме этого зла, зла еще недостаточно осознанного, но имеющего чрезвычайно важное значение, остаться без хорошей смены, нам грозит еще большая опасность, ибо всевозможные болезненные формы, главным образом туберкулез и нервное переутомление, резко уменьшают рождаемость. Непомерная перегруженность в работе, разнообразие выполняемой работы, неумение использовать отпуск, хроническое переутомление, плохие условия труда (накуренные комнаты, теснота в них) и что нам еще кажется необходимым подчеркнуть, это—небрежное отношение к лечению подчас серьезного заболевания, эту опасность еще больше обостряют.

Заболеваемость среди партийцев значительно превышает таковую у беспартийных рабочих. Широкое распространение болезней еще больше подкашивает возможность вообще иметь детей или детей здоровых. Д-р Зейдман в работе «Хронические туберкулезные интоксикации» показала, что приблизительно 80% детей больных туберкулезом, происходили от наследственно отягощенных семейств. Главный бич личного состава партии это—туберкулез и нервные заболевания, а также связанные с ними явления: расстройство питания, болезни сердца и все это на фоне хронического переутомления.

Более частая заболеваемость туберкулезом особенно замечается начиная с 20-летнего возраста и в общем об'ясняется пред'явлением к ним более повышенных требований. Такими факторами, говорит Клемперер, являются упадок питания, горе и заботы, умственное и физическое переутомление, алкоголизм и сифилис.

Кроме напряженной работы, отвлекающей от лечения, огромный процент заболевших туберкулезом партийцев, проявляет специфические особенности туберкулезной интоксикации—приятное возбужденное настроение. Туберкулезный больной редко сознает опасность своей болезни. В остальных случаях партиец, неся непомерное количество нагрузок (иногда до 10 и даже до 15 обязанностей), не имеет возможности после подчас тяжелой физической работы поесть, и хотя бы один час отдохнуть, бросается в кипучий водоворот общественной жизни предприятия, подстегиваемый усталыми нервными клетками, усталость которых выражается в перевозбуждаемости, забывая о своей болезни,—ему некогда лечиться. Тем же грехом страдают и пионерские и комсомольские организации, где наблюдается та же непомерная нагруженность. Уже у среднего рядового партийца, нет почти личной жизни, кроме общественной. Неврастения, травматический невроз, явления обычные для членов партии. Вследствие своей большой нагруженности, он и болеет в значительно большем проценте, чем рядовой рабочий, имея тот же заработок, как и его беспартийный товарищ. Интересна смертность от туберкулеза, в зависимости от получаемого жалованья. По старой гамбургской статистике, смертность от туберкулеза на 10.000 жителей в семьях с заработком:

от 900 до 1.200 марок	65,7
с доходом от 1.200 до 2.000 марок	55,9
„ „ „ 2.000 „ 3.500 „	36,3
„ „ „ 3.500 „ 5.000 „	22,8
„ „ „ 5.000 „ 10.000 „	18,3
„ „ „ 10.000 „ 25.000 „	17,2

Чтобы не показаться голословным в своем утверждении, что коммунар болеет в большем проценте, чем рядовой рабочий, нами приводятся цифры, полученные в результате обследования в 1924 г. в одесском батальоне части особого назначения (ЧОН) коммунаров, прошедших через медицинскую комиссию, а также данные Ремонтной Комиссии за тот же год, любезно предоставленные мне т.т. работающими в Оргинстре Одесского Губкома. Эти цифры я сравню с материалами, полученными д-ром Левантином, по обследованию рабочих, работающих в одесских предприятиях. Спешу оговориться, что эти цифры не совсем сравнимы. Д-р Левантин, отмечал даже легкие случаи заболевания, тогда как, по положению, подлежащие освобождению по болезни из ЧОН'а, а только последние и отмечены в моей статистике, представляют больных серьезными заболеваниями. Для иллюстрации укажу, что только активный туберкулез с упадком питания освобождал из ЧОН'а, такие же требования пред'являлись к болезням сердца, нервной системы и проч. Так что приводимые цифры заболеваемости являются преуменьшенными. Необходимо отметить еще также факт, когда товарищи упорно утверждали, что они здоровы и при осмотре оказывались опасно больными; а таких неуловленных больных, я считаю, имеется достаточный процент. Поэтому, чрезвычайно сомнительными являются данные анкет, в которых член партии отмечает сам свою болезнь. Необходим поголовный осмотр.

Статистические данные о заболеваемости среди партактива, полученные Ремонтной Комиссией, этим недостатком не страдают, так как каждый подвергался всестороннему обследованию.

Надо подчеркнуть один чрезвычайно отрадный факт, что венерические заболевания, представляются по моим наблюдениям, буквально, единичными. Об'ясняется это тем, что, как известно, при напряженной умственной работе, резко падает и половое влечение. (Перн, Репрев и др.), т. к. внутренняя секреция половых желез идет на поддержку работы мозга и мышц. Это может быть иллюстрировано следующей сводной таблицей проф. Кольцова о рождаемости, на каждый брак, у группы лиц, живущих интенсивной умственной работой.

Для 450 знаменитых французов (Бертильон)	1,3
„ 1000 браков американских ученых (Кетль)	1,5
„ английской интеллигенции	1,5
„ немецких ученых (Муни)	1,8
„ ленинград. ученых, зарегистрир. в ЦКУБУ (Филипченко)	1,78

Перейду теперь к данным о заболеваемости среди коммунаров одесской организации. Обследование состояния здоровья 147 человек (145 мужчин и 2 женщины) ответственных работников одесской организации дало следующие результаты (обследование 8—12 мая 1924 г.): больных 142 чел., здоровых 5, т.-е. больных 96,6%, здоровых 3,4%.

Больных одной болезнью	65	челов.	45,8 проц.
„ 2-мя „	56	„	39,4 „
„ 3-мя „	16	„	11,3 „
„ 4-мя „	5	„	3,5 „

По болезням они распределяются:

Туберкулез 62 челов.	44 проц.
Болезни сердца 24 челов.	16,9 "
Эмфизема 2 челов.	1,4 "
Горла и уха 3 челов.	2,1 "
Катарр носа 2 челов.	1,4 "
Артериосклероз 5 челов.	3,5 "
Заболование плевры 4 челов.	2,8 "
Малокровие 11 челов.	7,7 "
Колиты (запоры) 15 челов.	10,6 "
Желудочн. заболеван. 7 челов.	4,6 "
Истеро-неврастения 3 челов.	2,1 "
Заболев. перифер. нерв. сист. 3 челов	2,1 "
Травматический невроз 2 челов.	1,4 "
Неврастения 78 челов.	55 "
Эпилепсия 1 челов.	0,7 "
Заболеваемость костей 6 челов.	4,2 "
Сифилис нервной системы 1 челов.	0 7 "
Спинная сухотка 1 челов.	0,7 "
Женские болезни 2 челов.	100,0 "

Если мы всмотримся в эту таблицу, то нас поражает огромный процент заболеваемости туберкулезом—44% и болезнями нервной системы: неврастения—55%, травматический невроз—1,4%, истеро-неврастения—2,1%, перифер. нервн. система—2,1%, эпилепсия—0,7%,—всего 61,3%. К болезням, связанным непосредственно с состоянием нервной системы надо отнести колиты—10,6%, желудочные заболевания—4,6%,—всего 15,2%. Таким образом, болезни нервной системы и связанные с нею составляют 76,5% всех болезней. Таким образом, от перенагрузки нервной системы и вытекает главная, доминирующая картина заболеваний. В эту группу входит заболеваемость среди старых ответственных членов партии, находящихся на руководящей работе. Другая группа коммунаров, прошедшая через медицинскую комиссию, представленная в количестве 3.870 человек, по роду заболеваемости распадается:

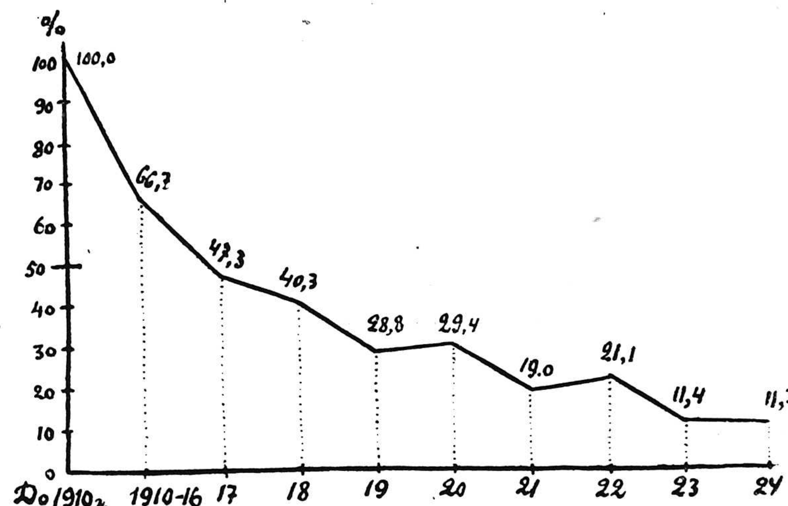
Туберкулез	35,4 проц.
Болезни сердца	20,2 "
Заболеваемость органов брюшн. полости	5,4 "
Расстройство питания	5,7 "
Увечье	15,8 "
Травматический невроз	4,8 "
Эпилепсия	1,2 "
Заболевание периф. нервн. системы	2,7 "

Опускаем таблицы заболеваемости среди рабочих и коммунаров в более расширенном виде. Используем данные д-ра Левантина, обследовавшего 5570 рабочих одесских предприятий. Для удобства сравнения составим таблицу, где сверху обозначена заболеваемость рабочих, а снизу—коммунаров:

	Туберкулез	Болезни сердца	Болезни брюш. пол.	Общие расстройст. пит.	Увечье.
Рабочие	10,4%	10,4%	5,3%	22,2%	10,1%
Коммунары	35,4%	20,2%	5,4%	5,7%	15,8%

Из этой таблицы видно, что процент заболеваемости среди коммунаров значительно превосходит таковой у рабочих. 3/4 всех увечий коммунаров—последствия фронтовых ранений. Еще раз напомним, что эти цифры заболеваемости для коммунаров являются преуменьшенными.

Очень интересная кривая получается, если мы разобьем коммунаров по партстажу. На горизонтали отложены года вступления в партию, а на вертикали—% заболеваемости.



Среди поступивших в партию до 1910 г. 100% заболеваемости. Далее, мы видим, как кривая падает вниз, доходя к поступлению в партию в 1924 г. до 11,3%.

Из приведенных мною данных видно, что % заболеваемости среди членов партии сравнительно с рабочими очень высок, и чем больше партстаж, тем процент выше. Главные заболевания это нервные и туберкулез. Если нервное заболевание является моментом уменьшающим работоспособность партийца и дающим предрасполагающие моменты нервным заболеваниям у детей, то туберкулез является более грозным злом.

К началу XX столетия 15% всех смертей было от туберкулеза. По статистике Негели и Бурхардта заболеваемость в последние годы равна 93% у всех вскрытых трупов. После 30 лет на вскрытии почти нет человека, кто бы не был заражен туберкулезом. Меньший процент болеет клинической формой и еще меньший умирает. Но по всем данным у коммунаров туберкулезный процесс протекает в значительно более тяжелой форме, чем у рядового рабочего. Клиническая картина более резко выражена и болезнь носит более злокачественный характер. Все нарушения гигиены отражаются очень ярко на заболеваемости коммунара, подготовляя почву для большей ранимости организма. Большое значение имеет также относитель-

ная необеспеченность членов партии. Из своего жалованья он должен произвести отчисление в ячейку, профсоюз, выделить средства для удовлетворения своих культурных нужд: покупка книг, клуб, театр, кино и т. п. Эти деньги он отрывает от своего питания и одежды. Разность в получаемом содержании влияет как фактор, повышающий заболеваемость (Клемперер).

В заключение я еще раз хочу остановиться на затронутом в начале статьи вопросе. Болезнь партийца не только его болезнь, но и болезнь его потомства. Опасность угрожает, в смысле исчезновения из актива Рабоче-Крестьянской Республики детей тех, кто по законам наследственности должен передать свои качества революционного бойца. Проф. Кольцов пишет:

«Нельзя безнаказанно вычерпывать наиболее культурные наследственные задатки из населения... Политические деятели и политические партии должны проникнуться тем убеждением, что, если они желают строить прочно, а не только для одного или двух ближайших поколений, то они должны заботиться о том, чтобы и в последующих поколениях те генотипные элементы, которые им представляются наиболее ценными, были представлены достаточно полно. Соответствующая расценка групп населения может быть произведена только политическими партиями и государственной властью».

Выводы.

1) Партийцы одесской организации болеют в значительно большем проценте, чем рабочие на тех же предприятиях.

2) Болезненные формы, наиболее часто встречаемые—туберкулез и болезни нервной системы и связанные с последними заболевания.

3) Партиец перегружен работой, не лечится своевременно.

4) Эта болезненность угрожает здоровью детей членов партии.

5) Необходимо взяться за изучение вопроса о рождаемости и о состоянии здоровья детей партийцев.

6) Назрела острая нужда подвергнуть поголовному медицинскому осмотру членов партии, не доверяясь анкетному опросу.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. БУХАРИН. Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол. (Ответ К. Каутскому). Изд. газ. «Правда», 1925 г., стр. 105.

Новая работа т. Бухарина подвергает уничтожающей критике «принципиальную» позицию бывшего теоретика марксизма и бывшего революционера, Каутского. Эта работа не простой «ответ Каутскому», как указывает в подзаголовке автор. Почтенный вождь II Интернационала только утрется после такого ответа: его социал-демократическую шкуру не пробьешь никакими аргументами. Он найдет тысячу и одну оговорку, сотню писем и «достоверных источников», которые покажут ему, что права его социал-демократическая мудрость. Поэтому не для него говорит т. Бухарин. Работа его «предназначена в первую очередь для тех иностранных пролетариев, которые еще не нашли в себе решимости порвать с такими вождями, как Каутский. Но, касаясь ряда основных вопросов нашей текущей жизни и давая им общетеоретическое освещение она может оказаться (и действительно оказывается. *К. М.*) небесполезной и для широких кругов рабочих нашего Союза» (стр. 5). Этим последним она покажет «всю глубину падения теоретического вождя II Интернационала». А сверх того даст ряд ответов на волнующие их вопросы.

Бухарин шаг за шагом преследует Каутского и не только опровергает все его измышления—этого мало!—он буквально уничтожает его, не давая бедному немощному старцу «ни отдыха, ни срока». Бухарин показывает, что позиция Каутского, как она выразилась в брошюре «Интернационал и Советская Россия», лжива с начала до конца. Лжива тогда, когда Каутский, позабывая элементарную необходимость классовой оценки каждого государства (Советского Союза в том числе) приравнивает нас абсолютизму Романовых. С его, Каутского, точки зрения разница лишь в том, что «новые деспоты были когда-то нашими товарищами» (стр. 16). «Апологетическое фокусничество Каутского (здесь) столь неловко, столь грубо, столь неумно, что даже г. Федор Дан, вершитель судеб меньшевистской партии, должен был ополчиться на (этот) тезис» (стр. 18).

Лжива позиция Каутского и тогда, когда он вопиет о непрекращающемся и даже все растущем терроре и о постоянных восстаниях против советской власти. «Всякий, знакомый с фактами,... знает, что теперь говорить о «восстаниях» может только человек, не имеющий никакого соприкосновения с реальной жизнью нашей страны. Никогда пролетариат не имел такого доверия к нашей партии, как сейчас. Никогда крестьянство в своей массе не было так «советски» настроено, как в настоящее время. Никогда советская власть не была так внутренне прочна, как в данный момент. И никогда не было так мало репрессивных воздействий, как в текущий период нашей жизни» (стр. 31—32). И совершенно ясно и недвусмысленно показывает тов. Бухарин, насколько блещет Каутский отсутствием элементарного марксистского смысла и чутья, когда он противопоставляет партию пролетариату и пролетариат партии. «Факты говорят, что это (партийное. *К. М.*) влияние все растет (стр. 40). 250.000 ленинского призыва, 1.500.000 комсомольцев, столько же пионеров, 6 миллионов членов профсоюзов, полтораста тысяч рабселькоров и т. д., и т. д.—«строят они новое общество, шаг за шагом вытесняя старые формы: в политике, в экономике, в культуре, в быту» (стр. 43). «Но что знает об этом Карл Каутский, ренегат социализма?»..;

С «крахом коммунизма» дело обстоит также не по Каутскому. «Неверно, что мы ушли и уходим все дальше от социализма (как это утверждает Каутский. *К. М.*). Верно как раз противоположное утверждение» (62). Притом все это у т. Бухарина не является одними голыми рассуждениями, а подтверждено анализом (не Каутскианским, а доподлинным) многочисленных цифр (стр. 64—72). Крах-то действительно происходит, но не с коммунизмом, а с г. Каутским.

Несчастье преследует его до конца. Если читаешь брошюру Каутского, то может сперва показаться, что он отнюдь не проповедует вооруженной интервенции, что он, правда, критикует советский режим, даже побуждает капиталистов к установлению с нами торговых связей. Однако, острый анализ Бухарина показывает, что дело обстоит как раз наоборот. Карл Каутский находится на службе иностранных капиталистов и внутренней контр-революции (гл. гл. IX и X).

Если у него и попадаются изредка мысли, могущие, правда, с громадной натяжкой!—быть истолкованными в нашу пользу, то все это только слова, только средство подделаться под господствующее настроение масс. На деле же «Каутский говорит международной буржуазии: «Воспользуйтесь китайской революцией и втяните Россию в войну. А тогда мы, социал-демократы, ударим изнутри» (стр. 90. Курсив Бухарина). Именно об этом говорит он, в миллионный раз пережевывая скучный миф о нашем поджигательстве на Востоке, рассказывая сказки о нашей слабости и т. д., и т. п. Вполне прав поэтому Бухарин, когда он подчеркивает: «Пора, наконец, перестать, хотя бы условно, рассматривать социал-демократических вождей, как революционеров. Ибо перед нами законченные типы мещанских контр-революционеров, охранителей существующего строя» (стр. 87. Курсив автора). Как небо от земли далек революционный марксизм от «филистерско-бутербродно-постельной позиции» Каутского.

Брошюра «Интернационал и Советская Россия», все положения и выводы которой Бухарин разбил в пух и прах, интересна и важна для нас не только потому, что она сигнализирует какое-то движение социал-демократической воды и готовящуюся интервенцию, она важна еще тем, что показывает, до каких абсолютно немарксистских и контр-революционных выводов докатываются те, кто забывает некоторые элементарные, казалось бы, истины. «Диктатура партии над пролетариатом», неизбежный рост противоречий между социалистической промышленностью и мелкотоварным хозяйством крестьянина и пр.—все это «аргументы» г. Каутского, все это неот'емлемо входит в его теоретический арсенал, арсенал махрового контр-революционера. Мы не ведем сейчас дискуссий, партия целиком едина, но партийный молодняк должен на этом наглядном примере поучиться, до чего может довести забвение основных положений марксизма и искажение советско-партийной действительности. С тем большим интересом читается поэтому IV глава брошюры Бухарина «Пролетариат, государство, партия». Здесь читатель находит не только ссылку на фактическое состояние (рост партийной общественности, что было упомянуто выше), но и теоретическую аргументацию.

С точки зрения теоретической неослабное внимание и интерес возбуждает в особенности глава VIII, говорящая о «процессе социалистического строительства в целом и его противоречиях». Здесь в краткой, но блестящей по ясности формулировок форме обрисован общий процесс развития нашего Союза к социализму. При этом Бухарин отнюдь не забывает, а напротив, подчеркивает неизбежную противоречивость этого развития. Вероятно, Каутиский, прочитав брошюру Бухарина, начнет вопить, что раз мы сами признаем колоссальные трудности и противоречия, существующие даже внутри пролетариата, то дело советской власти совсем каюк. Не будем ли мы тогда облагодетельствованы еще одним ученейшим исследованием? Однако, «пролетарская диктатура есть условие для эволюционного преодоления всех этих противоречий. Противоречия капиталистического общества постоянно воспроизводятся на расширенной основе, пока это общество не лопается в треске и грохоте революционного пожара. Противоречия нашего общества, общества пролетарской диктатуры, воспроизводятся на суживающейся основе и в конечном счете погаснут в системе «всестороннего коммунизма». Тот, кто из наличия этих противоречий делает вывод о «крахе коммунизма»—жалкий трус, с кочаном капусты вместо головы. Таковы меньшевики вместе с Каутским» (стр. 86. Курсив автора).

Брошюра т. Бухарина не нуждается ни в наших рекомендациях, тем более похвалах. Своим фактическим материалом, сведенным воедино, она уничтожает Каутского так же, как и теоретическим анализом его лживой, немарксистской позиции, и страстным языком настоящего революционера, не нуждающегося в лайковых перчатках филистера.

Можно было бы указать на некоторые, чисто словесные недочеты имеющиеся в брошюре. Тов. Бухарин говорит, например, «мы еще не слыхали, чтобы понятие класса строилось на рассуждениях» о грубости взамен «ясных и об'ективных социально-экономических критериев» (стр. 21). Тут упускается из виду теория господства-подчинения того самого Богданова, о котором т. Бухарин упоминает страницей ниже (22).

Но в общем контексте эти недочеты, конечно, не имеют существенного значения и легко поправимы.

К. Милонов.

А. М. ГИНЗБУРГ. Экономия промышленности. Ч. I. Москва, 1925 г. Госиздат, стр. VIII+328.

Экономия промышленности, как и экономия сельского хозяйства, торговли и др., принадлежит к, так называемым, прикладным и сравнительно молодым экономическим дисциплинам. По об'екту изучения буржуазные экономии отдельных отраслей, несмотря на весьма различное толкование экономистами предмета и метода этих наук, представляют лишь научное выражение деловой практики буржуа в различных областях хозяйства.

Но совершенно иное значение приобрела конкретная экономия в условиях строительства пролетариатом собственного хозяйства.

Обширный материал, «который накопляется жизнью ежедневно, ежечасно», и потребности расширяющегося строительства хозяйства, ставят перед марксистской экономической теорией задачу изучения частных явлений хозяйственной жизни, в том числе—специфических явлений промышленности.

«Экономия промышленности» А. М. Гинзбурга потому имеет интерес, что написана она марксистом и «представляет собой попытку дать систематическое изложение экономии промышленности, какой она должна быть в качестве научной дисциплины» (стр. VII. Курсив наш. *Н. С.*).

Как решил эту задачу Гинзбург? В этих целях рассмотрим прежде всего его общее суждение об экономии промышленности и об ее взаимоотношениях с другими экономическими науками.

«Экономия промышленности,—говорит тов. Гинзбург,—изучает свой предмет на базе общих законов, установленных политической экономией, и в этом смысле есть часть и продолжение политической экономии» (стр. 4), или, иными словами, она «в своей теоретической основе является частью и продолжением политической экономии» (стр. VII. Курсив наш. *Н. С.*).

Рассматривая, таким образом, законы политической экономии в качестве общих методологических предпосылок экономии промышленности, тов. Гинзбург устанавливает между этими науками, примерно, такое же соотношение, какое существует между историческим материализмом и политической экономией. Но почему в таком случае экономия промышленности является «частью и продолжением политической экономии»? Содержание анализа известного ряда экономических явлений, составляющих логическое целое, превращает экономию промышленности в самостоятельную научную дисциплину. И общая методологическая связь с политической экономией еще не дает нам право и возможность экономию промышленности рассматривать как часть политической экономии. Формулировка взаимоотношений экономии промышленности и политической экономии, даваемая тов. Гинзбургом, безусловно, неверна, но не является у него случайной, а лишь неизбежным результатом неверной постановки вопроса вообще.

Какого рода явлениями экономического порядка занимается экономия промышленности? А. Гинзбург по этому поводу говорит следующее: «Экономические явления можно изучать двояко: в специальной связи с отдельной отраслью народного хозяйства и в общей связи со всей народно-хозяйственной деятельностью в целом. Иными словами, есть общие законы экономической деятельности, проявляющиеся во всех отраслях народного хозяйства, и есть специальные законы, находящие свое применение только в одной какой-либо отрасли народного хозяйства. Изучением первых занимается политическая экономия, изучением вторых—экономия промышленности сельского хозяйства, торговли, транспорта» (стр. 2. Курсив наш. *Н. С.*).

Для того, чтобы вскрыть истинное содержание приведенных выше рассуждений, на первый взгляд как-будто бесспорных, необходимо выяснить, что же понимает тов. Гинзбург под специальными законами данной отрасли. Если взять две отрасли хозяйства, то различие между ними,—пишет он,—«прежде всего технико-производственного характера. Но различная организация трудового процесса вызывает крупные различия социального порядка» (стр. 3).

Но, приближаясь в известной степени, к определению круга проблем, подлежащих изучению экономии промышленности, тов. Гинзбург совершенно неожиданно и в полном противоречии со сказанным ранее, пишет что экономия промышленности должна, прежде всего, интересоваться вопросом: «как зарождаются, развиваются и исчезают капиталистические отношения в промышленности» (стр. 3. Курсив наш. *Н. С.*).

Но ведь зарождение, развитие и исчезновение капиталистических отношений в промышленности составляют как раз содержание категорий политической экономии, т.-е., выражаясь попросту, суть общие законы капиталистического хозяйства и ни в какой мере не могут быть специальными законами или специфическими особенностями одной только промышленности. Подметив, таким образом, специальные законы общими, тов. Гинзбург тем самым, с одной стороны, потерял об'ект изучения экономии промышленности и, следовательно, пришел к отрицанию самой науки. А, с другой стороны, это же обстоятельство неизбежно привело его к утверждению экономии промышленности как части и продолжения политической экономии, поскольку она благодаря этому должна заниматься повторением некоторых положений политической экономии.

Рассмотрим другой ряд рассуждений тов. Гинзбурга в его поисках экономии промышленности, как самостоятельной науки. «Политическая экономия,—говорит он,—абстрактная наука». «Ее преобладающий метод—чистая дедукция» (стр. 5), в то время, как «экономия промышленности—конкретная, описательная, прикладная наука» (стр. 6. Курсив наш. *Н. С.*). Но напрасно мы стали бы искать хоть сколько-нибудь выдержанного применения тов. Гинзбургом этого взгляда на экономию промышленности, как науку конкретную, описательную и т. д. Уже на следующей странице он отрицает сказанное им ранее: «Метод экономии промышленности,—пишет он,—тот же (!), что и метод политической экономии,—координированная дедукция и индукция» (стр. 7). Опровергая на каждой последующей странице сказанное им прежде, тов. Гинзбург, как мы видим, не имеет собственного определения ни предмета, ни метода экономии промышленности.

Чувствуя этот «недостаток» своих определений, тов. Гинзбург дает такого рода «пояснение» своего собственного «метода». «Для теоретического анализа основной сущности капиталистического строя,—говорит он,—примененный Марксом метод был очень хорош (!) Но для познания той реальной жизненной обстановки, которая нас окружает и среди которой мы ведем повседневную борьбу, этого метода недостаточно» (! Стр. 5. Курсив наш. *Н. С.*). Нужно иметь большую смелость, чтобы после столь легковесных, сколь и недостаточно грамотных и противоречивых суждений о методе экономии промышленности, заявлять о недостаточности марксова метода. Но тов. Гинзбург не ограничивается этим, по его мнению, при об'яснении текущей действительности нам необходимо «беспрерывно перетряхивать теорию» (! Стр. 6. Курсив наш. *Н. С.*). Тов. Гинзбург большой шутник! Жаль только, что подобной «легкости в мыслях», соответствуют и «теоретические» построения т. Гинзбурга.

Впрочем в этом и, к сожалению, только в этом вопросе тов. Гинзбург последователен: «перетряхивание» теории он совершает на самом деле.

Такого рода «перетряхивание» производит тов. Гинзбург в первую голову над самой политической экономией. Политическая экономия, пишет А. Гинзбург, «дает нам общую теорию капиталистического (или (вы только обратите внимание на это «или» ! *Н. С.*) вообще экономического) порядка», что «она стремится «обозреть всю панораму исторической борьбы человека за существование» (стр. 5. Курсив наш. *Н. С.*).

Среди марксистов существуют две точки зрения на предмет и метод политической экономии. И мы были свидетелями в прошлом году ожесточенных боев между сторонниками этих различных точек зрения, но мы, и это мы должны признать с полной откровенностью, встречаем впервые такого экономиста, который совместил в себе эти, взаимно друг друга исключающие, точки зрения.

Что же касается зачисления политической экономии в разряд теории «вообще экономического порядка», то нужно признать, что такой взгляд вне пределов марксизма, но совершенно в духе пустейших абстракций à la П. Маслов [1]).

К сожалению, здесь невозможно достаточно крепкими словами назвать это обильное совмещение в одном «умственном аппарате» трех, столь разных точек зрения на политическую экономию, как науку!

Мы вполне соглашаемся с тов. Гинзбургом, что «задача образованного экономиста—отдавать себе ясный отчет» в экономических вопросах и «быстро ориентироваться во взаимной связи отдельных дисциплин» (стр. 8). Однако, этими качествами, как мы видели, тов Гинзбург не отличается.

Не лучше обстоит дело и с «классификацией» экономических дисциплин. «Экономия промышленности,—говорит тов. Гинзбург,—и теоретическая экономия входят в состав науки об общественном хозяйстве (!). Последняя включает в себе еще ряд других дисциплин: экономическую географию, экономическую политику, экономическую историю, науку о финансах, экономию сельского хозяйства, торговли, транспорта и т. д.». (Стр. 7. Курсв наш. *Н. С.*): То обстоятельство, что экономия промышленности составляет часть «единой экономической науки об общественном хозяйстве»—выражение, которое тов. Гинзбург совершенно некритически взял из обычного словоупотребления—ничего не говорит нам о взаимной связи экономии промышленности с другими экономическими науками. Здесь только вкратце укажем, что экономия промышленности в качестве самостоятельной научной дисциплины не должна быть механическим собранием отдельных глав других экономических наук; она должна в необходимой мере использовать данные других наук, систематизируя свой научный материал для своих целей в одно логическое целое. Поэтому экономия промышленности не должна как правило заниматься простым изложением некоторых основных положений политической экономии, а формулировать конкретные закономерные связи между элементами промышленности; тогда действительно, как правильно указал тов. Гинзбург, но не выполнил, «абстрактные законы политической экономии загорятся перед нами тысячью разноцветных эмпирических законов, сотканных экономией отдельных отраслей» (стр. 6).

Не должна экономия промышленности также специально заниматься историей хозяйства данной страны (глава VI—X), политикой промышленности, что мы находим в книге Гинзбурга.

Общие рассуждения А. Гинзбурга показали нам, таким образом, что он не сумел найти тех проблем и того метода, которые разграничили бы экономию промышленности от других экономических наук. И причиной этого является просто на просто незнакомство автора книги с основными вопросами методологии политической экономии.

И это-то отсутствие единой точки зрения на экономию промышленности как на науку, заставляет тов. Гинзбурга плыть по широкому форватеру разного рода экономических явлений, давать разного рода сведения, которые сами по себе могут быть полезны, но в которых мы не найдем внутреннего логического единства и стройности.

В экономии промышленности А. Гинзбург устанавливает четыре раздела: 1) промышленность и место ее в системе народного хозяйства, 2) организационные формы промышленности, 3) работы промышленного предприятия и 4) взаимоотношения отдельных отраслей промышленности. Первые два раздела составляют содержание настоящей книги.

Во втором разделе (стр. 60—321)—организационные формы промышленности—рассматривается группа явлений, весьма неоднородная по своему экономическому содержанию. Организационная точка зрения тов. Гинзбурга имеет формально-юридический характер, благодаря чему, с одной стороны, затушевывается различная экономическая природа рассматриваемых явлений, а, с другой—устраняются из анализа явления, имеющие весьма существенное значение для марксистской экономии промышленности. Из постановки вопросов, даваемой т. Гинзбургом, например, не вытекает органически разная сущность капиталистической и советской промышленности. Плановое начало советской промышленности—одно из основных ее особенностей—принадлежит к качественно отличному разряду явлений, чем процессы концентрации и централизации и организационная сторона разного рода промышленных об'единений; но мы напрасно искали бы анализа планового начала у т. Гинзбурга,—он у него блистательно отсутствует.

Между тем анализ планового начала промышленности совершенно новая задача, для буржуазной науки в данной связи не существующая, но которая составляет специфическую особенность марксистской экономии промышленности.

Экономия промышленности в качестве научной дисциплины, и притом прикладной, должна быть наукой о законах экономически целесообразной расстановки людей и материальных элементов как в отдельном предприятии и заведении, так и во всей промышленности в целом. Существуют известные закономерные связи между элементами производства и отдельными частями промышленности, обусловливающие наибольший экономический эффект. Формулировкой этих закономерных связей и должна заниматься экономия промышленности.

А. Гинзбург сделал попытку подойти к уяснению некоторого единого принципа классификации экономических явлений, подлежащих изучению экономии промышленности. Однако, постановка самого вопроса чрезвычайно неудачна и, к счастью, не нашла применения в его экономии промышленности.

Рассматривая динамику экономического развития, А. Гинзбург устанавливает «основной закон», определяющий хозяйственную деятельность человека. «Каков этот закон?»—спрашивает тов. Гинзбург. «Это,—говорит он,—принцип (заметьте! *Н. С.*) сохранения энергии, принцип экономии труда. Каковы бы ни были формы хозяйства, каково бы ни было состояние производительных сил и производственных отношений, человек всегда и везде должен обеспечить получение максимальных результатов при минимальных затратах, т. е. наиболее полное удовлетворение потребностей при наименьших затратах труда. Это абстрактный принцип, одинаково приложимый ко всем эпохам и ко всем ступеням экономического развития, получает различную конкретную формулировку в применении к разным эпохам и разным способам организации производственных отношений...» В капиталистическом обществе, с точки зрения господствующего класса, наиболее экономным будет тот труд, который при наименьших издержках производства даст наибольшую прибавочную стоимость» (стр. 71).

Совершенно бесспорно, что в результате исторического развития производительных сил меньшая затрата труда дает больше материальных благ, но этот результат нельзя возводить в самый закон, определяющий хозяйственную деятельность человека, т. е. нельзя производительные силы заменять результатами их развития. Универсальный прин-

[1]) См., например, его «Проблемы продукции». Изд. «Книга», 1923 г. «Мировая социальная проблема». Чита, 1921 г. и др.

цип экономии труда А. Гинзбурга стихийность исторической жизни превращает в планомерный процесс; рационализируя его, он тем самым дает телеологическую постановку этого вопроса. Историческая экономическая деятельность человека гораздо сложнее и самое развитие производительных сил часто совершенно устраняет «принцип экономии труда». Социально-экономическая организация капиталистического хозяйства, в особенности на его монополистической стадии развития, приводит к совершенно обратным результатам. В эпоху империалистических войн и революций происходит огромная растрата общественного труда и поэтому чудовищным является утверждение, что экономическая деятельность человека определяется абстрактным, абсолютным принципом экономии труда.

Но если бы А. Гинзбург не универсализировал этот принцип экономии труда, а применил его в более узких рамках—для классификации экономических явлений, и, исходя из него, попытался формулировать законы экономии труда на данной стадии развития, то тем самым он бы действительно дал экономию промышленности в качестве научной дисциплины, которая коренным образом отличалась бы от его экономии промышленности.

А. Гинзбург хотел дать марксистский анализ частных явлений хозяйственной жизни — анализ специфических явлений промышленности. Такая задача вполне своевременна и диктуется самим «ходом вещей». Однако, «экономия промышленности» А. Гинзбурга как по общей постановке вопроса, так и по систематизации научного материала не представляет «систематического изложения экономии промышленности»; этой задачи Гинзбург не решил.

Конкретно-описательный материал книги следует использовать, но необходимо сугубо критически отнестись к теоретическим рассуждениям автора.

Н. Саргин.

Л. С. ВУЛЬФ. Экономический империализм в Азии и Африке. Изд. «Книга». Стр. 97.

Есть книги, появление которых на нашем книжном рынке вызывает некоторое недоумение: зачем, для кого и какие цели преследовало издательство, выпуская их в свет?

Такие вопросы были бы вполне уместны и по отношению к рецензируемой книге, если бы она (как сама работа Вульфа, так и вступительная статья Г. Наумова: «От империализма к сверх-империализму») не имела некоего, так сказать «сокровенного» смысла.

Рекомендуя Вульфа, Г. Наумов пишет о нем следующее: «Автор—не революционный социалист», а «самый обыкновенный радикал и *спокойный исследователь*»; наконец, даже «не приверженец исторического материализма», но все это только усугубляет интерес к его книге, поскольку несмотря на неправильный подход он «*совершенно правильно вскрывает сущность экономического империализма*».

О Г. Наумове мы поговорим несколько позже, пока же остановимся на «совершенно правильной» теории империализма Вульфа.

Мы заранее извиняемся перед читателем за некоторое обилие выдержек, которые мы будем вынуждены привести из книги этого «беспристрастного» и «спокойного исследователя», но автор настолько занятен, что лучше всего заставить его говорить собственными словами.

«История человечества,—пишет Вульф во введении,—в течение по-

следних 2500 лет определялась, главным образом, человеком, его верованиями и желаниями». «Если христианству не удалось создать христианский мир, то это было результатом того, что желания и верования одних людей одержали победу над желаниями и верованиями других». С другой стороны, «феодализм был лишь следствием процессов, происходивших в умах десятков господ и тысяч крепостных» и т. д. и т. п., вплоть до того, что «война была вызвана не кайзером или каким-либо другим «военным преступником», а миллионами мужчин и женщин, которые читали немецкие, французские и английские газеты...».

Философия истории Вульфа, может вызвать у читателя только улыбку. Философия истории при помощи г-на Вульфа поставлена на голову. Г-н Вульф, очевидно, большой шутник! Если крепостник-помещик засекал до смерти своих крепостных, ссылал их в Сибирь, обменивал на борзых собак, то это было, утверждает Вульф, только «следствием процессов, происходивших в *умах*» помещика и его крепостного! С неменьшей находчивостью нашел он и виновников войны в лице мужчин и женщин «читающих газеты»!

Читатель, конечно, уже предвидит, как такой «легкий в мыслях» «исследователь» будет «правильно вскрывать сущность экономического (!) империализма».

«Три рода верований и убеждений,—продолжает г-н Вульф,—*моральные, сентиментальные и стратегические*—воздействуют на человеческую мысль и на империалистические идеалы. Они влияли на политику империализма, но они не были основной причиной его появления». «Движущая сила современного империализма—экономического характера и вытекает из экономических убеждений».

Но напрасно стал бы читатель искать об'яснения, какие же именно «экономические убеждения» привели к империализму. Всеми своими последующими раз'яснениями Вульф старается доказать, что именно экономически-то империализм *невыгоден* и что по сути дела империализм одно сплошное заблуждение людей, «читающих газеты».

Как известно, империализм связан с борьбой за колонии, как рынки сбыта и сырья, рынки вложения капиталов. Однако, у Вульфа колониальная политика приобретает характер естественного движения и передвижения народов, свойственного всем временам и народам, такого же естественного движения, как морские отливы и приливы.

Впрочем, пусть говорит сам Вульф.

«В настоящее время вся Северная Америка и большая часть Южной—европеизированы; каждый квадратный фут африканского материка, за сомнительным исключением Абиссинии и Либерии, разделен и подчинен европейскому контролю»... «Огромные азиатские территории завоеваны или поделены между европейскими государствами, а все острова Тихого океана являются или владениями или колониями европейских держав», «перед нами мировое движение, которое можно характеризовать, как европеизацию мира».

Почему же происходит эта европеизация, чем об'ясняется этот раздел мира?

Легко и непринужденно повествует об этом г-н Вульф: «Это старое явление человеческой истории. На земной поверхности *всегда* двигались *подобно приливам и отливам*, племена, расы и народы; колонизация Америки, Южной Африки и Австралии представляет из себя *новейший пример такого движения*».

И все.

Но позвольте, скажет читатель, ведь сам г-н Вульф несколько раньше, но выставлял все-таки положение, что империализм—результат «экономических убеждений», каким же образом это «убеждение» согласуется с «законом» «приливов и отливов»?

Ах, как вы наивны, читатель!

Ведь, г-н Вульф об'ясняет, что, например, «чувство и сентиментальность всегда играли известную роль в империализме». Наконец, «нередко первой стадией захвата той или другой территории является авантюра романтического искателя приключений или сентиментального солдата». Нельзя же забывать, что «моральные идеи (вроде «сентиментального престижа», «оскорбления, нанесенного знамени», как об этом говорит дальше автор) до некоторой степени проникли в доктрину и политику империализма».

Правда, все это говорит скорее за то, что г-н Вульф сторонник не «экономического», как он себя рекомендует, империализма, а «сентиментально-морального», но ведь и сам он доказывает, что экономические «убеждения», коими и был вызван, например, империализм, могут быть ошибочны, хотя бы и разделялись «уважаемым и влиятельным г-ном Чемберленом»...

«Идеи империалистов, насчет великого значения африканских колониальных владений,—пишет г-н Вульф,—как источника богатства, являются сплошной иллюзией». Экономическая ложь империализма нигде не обнаруживается с большей ясностью, чем в империалистических доктринах насчет важного значения имперских владений, как источников сырья для промышленности». «Если бы англичане, французы и немцы были действительно разумно рассуждающими людьми,—каковыми они себя считают без всяких на то оснований,—то они увидели бы, что экономический империализм, проводимый в Африке государствами, принес им много зла и очень мало добра». «Европейским государствам азиатские и африканские владения приносили невыгоды, а убытки».

Естественным был бы, конечно, вопрос: откуда же взялось «экономическое убеждение» «в необходимости экономического империализма», если экономически это не только не выгодно, а убыточно?

И на это у хитрого Вульфа есть один ответ: виноваты «мужчины и женщины, которые читали немецкие, французские и английские газеты и верили в то, во что эти газеты рекомендовали им верить, и желали того, что эти газеты, рекомендовали им желать».

Но чем же об'яснить странное поведение этих газет, рекомендующих своим читателям «экономический империализм»? Прямо на этот вопрос г-н Вульф не отвечает, но дает в руки читателю в некотором роде путеводную нить, которая, по мысли автора, должна дать ответ и на этот вопрос.

«Политика государств диктуется правительствами, а правительства составляются из государственных людей и политиков», а эти государственные мужи «единогласно утверждали, что главные мотивы их политики были экономические».

Но позвольте, ведь империализм, уверял нас г-н Вульф,—экономически не выгоден, как же эти «уважаемые и влиятельные» идеологи и вдхоновители империализма вовлекали представляемые ими страны в такие экономически невыгодные предприятия, как захват колоний и т. п.?

Ответа и на этот вопрос г-н Вульф не дает, но уже по изложенному выше, мы можем догадаться, что и здесь виноваты газеты, которые читают г.г. политики, и что их заблуждения и их ошибки надо отнести за счет все тех же газет, распространяющих вредные и ошибочные мысли, по части выгодности пресловутого «экономического империализма».

Ничего большего рекомендуемый Г. Наумовым «исследователь» Вульф, «правильно вскрывающий сущность экономического империализма» не дает, да и при своем «сентиментальном-морально-авантюрном» подходе к исследованию экономических явлений дать не может. И неизвестно, к чему приклеенный ярлычек «экономический», г-ну Вульфу в об'яснении империализма не помог и сущность империализма г-н Вульф так и не понял.

Г-н Вульф находит, однако, что нельзя уж совсем бесповортно осуждать империализм. Нельзя, конечно, отрицать, что у империализма были свои нехорошие черты, что, например, «раздел Африки оказал самое пагубное влияние на европейские международные отношения в период 1880—1914 г.г.».

Но «спокойный исследователь, который ищет величия своей родины; и лишь хочет соблюсти в международных отношених мораль и справедливость», должен быть справедлив и в оценке благодетельной роли империализма.

«Европейское владычество,—пишет г-н Вульф,—обычно приносило с собой такой род законности и порядка, который не существовал раньше в Африке». И автор добросовестно расшифровывает, какие же «законность и порядок» принесли с собой европейские цивилизаторы. «Главные характерные черты европейской экономической системы это, во-первых, частная собственность на землю, или орудия производства и, во-вторых, разделение населения на экономические классы, т.-е. на классы землевладельцев, собственников капитала и лиц, не имеющих ни земли, ни капитала и работающих за заработную плату».

Едва ли после этого, после ограбления туземного населения и превращения его в рабов, можно отвергать историческую христианскую миссию европейцев, ее цивилизаторскую роль. После этого становится совершенно понятным утверждение г-на Вульфа, что «если христианству не удалось создать христианский мир», то этому помешали грубые и дикие туземцы колоний, противопоставившие верованиям и желаниям истинных христиан, свои нехристианские верования и желания.

Особенно добродетелен был империализм в Китае. Здесь «был путь скорее сотрудничества, чем эксплоатации: европейцы и их государства могли использовать свои знания и свое могущество, чтобы помочь китайцам приспособиться к политико-экономической системе Европы и затем получить свою справедливую долю в том богатстве, которое могла создать европейская система».

Любезность европейцев не знала границ! До появления европейцев, положение в Китае было таково, что «более честный торговец оказывался в наименее выгодном положении». И вот под руководством Роберта Харта была реорганизована таможенная служба и выделен исполнительный аппарат «из шести англичан, двух американцев, двух французов и одного немца». Предупредительные европейцы, чтобы не утруждать неприятной работой китайцев, не включили в состав исполнительного аппарата ни одного китайца. Не нужно, конечно, и говорить, что европейцы заботились только о Китае, только о благе китайского народа. Сам г-н Вульф свидетельствует об этом: «европейские таможенные чиновники считали своей обязанностью образовать для китайского правительства такой служебный аппарат, который охранял бы законные интересы и права китайского народа». «В настоящее время никто не будет отрицать, что сотрудничество Востока и Запада в таможенной администрации принесло пользу и Китаю и Европе».

И, конечно, только черной неблагодарностью китайцев можно об'яснить их отвращение к урокам, преподаваемым великодушными европейцами, только непониманием своих интересов—ту ненависть и злобу, которую они питают к своим учителям. Как не может понять этот многомиллионный народ, что стэк и расстрелы, применяемые г.г. европейцами, только необходимое условие для превращения Китая в добропорядочное государство, и если ими несколько злоупотребляют, то в интересах и на благо самого же китайского народа.

Мы были бы крайне поражены, если бы этот «ценный» труд г.г. европейцы не перевели на китайский язык и не обязали к преподаванию в школах начального образования.

Однако, европейцы не удержались на «добром» и «хорошем» империализме и задачу просвещения, обучения христианской морали и организации на европейский манер таможенного дела, подменили грубой и хищнической эксплоатацией.

В Африке, «в результате этого создалось такое положение, при котором население могло спастись от голодной смерти только работая для концессионеров на условиях этих последних»; «экономические последствия (хозяйничания европейцев. *К. Р.*) для Китая оказались до последней степени пагубными». «Результаты политики экономического империализма, проводимого Великобританией и другими империалистическими державами, не внушают нам,—повествует г-н Вульф,—чувства удовлетворения».

Дело совершенно очевидное: в системе империализма надо кое-что изменить, кое-что подправить и пустить в действие в исправленном г-ном Вульфом виде.

«Защитники империализма и капитализма скажут, что, кроме этой системы, никакая другая невозможна». Г-н Вульф с этим не согласен. Он нашел такой капитализм и такую систему империализма, при которой и капиталистам, и рабочим, и колониальным рабам, и их европейским владыкам было бы одинаково хорошо. «Если бы они (защитники империализма. *К. Р.*) изменили свой взгляд на капитализм и экономический империализм, то система мандатов могла бы начать новую эру во взаимоотношениях между Африкой и Азией, с одной стороны, и европейской цивилизацией с другой». «Державы и народы Европы могут перейти к совершенно противоположной системе, которую они формально и весьма торжественно обязались ввести несколько времени тому назад. Мы имеем в виду договор об образовании Лиги Наций...».

Все дело только в «честном» проведении начал, на которых построена Лига Наций—и ни в чем ином. Но это, конечно, не означает, что европейские державы могут сложить с себя «ответственность» за судьбу Азии и Африки. «Европейцы должны оказать им помощь», тем более, что, например, «африканцы, вероятно, (!) не в состоянии взять на себя полное управление своими странами», а «китайцы способны управлять сами» только «при условии, если европейцы будут честно оказывать им административную и техническую помощь». И «если бы мандатная система, честно применялась в более прогрессивных странах, вроде Китая и Сирии, не было бы никакой нужды передавать над ними мандаты определенному государству».

Вот и все из того, что преподносится нам издательством «Книга» и рекомендуется Г. Наумовым в качестве «вскрытия сущности экономического империализма»!

Едва ли нужно говорить, что в этой апологетике честного капитализма и честного империализма, доброй Лиги Наций и «уважаемого и почтенного» г-на Чемберлена нет ни на иоту ни марксистского анализа, ни элементарной исследовательской добропорядочности, ни грана понимания действительной сущности империализма, ни всего что могло бы оправдать перевод и издание этой балаганной, шутовской работы г-на Вульфа.

Нечего и говорить, что в своем утверждении «невыгодности», «убыточности» колониальных владений, автор показывает не только непонимание того, о чем он с таким апломбом пишет, но и свою безграмотность вообще, незнание элементарнейших явлений современной капиталистической действительности.

Мы позволим себе привести только пару цифр о роли и значении английских колоний в жизни метрополии для того, чтобы просто показать степень недобросовестности автора.

Ввоз и вывоз Соединенного Королевства в 1900 г.

	Иностран. государства	Британские колонии.
Ввоз	413.434.000 фун. стер.	109.641.000 фун. стер.
Вывоз	196.757.000 „ „	94.435.000 „ „

Доля главных стран во внешней торговле Индии (в %%).

	Довоен. средн.	Средн. во время войны.	1921—1922.
		Ввоз.	
Британская империя	69,7	65,4	66,6
Иностран. государства	30,3	34,6	33,4

Эти цифры, надеемся, будут служить показателем знания г-ном Вульфом предмета, о котором он столь пространно пишет в своем «исследовании», рекомендуемом Г. Наумовым.

Едва ли на наш книжный рынок выбрасывалось что-либо более омерзительное и не только чуждое, но явно враждебное нам в оценке и анализе (если это можно назвать анализом) империализма.

Но едва ли не более возмутительно предисловие-статья Г. Наумова «От империализма к сверх-империализму».

С г-на Вульфа, так сказать, «взятки гладки». Самый обыкновенный и рядовой, несколько пацифистски настроенный буржуа, напуганный войной и еще более обеспокоенный разгорающимся революционным движением в колониальных странах, он хочет только одного: честного мира и спокойствия, которые гарантировали бы ему приятный послеобеденный сон и ничем не нарушаемое получение дивиденда.

С беспокойством следит он за тем, что война не принесла желанного мира и спокойствия и после долгих поисков находит причину в «дурном» империализме европейских держав, «не честно» проводящих принципы Лиги Наций. Он не видит, он не понимает, что дело не в параграфах Устава Лиги Наций, а в самом существе капитализма, что дело не в насилиях, чинимых отдельными капиталистами в колониальных владениях, а во всей капиталистической системе в целом, порождающей на определенной ступени развития империализм и что единственный выход, единственное разрешение этих кричащих противоречий, которые теперь видны даже ему—буржуа—в окончательной замене старой, уже изжившей себя системы—новой, построенной на совершенно иных началах, на началах, при которых он «мирный» «добрый» буржуа, уже не будет получать своих процентов.

Этот выход—революция, но этого выхода буржуа, конечно, принять не может и ищет разрешения своих сомнений в «честно» испол-

няемых параграфах Лиги Наций, не понимая даже того, что сама Лига Наций только ширма для обделывания грязных дел империалистов.

Повторяем, от г-на Вульфа ничего другого и требовать нельзя, но совсем иного отношения мы можем и должны требовать от Г. Наумова, претендующего на имя марксиста и употребляющего такие страшные слова как «интернационал» и даже «революция»!

Мы не будем вдаваться в подробную критику теории сверх-империализма, отличительные формы которой Г. Наумов находит в «мировом масштабе», как будто империализм довоенный не носил мирового характера, и старой меньшевистско-гильфердинговской формулы «экономической кооперации», в лице Лиги Наций, крупнейших империалистических держав-победительниц, давно уже получившей должную оценку со стороны революционных марксистов.

Г. Наумов не согласен с г-ном Вульфом, он даже критикует его, но послушайте только, читатель, что это за критика и что противопоставляет Г. Наумов Вульфу.

«Вульф,—пишет Г. Наумов,—недостаточно (!) ясно сознает, что идеальное применение системы мандатов, как и политика, основанная на отказе от эксплоатации колониальных народов, возможны только при условии радикального разрыва с идеями (!) империализма. Лига Наций должна при этом перестать быть орудием империализма и превратиться в братский союз равноправных народов, в мировые соединенные штаты братских республик. А это означает отречение Лиги от себя самой, иначе полный революционный переворот в... современных международных отношениях».

И, наконец, как заключительный аккорд.

«Возможен ли такой переворот, возможна ли ликвидация империалистической системы при сохранении общих основ капитализма?»

«Это старый спор в социалистической (!) среде, которого мы здесь касаться не будем (!!!). Одно только несомненно для всех: борьба против мирового сверх-империализма может итти только по линии укрепления рабочего Интернационала».

Со своей стороны мы можем также утверждать, что «одно несомненно»,—эта цитата может принадлежать только и исключительно меньшевику.

В этой цитате меньшевизм выдержан в кристально-чистом виде и совершенно недвусмысленной форме.

Ложь, что среди марксистов идет «старый спор» о возможности ликвидации империализма на капиталистической основе. Здесь среди марксистов спора нет. Спор идет между марксистами и теми, кто изменил марксизму, кто изменил революции и перешел на службу г.г. капиталистам—меньшевиками, Каутскими, Вандервельде, Тома и всеми, иже с ними.

Ложь, что отказ от «эксплоатации колониальных народов» возможен при условии разрыва с «идеями империализма». Идеи империализма—это идеи современного капитализма, и не разрыв с «идеями», а разрыв, борьба и победа над самой капиталистической системой может избавить от эксплоатации колониальные народы. Это основное, непременное и единственное условие избавления от эксплоатации, и всякая попытка затушевать, замазать этот факт, свести его к борьбе с «идеями»—есть измена и предательство революции и рабочего дела.

Ложь, что Лига Наций может превратиться в «братский союз равноправных народов, в мировые соединенные штаты братских республик» при перевороте «в современных международных (!) отношениях». До тех пор, пока капиталистический способ производства является господствующим способом производства, пока средства производства, государственный аппарат и армия будут находиться в руках капиталистов, Лига Наций останется союзом грабителей и разбойников с большой дороги, и всякие разговоры о «братском союзе»—гнусный обман ренегатов и изменников революции, наемных лакеев буржуазии и капиталистов.

Не революционный переворот в «международных отношениях», а социальная, пролетарская, коммунистическая революция—вот единственный путь к подлинному, истинному братскому союзу народов,—и чистейшей воды меньшевизмом являются измышления г-на Г. Наумова.

Ложь, что борьба против империализма «может итти только по линии укрепления рабочего Интернационала». Укрепление Интернационала—только средство для завоевания политической власти пролетариата, ибо только революция, только захват власти пролетариатом избавит мир от капитализма и империализма, и задача Интернационала помочь пролетариату в деле завоевания политической власти.

Попытка свести борьбу с империализмом только к укреплению Интернационала—это попытка отвлечь пролетариат от непосредственных, стоящих перед ним боевых задач перед революцией, захватом власти, попытка отсрочить гибель империализма и связанную с нею гибель его апостолов и защитников.

Мы уже не останавливаемся на «странной» терминологии г-на Г. Наумова с его «рабочим» Интернационалом. В связи с общим контекстом всей статьи г-на Наумова мы этот маневр можем рассматривать только, как нежелание выдать себя с головой, порекомендовав пролетариату в борьбе с империализмом пойти по линии «укрепления Второго Интернационала».

Нельзя не признаться, что подобного рода литературные упражнения мы встречаем впервые.

К. Розенталь.

Письма в редакцию.

О ТРЮКАХ ТОВ. КАРПИНСКОГО,

или как не надо писать рецензий.

Товарищ Карпинский в № 11—12 «Большевика» поставил себе задачей обвинить Агитпроп ЦК РКП в издании «плохенькой энциклопедии» для деревни. В конце рецензии «энциклопедия» уже превращается в «комментарии к решениям партийных с'ездов и конференций», которые следует издавать «не перед новым с'ездом».

Такими определениями сборника статей «Агитация и пропаганда в деревне» преднамеренно искажается в представлении читателя, не знакомого с рецензируемым сборником, его характер. Стоит только перечислить оглавление статей сборника, чтобы установить, что это не энциклопедия и не комментарии к решениям с'ездов. Вот полное оглавление: 1) задачи партии в деревне и агитационно-пропагандистская работа; 2) агитпропработа в плане работ волкомов и деревенских ячеек; 3) общие собрания деревенских ячеек; 4) политшкола-передвижка; 5) самообразование деревенских коммунистов; 6) работа среди женщин в деревне; 7) политпросветработа деревенской ячейки РЛКСМ; 8) пионеротряд в деревне; 9) постановка и методы агитационной работы; 10) как подготовить деревенского агитатора; 11) сельские советы; 12) коопера-

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как работать с газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропорганизатора и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана. Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным с'ездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно об'яснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известных слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партии сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и об'явить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не сметь командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зиновьев).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т.-е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы» (Зиновьев).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможна всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину об'яснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстоять перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, об'являя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукою полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

ция; 13) общества крестьянской взаимопомощи; 14) народное просвещение в деревне; 15) учитель и его общественная работа в деревне; 16) волостной политико-просветительный комитет; 17) изба-читальня; 18) ликвидация неграмотности и малограмотности в деревне; 19) санитарное просвещение в деревне; 20) как работать с газетой в деревне; 21) милиционная система и работа в терчастях; 22) агро-и лесо-пропаганда в деревне; 23) антирелигиозная пропаганда в деревне; 24) как использовать шефа в деревне; 25) что читать о Ленине и ленинизме деревенскому коммунисту.

Как-будто ясно, что не только по заглавному листу и предисловию, но и по самому характеру сборника это пособие для деревенского агитпропорганизатора и избача. Составлялось оно и проверялось совместно со многими местными работниками.

Дата издания сборника указана. Февраль месяц. Почему тов. Карпинский убеждает читателей «Большевика», что сборник издан «перед новым партийным с'ездом»? Как-будто для рецензента обязательно читать, если не всю книгу, то хотя бы предисловие так же, как и оглавление...

Нашему рецензенту хочется обвинить нас и в политической малограмотности.

Для этого применяется ряд трюков.

Трюк первый. До сих пор мы не знали, что запятая, поставленная между двумя придаточными предложениями, заменяет слово «значит». Осмеливаемся и впредь думать, что это не так. Судите сами. В статье написано, что коммунизм «мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма». Тов. Карпинский эту фразу «излагает» следующим образом: «Поднять и укрепить индивидуальное крестьянское хозяйство значит создать материальную базу для коммунизма». Почему—«значит»? Почему же тов. Карпинский запнулся о запятую, уверяя, что данная запятая не простая запятая, а слово «значит»? Это можно об'яснить лишь чрезмерным желанием тов. Карпинского доказать, что в Агитпропе ЦК РКП(б) работники не понимают Ленина и путаются в азбучных истинах, известных слушателю сокращенной школы политграмоты. Для этого изобретено таинственное превращение запятой в «значит». Нескладно получается: несоответствие с процитированным самим тов. Карпинским местом из Ленина явное. Ну, что ж? Зачем смущаться? Ведь можно еще раз выругать за якобы непонимание автором статьи цитируемых им же мест из Ленина.

Трюк второй: По вопросу о растущей роли агитации и пропаганды в настоящую полосу работы нашей партии в деревне. Для нас это бесспорно. Партийная конференция постановила мобилизовать не менее 3.000 не просто работников, а пропагандистов для деревни. Чрезвычайно большое внимание к вопросам агитации и пропаганды в деревне уделил Октябрьский пленум ЦК. Никогда еще партия так широко не ставила партийно-воспитательной работы в деревне, как это решено авторитетными органами партии сделать в предстоящем учебном году. Тов. Карпинский же досадливо отмахивается—«совсем не в этом дело». По нашему, отмахнуться от важнейших решений партии не годится.

В изложении тов. Карпинского связь агитации и пропаганды с организацией действительно околесица. Но здесь применен старый, уже надоевший трюк поверхностных рецензентов: выдернуть из разных мест несколько фраз вне всякой связи со всем изложением и об'явить, что это околесица, чепуха и т. д. и т. д.

Восстановим первоначальный текст:

«Не сметь командовать крестьянином»,—так определил уже несколько лет тому назад тов. Ленин тактическую линию партии по отношению к крестьянству.

Администрирование и приказ окончательно должны уступить место организации.

Рост политической активности крестьянина—верный признак, что и само крестьянство понимает значение и необходимость организации. Скоро «организация станет всеобщим лозунгом деревни». (Зиновьев).

«Наша партия должна быть во главе организации. Всякая другая политическая сила, кроме РКП, разумеется, попытается использовать любую крестьянскую организацию для срыва смычки между рабочими и крестьянами, для противопоставления крестьян пролетариату, т.-е. для буржуазных целей, одинаково враждебных интересам не только рабочего класса, но и правильно понятым интересам крестьянской массы» (Зиновьев).

Стать общественно-политическим центром всей деревенской жизни—эта задача стоит во весь рост перед каждой деревенской ячейкой партии.

Это невозможно, как невозможна всякая организация вообще, без правильно поставленной агитации и пропаганды. Уметь крестьянина убедить, уметь крестьянину об'яснить, почему точка зрения коммунистов правильная, и что она совпадает с интересами крестьянина-бедняка и середняка—без этого нельзя организовать крестьянство под руководством партии.

Пропагандист и агитатор должны знать деревенскую жизнь, знать точку зрения партии по основным вопросам, касающимся крестьянства, уметь эту точку зрения защищать и отстоять перед крестьянством.

Лишь те пропагандисты и агитаторы, которые могут дать ответ на животрепещущие вопросы, которыми живет деревня, могут быть, по Ленину, руководителями крестьянства.

Эта задача, сейчас более сложная и трудная, чем в прежние годы, требует значительного напряжения сил наших деревенских парторганизаций и большей помощи им со стороны городских организаций.

Из этого текста тов. Карпинский выдернул ряд отрывков фраз, необходимых ему для вящего посрамления рецензируемой книги, и от своей же проделки пришел в ужас, об'являя: «Этакая околесица. Читатель мозги вывихнет». Не вывихнет, если тов. Карпинский не будет заниматься передергиванием.

Трюк третий. Тов. Карпинский пишет, что «существенно важно выяснить, что в каждый период агитпропаганда должна ставить особые цели и стремиться к ним особыми методами». Правильно. Трюк заключается в фигуре умолчания. Умолчал тов. Карпинский о том, что именно этому посвящено больше половины вводной статьи. Ломится человек в открытые двери и кричит: «Не понимаете, что двери нужно открывать!»

Трюк четвертый. Трюк намеков. «Место, откуда взяты цитаты, не указано», второй раз «без указания источника» пишет тов. Карпинский. Создается впечатление, как будто кто-то забыл указать, что приведенные мысли—цитаты из Ленина. А на самом деле после каждой цитаты указано, кому она принадлежит. Правда, не указана страница и том сочинений Ленина, откуда цитата взята. Карпинский забывает, что книжка составлялась для деревни и читателя, не имеющего под рукою полного собрания сочинений Ленина. Поэтому, писать о нарушении

«элементарной вежливости по отношению к читателю», значит писать гиперболами.

Трюк пятый. Трюк высокомерного невнимания. Карпинский пишет, что в вводной статье брошена мысль о необходимости использовать для агитации и пропаганды наличные силы из беспартийного крестьянства и деревенской интеллигенции, но не разработан вопрос, как использовать. Если тов. Карпинский потрудился бы прочесть всю рецензируемую им книгу, то разработку этого вопроса он нашел бы в ряде других статей. Об использовании учителя он нашел бы и специальную статью «Учитель и общественная работа в деревне».

Трюк шестой. Карпинский выдернул две фразы из статьи «Кооперация» и вдался в философию о пагубности протаскивания мелкобуржуазной точки зрения в партийной печати. С гораздо большим правом я мог бы выдернуть из рецензии тов. Карпинского хотя бы такую фразу: «пролетариат кооперация вовсе (?!) не интересует, как средство улучшения положения мелких собственников, но весьма интересует, как средство социализации сельского хозяйства» и заявить, что Карпинский и теперь, после XIV партконференции не выясняет себе задач пролетариата по отношению к крестьянству в конкретной обстановке 1925 года.

Трюк седьмой. Опять фигура умолчания. «О привлечении в новые крестkомы также середняков... ни слова», убеждает Карпинский. А в статье о кресткомах написано черным по белому: «имея основной своей задачей помощь бедняцко-середняцким слоям деревни».

Еще два обвинения нам со стороны тов. Карпинского:

1) В статье «Как использовать шефа» автор статьи выступил против материальной помощи со стороны шефа, пишет тов. Карпинский. Так ли это? Приведем из той же статьи несколько строк о том, в чем практически может выразиться помощь шефа в работе.

«Возьмем, для примера, внутрипартийное просвещение: при организации школы по программе школы-передвижки шеф может дать руководителя школы, при помощи шефа может быть проведено лучшее снабжение школы литературой и пособиями. Такую же помощь шеф может оказать и при организации комсомольского кружка.

С помощью шефа необходимо наладить выписку газет и журналов, при чем от использования средств шефа нужно переходить к выписке газет самими крестьянами. Пользуясь силами шефа, можно лучше наладить массовую политическую работу в крестьянстве: хорошо поставить проведение больших политических кампаний, беспартийных конференций и т. д. Большую помощь шеф может оказать в постановке работы в избе-читальне: при его помощи местные работники смогут развернуть гораздо лучше и шире работу кружков и уголков: сельско-хозяйственного кружка, уголка Ленина, стенной газеты, кружка селькоров и т. д. Шеф может дать совет и продвинуть дело в приобретении кино-передвижки, волшебного фонаря, граммофона и т. д.

Шеф ведет работу по укреплению местных партийных, комсомольских и советских организаций. Своими советами, часто своей инициативой и личным участием, он помогает организовать новые общественные организации: новые ячейки Комсомола, новые пионерские отряды, ячейки таких добровольных обществ, как например, «Долой Неграмотность» и т. д.

Особенно внимание должно быть обращено шефом на организационно-хозяйственную помощь деревне, т.-е.: на тот круг вопросов, которые ближе всего интересуют крестьянина, затрагивают

его интересы. Здесь шеф должен сосредоточить свою работу вокруг крестпомов, кооперативов, артелей, кредитных товариществ и т. д., добиваясь вовлечения возможно большего количества бедноты и середняков в крестпомы и в кооперацию, всячески помогая правильно поставить их работу и т. д. (подчеркнуто везде мною. *А. А.*).

Согласен, что формулировки не исчерпывающие. Но это далеко не то, о чем пишет Карпинский: «Если бы шефы последовали этому совету, то они должны были бы начисто прекратить всякую работу: без материальных затрат невозможна никакая помощь деревне». При этом необходимо помнить, что заглавие и содержание статьи о том, как необходимо использовать шефов, а не о том, что должны делать шефы. Рекомендовать же деревенским организациям начинать использование шефов с требования материальной помощи от шефа было бы нецелесообразно.

2) В книге мы рекомендовали считать опорными пунктами агропропаганды главным образом вик'и, аргоучастки, избы-читальни, с.-хоз. кружки при них. Это правильно. Колхозы и совхозы, при их теперешнем состоянии, к сожалению, еще не являются рычагами массовой агропропаганды. Конечно, имеются исключения. Там, где колхозы, совхозы образцово поставлены, необходимо их использовать в качестве рычагов агропропаганды.

Конечно, сборник имеет свои недочеты и ошибки. Об этом заявлено и в предисловии сборника. Рады мы каждому деловому указанию. Но, к сожалению, таковых чрезвычайно мало в весьма обширной рецензии Карпинского.

Против критических приемов тов. Карпинского нужно бороться. Передержки, жонглирование недопустимы в серьезной статье.

После всей рецензии тов. Карпинского совершенно непонятен его же вывод, что «некоторую пользу сборник все же может принести». Отзывы с мест подтверждают, что некоторую пользу сборник действительно принес. В этом оправдание его издания.

Теперь после апрельского пленума ЦК и XIV партийной конференции, после учета зимнего и весеннего опыта работы нашей партии в деревне, разумеется, сборник кое в чем устарел и нуждается в серьезной переработке.

А. Аболин.

О КРЮЧКОТВОРСТВЕ ТОВ. АБОЛИНА.

Читатель, вероятно, помнит басню Крылова об обезьяне, которая, вопреки общему мнению, упорно утверждала, что ее детище краше всех на свете. Не знаю, имел ли баснописец в виду некоторых авторов, которые упорно не желают видеть недостатков своих литературных произведений. Но что такие авторы (и редакторы) существуют в настоящее время, тому порукой вышенапечатанный ответ на мою рецензию. Живи дедушка Крылов на сто лет позднее, наверное, героиня его басни занимала бы какое-нибудь «ответственное положение» и кричала бы о «ниспровержении основ» по поводу малейшего критического отношения к ее детищу.

Подумать только: я «поставил себе задачей обвинить агитпроп ЦК РКП» (!), я досадливо отмахиваюсь от постановлений октябрьского пленума ЦК (!!), я знать не хочу решений партийной конференции (!!!). В МКК этого злонамеренного рецензента! В ЦКК эту редакцию «Большевика», напечатавшую столь злопыхательную статейку!

А по какому, собственно, случаю шум? Некоторые сотрудники агитропа разрешились от бремени литературным недоноском, в защиту которого, при всем старании, нельзя сказать ничего, кроме сердитых фраз и кроме публичного признания, что родители и сами еще в муках творчества чувствовали, что ребенок-то выйдет неказист...

Положительно, почтенный редактор сборника, кроме литературной импотенции, страдает еще явным отсутствием чувства смешного. Однако, это вовсе не обязывает нас предполагать отсутствие того же чувства у читателей «Большевика». Поэтому мы совершенно спокойно пройдем мимо истерических выпадов Аболина с его выдуманными «трюками». Мы займемся по существу лишь двумя-тремя вопросами, которые моя рецензия ставит и от которых Аболин хочет увильнуть.

Первый вопрос: нужны ли подобные сборники (хотя бы и более удачные)? Я выразил в этом самое сильное сомнение. Такие сборники неизбежно будут представлять собою малополезную окрошку из запоздалых [1]) комментариев к решениям с'ездов, из потерявших ценность статей по текущим вопросам, из плохо разработанных популяризаций общих задач агитпропаганды и организации в деревне и из случайной библиографии. Между тем для каждой из этих задач у нас есть достаточное число специальных изданий. Против этих доводов т. Аболин находит только такое возражение: «Как-будто ясно, что... это—пособие для деревенского агитпроорганизатора и избача». Да, это—«пособие», конечно. Но очень плохое пособие, т. Аболин, и по необходимости плохое,—вот чего вы не хотите понять. В ваших 24 статьях на 115 страничках затронуты сотни вопросов, сказано обо всем понемножку, кое-как, и ни о чем толком, как следует. Надо отбросить, как ложную, самую идею дать деревенскому работнику «универсальное» руководство по всем вопросам. Это значило бы только поощрять бестолковое верхоглядство, всезнайство. Работа в деревне давно уже требует специализации и уже создает специалистов. Пора посерьезному отнестись к каждой области деревенской работы и дать по каждой из них хорошее, написанное лучшими знатоками руководство.

Второй вопрос: о коммунизме и кооперации. Впрочем, сначала... о запятой, за которую Аболин хватается, как утопающий за соломинку. В сборнике приведена (и у меня в рецензии повторена) цитата из Ленина, где он говорит о коммунизме, о «переходе от единичного, обособленного, мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству», о том, что «ускорить такой переход можно только такой помощью крестьянину, которая бы давала ему возможность в громадных размерах улучшить всю земледельческую технику, преобразовать ее в корне». Непосредственно за этой цитатой в сборнике напечатана курсивом такая аболинская отсебятина: «Итак, наша цель—коммунизм. Но этой цели мы достигнем медленным путем, помогая крестьянину поднять и укрепить его хозяйство, создавая материальную (хозяйственную) основу для коммунизма» (стр. 5). В своем возражении т. Аболин благополучно выпускает первую фразу со словом «итак» и привязывается к запятой во второй фразе. Чтобы разобраться, мы вынуждены сделать маленькую экскурсию в область грамматики. Как известно, придаточное предложение, сокращенное через деепричастие и отделенное от главного запятой, может быть понимаемо в чисто-временной, случайной связи с главным предложением или же в более глубокой, внутренней связи. Пример первой связи: «глубокомысленно ковыряя в носу, редактор просматривает рукопись». Пример второй связи: «страдая ложным самолюбием, автор упорствует в своих заблуждениях». В какой же связи следует понимать аболинские три предложения: главное—«мы идем к коммунизму», придаточное первое—«мы помогаем крестьянину укрепить его хозяйство», придаточное второе—«мы создаем материальную базу для коммунизма»? Согласитесь, что это, по меньшей мере, совершенно неясно, и так популяризировать идеи Ленина для деревни ни в коем случае недопустимо. Аболин своим возражением хочет, повидимому, сказать, что между его предложениями нет никакой внутренней связи (с чем его в таком случае и поздравляем). Но ведь критикуемая фраза не стоит особо, она представляет прямое заключение или пересказ только что приведенной цитаты из Ленина, а в этой цитате Ленин ставит в прямую связь путь к коммунизму с помощью крестьянину. Только Ленин-то говорит о такой помощи крестьянину, которая в корне преобразовывает земледельческую технику и способствует переходу от единичного мелкого хозяйства к крупному общественному (что и разрешает диалектически противоречие между помощью частно-собственническому хозяйству и путем к коммунизму). Аболин же бухает в одну кучу путь к коммунизму, помощь укреплению частного хозяйства и создание базы для коммунизма, запутывая тем самым один из сложнейших и важнейших вопросов современности. Нет, почтеннейший редактор, соломинка, то бишь запятая, вас здесь не спасет.

Что дело тут не в знаках препинания, а кое в чем посерьезней, показывает никуда негодная, путаная, вредная статья о кооперации и реплика Аболина на мое замечание о ней. Вот основное положение этой статьи: «Задача партии в деревне сводится к тому, чтобы найти простой, легкий, доступный для крестьянства путь к поднятию и развитию своего хозяйства. Кооперация является самым прямым и самым верным путем к разрешению этой задачи» (подчеркнуто автором, стр. 59). Аболин, видимо, хочет сказать, что это просто неудачная фраза, которую «выдернули» из превосходного, должно быть, текста. Это неверно. Та же мысль повторяется в статье, и вся статья состоит лишь из развития все того же положения (доказательств выгодности кооперации для частного мелкого производителя). Лишь в самом конце приводится ничем не связанная с предыдущим изложением и ничем не доказываемая цитатка из Ленина о том, что «простой рост кооперации для нас тождественен с ростом социализма». Я утверждал и утверждаю, что лежащая в основе статьи точка зрения представляет собою точно выраженный мелкобуржуазный взгляд на кооперацию. Ленин рассматривал кооперацию, как наиболее простой, легкий, доступный для крестьянина путь к социализму, а не как средство к укреплению частно-собственнического хозяйства (каковым она является с точки зрения мелкого буржуа). Разница между этими двумя взглядами настолько глубока, что она неизбежно должна сказываться и сказывается во всем отношении к кооперации, во всей кооперативной агитпропаганде, во всех связанных с кооперацией вопросах, вплоть до самых мелких практических. Что же возражает мне Аболин? Он берет из моей рецензии отдельную фразу ставит к ней два грозных знака препинания и обещает доказать, что я не понимаю задач пролетариата по отношению к крестьянству. Ну, что ж, попробуйте, дорогой товарищ, это сделать! Попробуйте развить и защитить изложенную в сборнике точку зрения на кооперацию. Мы посмотрим, что из этого выйдет.

[1]) XIII с'езд партии был в мае 1924 г., предисловие к сборнику подписано 17 февраля 1925 г., вышел из печати сборник еще позднее, а попал к читателю как раз через... год после с'езда.

Третий вопрос: об агитпропаганде. В начале специальной главы «Рост значения и роли агитации и пропаганды» автор говорит, что раньше агитпропаганда имела меньше значения, приходилось больше командовать. Дальнейший ход мысли читатель может проследить сам по услужливо «восстановленному» тов. Аболиным «первоначальному тексту». Оказывается, место приказа должна занять организация, которая скоро станет «всеобщим лозунгом деревни». Поистине, шел автор в дверь, а попал в другую. Ведь доказать-то нужно было растущее значение агитпропаганды, а не организации! Автор сам чувствует, что попал не туда и пятится назад: организация невозможна без агитпропаганды. А раз так, то (должен за автора умозаключить уже сам читатель), очевидно, с ростом организации должно расти и значение агитпропаганды. Скажите же, читатель, разве я не был прав, назвав такой способ изложения «околесицей» и высказав пожелание, что лучше бы в статье об агитпропаганде об'яснить как следует ее особые цели и ее особые методы в данное время (ибо больше всего у нас грешат употреблением старых методов для новых целей в новых условиях)?

Перейдем к существу вопроса: прав ли автор в своих «историко-философских» рассуждениях о сравнительно увеличивающемся значении агитпропаганды? По нашему мнению, неправ. Наоборот, значение агитпропаганды сравнительно уменьшается, если судить по единственно об'ективному критерию: распределению партийных сил по разным отраслям работы. До октябрьской революции почти все силы партии уходили на агитпропаганду. В период гражданской войны весьма значительная часть партийных сил отвлекается на организационную, административную и военную работу. В настоящий мирный период еще бо̀льшая часть сил партии отходит на организационное, хозяйственное, культурно-социалистическое строительство. И чем больше будет шириться и углубляться это последнее, тем больше партийных сил оно потребует. Это вполне естественно, неизбежно. Растет сравнительно—и должно расти—значение коммунистического дела (а не слова). Если бы было иначе, если бы был прав аболинский автор, то это значило бы, что мы просто вертим языком, не двигаясь с места.

Возражение тов. Аболина будто я «отмахиваюсь» от решения партии о посылке в деревню 3.000 «не просто работников, а пропагандистов», подсказано ему лишь желанием «уязвить». Неужели же Аболин не понимает, что эта посылка 3.000 означает лишь перераспределение агитпропагандных сил? И неужели надо еще об'яснять ему, что сравнительное уменьшение значения агитпропаганды нисколько не исключает абсолютного роста агитпропагандных сил и задач партии?

Я не стану утруждать читателя распутыванием других вопросов, запутанных аболинским крючкотворством. Не народился еще такой автор, который был бы доволен отрицательным о нем отзывом критики. И нет, разумеется, в сборнике таких статей, из которых нельзя было бы привести отдельных правильных мыслей. Есть даже статьи, ни плохие, ни хорошие, против содержания которых я ничего не могу возразить. Этим и об'ясняется «совершенно непонятный» (для т. Аболина) мой вывод о некоторой пользе сборника. На всех статьях я никак не мог останавливаться, а лишь на важнейших. И, к сожалению, никак я не мог похвалить сборник, который в общем и целом представляет ученическую работу на 2—.

В. Карпинский.

В редакцию поступили для отзыва следующие книги.

«Ленгиз».

1905 год. Литературно-исторический сборник, сост. П. Арский. Ленинград, 1925 г., стр. 218, ц. 1 р., тир. 15.000.

Борьба за партию. Сборник по Ленину, вып. I. Ленинград, 1925 г., стр. 291, ц. 1 р. 30 к., тир. 10.000,

Аржекаев, Е.—Коммунистический строй. Сборник из главнейших произведений классиков марксизма. Ленинград, 1925 г., стр. 314, ц. 1 р. 25 к., тир. 20.000.

Пятый всемирный конгресс Коминтерна. Стенографический отчет, часть II. Ленинград, 1925 г., стр. 308, ц. 2 р. 50 к., тир. 4.000.

Зиновьев, Г.—Ленинизм. Ленинград, 1925 г., стр. 396, ц. 1 р. 20 к., тир. 50.000.

Каменев, Л.—Статьи и речи, т. I. Ленинград, 1925 г., стр. 319, ц. 1 р. 40 к., тир. 15.000.

Талес, К.—Коммуна 1871 года. Ленинград, 1925 г., стр. 161, ц. 75 к., тир. 15.000.

Анишев, Ан.—Очерки истории гражданской войны 1917—1920 г.г. Ленинград, 1925 г., стр. 284, ц. 2 р., тир. 7.000.

Религиозный туман. Сборн. худож. материалов, сост. Глаголева, Н. Ленинград, 1925 г., стр. 253, ц. 1 р. 20 к., тир. 10.000.

«Госиздат».

Хрестоматия для марксистских кружков, совпартшкол, школ для взрослых и для самообразования по общественным наукам. Первая ступень, выпуск I. Москва, 1925 г., стр. 419, ц. 2 р., тир. 30.000.

Ленинский призыв РКП (б). Сборник. Москва, 1925 г., стр. 206, ц. 90 к., тир. 15.000.

Демьян Бедный и др.—Крестьянский корреспондент, его роль, его работа. Москва, 1925 г., стр. 189, ц. 1 р. 25 к., тир. 10.000.

Лозовский, А. Англо-советская конференция профессион. союзов. Москва, 1925 г., стр. 109, ц. 50 к., тир. 10.000.

Опечатка.

	Напечатано:	Следует:
На стр. 48, в строке 16.	„Это будут «интер-империалистические»"	„Это будут «интер-империалистические» союзы".

Редакция: В. Астров, Н. Бухарин, Л. Каменев, А. Слепков, Е. Ярославский.

СОДЕРЖАНИЕ.

БОЛЬШЕВИК

№ 19—20 № 19—20

30 ОКТЯБРЯ

1 9 2 5

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“